

ВЕСНИК

БРЭСЦКАГА ЁНІВЕРСІТЭТА

Рэдакцыйная калегія

галоўны рэдактар

Ю. П. Голубеў

намеснік галоўнага рэдактара

У. В. Здановіч

адказны рэдактар

А. М. Вабішчэвіч

В. Ф. Байнёў (Беларусь)
А. В. Брэскі (Беларусь)
А. Ю. Барысёнак (Расія)
М. У. Варакуліна (Беларусь)
Р. А. Васілевіч (Беларусь)
Т. А. Гарупа (Беларусь)
А. А. Гужалоўскі (Беларусь)
А. А. Каваленя (Беларусь)
А. І. Караткевіч (Беларусь)
У. У. Лосеў (Беларусь)
І. Э. Мартыненка (Беларусь)
Н. В. Адзіночанкава (Расія)
С. А. Піваварчык (Беларусь)
А. А. Савіч (Беларусь)
Т. С. Сілюк (Беларусь)
С. М. Храмаў (Беларусь)

Пасведчанне аб рэгістрацыі
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь
№ 1337 ад 28 красавіка 2010 г.

Адрас рэдакцыі:
224016, г. Брэст,
бульвар Касманаўтаў, 21
тэл.: +375-(162)-21-72-07
e-mail: vesnik@brsu.by

Часопіс «Веснік Брэсцкага
ўніверсітэта» выдаецца
са снежня 1997 г.

Серыя 2

ГІСТОРЫЯ

ЭКАНОМІКА

ПРАВА

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выходзіць тры разы на год

Заснавальнік – установа адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна»

№ 1 / 2026

У адпаведнасці з Дадаткам да загада
Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь
ад 09.02.2026 № 30

(са змяненнямі, унесенымі загадам ад 31.03.2026 № 72)
часопіс «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта.

Серыя 2. Гісторыя. Эканоміка. Права» ўключаны
ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь
для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў у 2026 г.
па гістарычных, эканамічных і юрыдычных навуках

◇ ◇ ◇

У адпаведнасці з дагаворам паміж установай адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна»
і ТАА «Навуковая электронная бібліятэка» (ліцэнзійны дагавор
№ 457-11/2020 ад 03.11.2020) часопіс «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта.

Серыя 2. Гісторыя. Эканоміка. Права»
размяшчаецца на платформе eLIBRARY.RU
і ўключаны ў Расійскі індэкс навуковага цытавання (РІНЦ)

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ

Смяховіч М. У. Кормавытворчасць у калгасах і саўгасах БССР у 1946–1991 гг.: напрамкі развіцця, вынікі	5
Вабішчэвіч А. М. Культурнае жыццё ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) як аб'ект вывучэння ў сучасных айчынных гістарычных даследаваннях	13
Баран В. А. Калектыўны партрэт ветэранаў КПЗБ як сацыяльнай супольнасці ў БССР у другой палове ХХ ст.	25
Казак О. Г. Деятельность Общества советско-польской дружбы и Белорусского общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами по реализации национально-культурных потребностей поляков в БССР (1988–1991 гг.)	32
Гавриловец Л. В. Польские инициативы по разоружению в 1980-е гг. и план Ярузельского.....	40
Донцова С. А. Металлические украшения рук в X–XVIII вв. в историографии Беларуси и России	47

ЭКАНОМІКА

Лабейко О. А. Особенности государственного управления реабилитацией и абилитацией людей с инвалидностью: опыт зарубежных стран	55
Силюк Т. С., Горбач М. Д. Коммуникационная политика как фактор повышения конкурентоспособности поместья белорусского Деда Мороза.....	62
Степаненко Д. М. Законодательное регулирование государственного прогнозирования и планирования в системе реализации экологической и инновационной политики Республики Беларусь	70
Карпенко В. М., Линь Кунь. Моделирование сценариев экономического роста регионов вдоль «Пояса и пути»	78
Радцевич А. В. Фискальные меры как инструмент стабилизации экономики в условиях кризиса.....	85
Guo Jinhua. An Empirical Study on the Evaluation and Driving Factors of China's Green Finance Development	92

ПРАВА

Телятицкая Т. В., Высоцкий С. А. Эффективность административной ответственности в сфере безопасности дорожного движения в Беларуси и России	101
Ярмоц Е. Н. Формы объективации культуры судебной деятельности в социально-правовом пространстве	111
Маслакова Н. Н., Бородей А. С. Санаторно-курортное лечение и оздоровление в Республике Беларусь и Российской Федерации: отдельные вопросы правового регулирования	118
Воробьев Д. В. Сущность понятия «обеспечение собственной радиационной безопасности органов пограничной службы» Республики Беларусь: теоретико-правовые подходы.....	125
Береговцова Д. С. Правовое регулирование прав пациентов в Республике Беларусь: современное состояние и перспективы развития.....	133
Василевич Д. Г. Суррогатное материнство в национальном и международном измерении.....	141
Романюк Е. В. Юридическая ответственность за пропаганду наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов в Республике Беларусь	148

VESNIK

OF BREST UNIVERSITY

Editorial Board

Editor-in-chief

Yu. P. Golubeu

Deputy Editor-in-chief

U. V. Zdanovich

Managing editor

A. M. Vabishchevich

V. F. Bajniou (Belarus)

A. V. Breski (Belarus)

A. Yu. Barysionak (Russia)

M. U. Varakulina (Belarus)

R. A. Vasilievich (Belarus)

T. A. Garupa (Belarus)

A. A. Huzhalouski (Belarus)

A. A. Kavalienia (Belarus)

A. I. Karatkevich (Belarus)

U. U. Losieu (Belarus)

I. E. Martynienka (Belarus)

N. V. Adzinochankava (Russia)

S. A. Pivavarchyk (Belarus)

A. A. Savich (Belarus)

T. S. Siliuk (Belarus)

S. M. Khramau (Belarus)

Registration Certificate
by Ministry of Information
of the Republic of Belarus
nr 1337 from April 28, 2010

Editorial Office:
224016, Brest,
21, Kosmonavtov Boulevard
tel.: +375-(162)-21-72-07
e-mail: vesnik@brsu.by

Published since December 1997

Series 2

HISTORY

ECONOMICS

LAW

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

Issued three a year

Founder – Educational Establishment
«Brest State A. S. Pushkin University»

№ 1 / 2026

According to the Supplement to the order of Supreme Certification
Commission of the Republic of Belarus from February 09, 2026 nr 30
(with the amendments made by the order from March 31, 2026 nr 72)
the journal «Vesnik of Brest University.

Series 2. History. Economics. Law» has been included
to the List of scientific editions of the Republic of Belarus
for publication of the results of scientific research in 2026
in historical, economic and law sciences

◇ ◇ ◇

According to the agreement
between Educational Establishment
«Brest State A. S. Pushkin University» and Pvt Ltd «Scientific Electronic
Library» (license contract № 457-11/2020 from 03.11.2020)
the journal «Vesnik of Brest University. Series 2. History. Economics. Law»
is placed on the platform eLIBRARY.RU
and included in the Russian Science Citation Index (RSCI)

CONTENTS

HISTORY

Mikalai Smiakhovich. Feed Production on Collective Farms and State Farms of the BSSR in 1946–1991: Directions of Development, Results.....	5
Aliaksandr Vabishchevich. Cultural Life in Western Belarus (1921–1939) as an Object of Study in Modern Domestic Historical Research	13
Victoria Baran. Collective Portrait of Veterans of the CPZB as a Social Community in the BSSR in the Second Half of the XX Century.....	25
Oleg Kazak. Activities of the Soviet-Polish Friendship Society and the Belarus Society of Friendship and Cultural Relations with Foreign Countries to Realizing the National and Cultural Needs of Poles in the BSSR (1988–1991).....	32
Lyudmila Gavrilovets. Polish Disarmament Initiatives in the 1980s and the Jaruzelski Plan	40
Sofiya Dontsova. Metal Hand Adornments of the 10th–18th Centuries in the Historiography of Belarus and Russia.....	47

ECONOMICS

Olga Labeyko. Features of State Management of Rehabilitation and Abilitation of People with Disabilities: Experience of Foreign Countries	55
Tatyana Silyuk, Maria Gorbach. Communication Policy as a Factor in Increasing the Competitiveness of the Belarusian Father Frost Estate	62
Dmitriy Stepanenko. The Legislative Regulation of the State Forecasting and Planning in the System of the Realization of the Ecological and Innovation Policy of the Republic of Belarus.....	70
Valeri Karpenka, Lin Kun. Modeling of Economic Growth Scenarios for Regions Along the Belt and Road	78
Anatoly Radtsevich. Fiscal Measures as a Tool to Stabilize the Economy in a Crisis.....	85
Го Цзиньхань. Эмпирическое исследование оценки и факторов, определяющих развитие «зеленого» финансирования в Китае	92

LAW

Tatyana Telyatitskaya, Sergey Vysotsky. Effectiveness of Administrative Liability in the Field of Road Traffic Safety in Belarus and Russia	101
Alena Yarmats. Forms of Objectification of Judicial Culture in the Social and Legal Space	111
Natalya Maslakova, Anastasia Borodey. Sanatorium-Resort Treatment and Health Recovery in the Republic of Belarus and the Russian Federation: Selected Issues of Legal Regulation.....	118
Denis Varabiev. The Essence of the Concept of «Ensuring the Own Radiation Safety of the Border Service Agencies» of the Republic of Belarus: Theoretical and Legal Approaches.....	125
Diana Beregovtsova. Legal Regulation of Patients' Rights in the Republic of Belarus: Current Status and Development Prospects	133
Dmitry Vasilevich. Surrogacy in the National and International Dimension	141
Elena Romanyuk. Legal Liability for Propaganda of Narcotic Drugs, Psychotropic Substances, and Their Analogues in the Republic of Belarus	148

ГІСТОРЫЯ

УДК 338.43:636.084/089(476)(091) «1946/1991»

DOI 10.63874/2218-0281-2026-1-5-12

Мікалай Уладзіміравіч Смяховіч

д-р гіст. навук, дац., галоўны навук. супрацоўнік Інстытута гісторыі

Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі

Mikalai Smiakhovich

Doctor of Historical Sciences, Associat Professor,

Chef Researcher of Institute of History

of National Academy of Sciences of Belarus

e-mail: smenic18@mail.ru

КОРМАВИТВОРЧАСЦЬ У КАЛГАСАХ І САЎГАСАХ БССР У 1946–1991 ГГ.: НАПРАМКІ РАЗВІЦЦЯ, ВЫНІКІ

Аналіз фактычнага матэрыялу паказаў, што ў 1946–1991 гг. вырашыць праблему забеспячэння жывёлагадоўчай галіны калгасаў і саўгасаў кармамі ў адпаведнасці з заатэхнічнымі нормама ўлады БССР не здолелі. У артыкуле ўстаноўлена, што выкананню заданняў мэтавых праграм, скіраваных на вырашэнне кармавой праблемы, перашкаджалі формы кіравання гаспадаркамі, якія абпіраліся на бюракратызм, недахоп фінансавых і матэрыяльных рэсурсаў, недасканаласць тэхналагічнай базы кормавытворчасці.

Ключавыя словы: БССР, калгас, саўгас, жывёлагадоўля, кормавытворчасць, урад, дырэктыва, праграма, фінансаванне, тэхналогія, вынік.

Feed Production on Collective Farms and State Farms of the BSSR in 1946–1991: Directions of Development, Results

The results of analyzing the research material demonstrate that between 1946 and 1991 the authorities of the BSSR were unable to solve the problem of providing the livestock industry with feed in accordance with zoo-technical standards. The article establishes that the fulfillment of the tasks of target programs aimed at solving the feed problem was hindered by bureaucratic forms of management, lack of financial and material resources, and imperfection of the technological base of feed production.

Key words: BSSR, collective farm, state farm, livestock, feed production, government, directive, program, financing, technology, result.

Уводзіны

У беларускай гістарыяграфіі не назапашана праца па пытанні развіцця кормавытворчасці ў калгасах і саўгасах БССР. Некаторыя звесткі ўтрымліваюцца ў абагульняючых калектыўных манаграфічных працах. Спраба вырашэння кармавога пытання ў 1971–1991 гг. разглядалася У. Навіцкім у т. 6 «Гісторыі Беларусі» [1, с. 415–416]. Праца замежных аўтараў па гісторыі кормавытворчасці таксама няма.

Актуальнасць тэмы даследавання абумоўлена недастатковасцю яе гістарыяграфічнай распрацоўкі, неабходнасцю больш глыбокага і сістэмнага вывучэння прадмета даследавання.

Крыніцазнаўчую базу, на якую абапіраецца даследаванне, склалі рашэнні, якія прымаліся кіраўніцтвам КПСС – КПБ, дакументы, якія захоўваюцца ў фондах Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь (Ф. 4п, Воп. 156; Ф. 7, Воп. 10; Ф. 30, Воп. 13; Ф. 31, Воп. 15; Ф. 48, Воп. 14).

Метады даследавання: аналіз і сінтэз, індукцыя і дэдукцыя, параўнанне і абагульненне; прынцыпы аб'ектыўнасці, гістарызму і сістэмнасці, уласцівыя дыялектычнаму матэрыялізму; гісторыка-параўнальны метады, гісторыка-генетычны метады, колькасны аналіз.

Мэтай артыкула з'яўляецца разгляд напрамкаў практычнай дзейнасці дзяржаўнага кіраўніцтва Савецкай Беларусі, кадравага складу аграрных прадпрыемстваў у вырашэнні кармавой праблемы.

Для дасягнення мэты неабходна было вырашыць наступныя задачы:

- 1) выявіць намаганні кіраўніцтва БССР у вырашэнні кармавога пытання;
- 2) вызначыць прычыны, якія перашкаджалі яго вырашэнню, даць ацэнку вынікам зробленага.

Асноўная частка

Адной з самых зладзённых праблем сельскай гаспадаркі з'яўляўся недахоп кармоў, неабходных для ўтрымання жывёлы. Ад наўнасці кармоў залежала выніковасць працы гаспадарак у вытворчасці малака і мяса.

У сакавіку 1946 г. быў прыняты чацвёрты пяцігадовы план развіцця народнай гаспадаркі СССР. У плане адзначалася, што важнейшай задачай сельскай гаспадаркі БССР у 1946–1950 гг. было павелічэнне валавога збору сельскагаспадарчай прадукцыі.

У жывёлагадоўлі было запланавана давесці колькасць буйной рагатай жывёлы да 2,86 млн галоў, коней – да 0,77 млн, свіней – да 2,6 млн, авечак і коз – да 2,9 млн галоў [2, с. 24–26, 247–250]. Аднак ужо ў 1946 г. у БССР не быў выкананы гадавы план развіцця жывёлагадоўлі.

У калгасах па прычыне недахопу кармоў загінула 65,7 тыс. галоў буйной рагатай жывёлы, 10 тыс. свіней, 38,9 тыс. авечак і коз [3, с. 197–198].

У цэлым у 1950 г. паказчыкі чацвёртай пяцігодкі, якія датычыліся сельскай гаспадаркі БССР, не былі выкананы. Сярод прычын, якія перашкаджалі выкананню планавых паказчыкаў, асноўнымі былі апора на прымусова-бюракратычныя формы гаспадарання, адсутнасць у гаспадарках фінансавых рэсурсаў, тэхнікі, неабходнай для кормавытворчасці, адсутнасць у калгаснікаў матывацыі да працоўнай дзейнасці. Асноўнай формай аплаты працы ў арцелі быў працадзень, які не матываваў калгаснікаў да працы. У 1946 г. у БССР 90 % калгасаў не выплачвалі калгаснікам ніякага заробку; у цэлым у гады чацвёртай пяцігодкі працадні не мелі ніякай рэальнай вартасці [4, с. 52]. У выніку ў гаспадарках становішча з нарыхтоўкай кармоў заставалася цяжкім. У зімовастойлавы перыяд 1952–1953 гг. у калгасах БССР загінула каля 27 тыс. галоў свойскай жывёлы [5, арк. 266].

Неабходна адзначыць, што ў 1947–1953 гг. дзяржавай па пытанні кормавытворчасці прымалася шмат рашэнняў, але яны па прычыне амаль поўнай адсутнасці корманарыхтоўчай тэхнікі, прымусу калгаснікаў да нарыхтоўкі сена рукамі слаба ўплывалі на справу. У 1953 г. першы сакратар ЦК КПБ М. Патолічаў канстатаваў, што грамадская жывёлагадоўля не забяспечваецца кармамі, ставілася задача ў бліжэйшыя гады «ліквідаваць запушчанае кармавой базы», было

запланавана нарыхтоўваць па 2,5 т бульбы, 5–6 т кукурузнага сіласу на карову, па 3–4 т бульбы на свінаматку [6, с. 486–487]. На працягу 1954–1957 гг. гэтыя паказчыкі не былі дасягнуты, таму ў 1958 г. першы сакратар ЦК КПБ (б) К. Мазураў зноў канстатаваў, што ў калгасах і саўгасах дагляд жывёлы арганізаваны дрэнна [7, с. 132–134]. Ён адзначаў, што ў гаспадарках на становішчы спраў з кормавытворчасцю негатыўна адбіваўся недахоп кваліфікаваных кадраў, фінансавых рэсурсаў, кароўнікаў, цялятнікаў, памяшканняў для захоўвання кармоў.

Паводле разлікаў Дзяржплана БССР, у 1955–1960 гг. у калгасах і саўгасах было запланавана пабудаваць гаспадарчых памяшканняў, фермаў на 1,0 млн галоў буйной рагатай жывёлы, свінарнікаў – на 852 тыс. галоў з тым, каб да пачатку 1960 г. усё пагалоўе знаходзілася ў «добраўпарадкаваных памяшканнях» [8, арк. 30].

Пасля таго як у маі 1957 г. кіраўніцтва СССР абвясціла саборніцтва з ЗША ў вытворчасці прадукцыі жывёлагадоўлі на душу насельніцтва, пытанне забеспячэння жывёлагадоўлі кармамі абвастрылася: у гэты час адбыліся поўныя змены ў падыходах да яго вырашэння. Яны датычылі ініцыятывы, з якою кіраўніцтва ЦК КПСС звярнулася да беларускіх уладаў, кадравага корпусу аграрных прадпрыемстваў рэспублікі. Ужо ў студзені 1958 г. прагучаў заклік да вытворчасці кукурузы і цукровых буракоў, што для кіраўніцтва, калектываў беларускіх калгасаў і саўгасаў было справай новай і надзвычай нязвычайнай.

Падчас наведвання БССР у 1958 г. на гэта звяртаў увагу беларускага кіраўніцтва першы сакратар ЦК КПСС М. Хрушчоў: «Я гаварыў раней і хачу паўтарыць цяпер: няма іншай культуры, якая так аплачвае працу, як кукуруза... Кукурузу ў Беларусі трэба сеяць... Я параіў бы Беларусі сеяць цукровыя буракі... Беларусь павінна ўзяцца за вырошчванне буракоў» [9, с. 12–13, 19].

Аднак матэрыяльныя рэсурсы, якія ў гэты час кіраўніцтва Савецкай дзяржавы ў прыярытэтным парадку напраўляла на засваенне цаліны, рэспубліцы на развіццё сельскай гаспадаркі з саюзных фондаў амаль не выдзяляліся. Таму беларускае партыйнае кіраўніцтва не мела магчымасці прыслухацца да парады і справай падтрымаць хрушчоўскую ініцыятыву. Пасля прыняцця трэцяй праграмы КПСС, калі савецкая прапаганда нястомна заклікала будаваць каму-

нізм, М. Хрушчоў у мэтах кантролю вырашыў наведць Беларусь. 10 студзеня 1962 г. ён прыехаў у Мінск. «Цяпер і з вамі, таварышы беларусы, пагаворым па душах... Тры гады няма руху наперад... Уся справа ў вытворчасці кармоў... За мінулы год у калгасах і саўгасах рэспублікі загінула 516 тыс. свіней, або 15 % усяго пагалоўя, у т. л. 395 тыс. парасят, або 20 %. Гэта, што... нармальна з'ява?.. Не, гэта – абуральнае вядзенне сельскай гаспадаркі, вынік адсутнасці кармоў, дрэннага дагляду жывёлы», – канстатаваў М. Хрушчоў [8, с. 8–13]. Пасля гэтага беларускае кіраўніцтва, адчуваючы пагрозу кадравых перамен, узялося за справу: у рэспубліцы распачалася кампанія па пашырэнні пасеваў кукурузы, цукровых буракоў, іншых кармавых культур. Дзеля гэтага былі выдаткаваны фінансавыя сродкі, у сельскагаспадарчых ВНУ рыхтаваліся кадры, а ў сельскагаспадарчых прадпрыемствах выраслі пастаўкі аўтатрактарнай тэхнікі: у 1959 г. сельская гаспадарка БССР атрымала 4,7 тыс. трактароў, а ў 1965 – 9,1 тыс. трактароў. У 1965 г. калгасы на набыццё машынатрактарнай тэхнікі накіравалі 22 % грашовых сродкаў ад агульнага аб'ёму сваіх капіталаўкладанняў.

У 1965 г. у сярэднім на адзін беларускі калгас прыпадала 23 трактары ў пераліку на 15-сілавых і 4 збожжаўборачныя камбайны [11, с. 15]. Механізацыя і спецыялізацыя вытворчасці спрыялі таму, што ў гады сямігодкі плошчы пасеву кукурузы і цукровых буракоў павялічыліся ў Гродзенскай, Мінскай, Брэсцкай і Гомельскай абласцях. Буракі і кукуруза добра «прыжыліся» на меліяраваных тарфяніках беларускага Палесся, што палепшыла становішча з нарыхтоўкай кармоў. Аднак паводле калгасных справаздач працэс спецыялізацыі не суправаджаўся працай па ўкараненні новых прагрэсіўных тэхналогій, мерапрыемствамі па забеспячэнні жывёлагадоўчых комплексаў кваліфікаванымі спецыялістамі, што тармазіла вырашэнне кармавога пытання.

Яшчэ адным фактарам, ад якога залежала становішча з кармамі, была вытворчасць камбініраваных кармоў.

У 1964 г. дэфіцыт камбікармавых рэсурсаў Савецкай дзяржавы склаў 2 млн т [12, арк. 31]. У сувязі з гэтым М. Хрушчоў заявіў: «Надышоў час стварыць прамысловасць па вырабе камбініраваных кармоў. У нас ёсць камбікармавыя заводы, але іх работа арганізавана па-саматужнаму... Нельга

пакідаць камбікармавую прамысловасць на такім узроўні» [13, с. 53–54].

Пасля гэтага ў БССР шырокае распаўсюджванне атрымалі міжгаспадарчыя аб'яднанні па розных відах дзейнасці. Мінсельгас БССР кантраляваў справу, у лютым 1980 г. быў выдадзены загад «Аб становішчы і развіцці міжгаспадарчай кааперацыі сельскагаспадарчай вытворчасці і аграпрамысловай інтэграцыі ў рэспубліцы», у якім адзначалася, што функцыі міжгаспадарчых прадпрыемстваў ажыццяўлялі 277 калгасаў і саўгасаў, 186 – па абслугоўванні калгасаў і саўгасаў, у тым ліку ў нарыхтоўцы кармоў [14, арк. 93–94].

Разам з тым істотнай перашкодай з'яўляліся фармальна-бюракратычныя формы і метады кіравання гаспадаркамі, калі ў справаздачах старыя фермы многіх калгасаў і саўгасаў былі «пераўтвораны» ў комплексы. У выніку сродкі на іх мадэрнізацыю не выдзяляліся, а тэхналогіі заставаліся фізічна і маральна састарэлымі, таму 40 % тэхналагічных аперацый выконваліся даіндустрыяльнымі метадамі, што тармазіла як развіццё гаспадарак, так і вырашэнне кармавой праблемы. Па нашых падліках, у цэлым у 1985 г. працэс комплекснай механізацыі ахапіў у сярэднім прыкладна 70 % усіх тэхналагічных аперацый, якія выконваліся ў раслінаводстве і жывёлагадоўлі калгасаў і саўгасаў рэспублікі.

Адным з пытанняў, ад якога залежала рацыянальнае выкарыстанне кармоў, была іх структура ў рацыёне жывёлы. У 1970-х гг. беларускімі навукоўцамі было ўстаноўлена, што структура кармоў у рацыёне жывёлы павінна быць наступнай: канцэнтраваныя кармы – 25–30 %, зялёныя – 30–35 %, грубыя – 25–30 %, сакавітыя – 15–20 %. Пры гэтым доля высакаякаснага сена ў групе грубых кармоў павінна была складаць 6–10 % [15, с. 193]. У верасні 1970 г. была прынята чарговая пастанова ЦК КПБ і СМ БССР «Аб мерах па паляпшэнні якасці кармоў у 1971–1975 гг.», у якой прадугледжвалася павялічыць вытворчасць кармоў і іх якасць за кошт стварэння 1500 тыс. га высокапрадукцыйных лугоў і выганаў, і ў 1974 г. было створана 1497 тыс. га такіх лугоў [16, арк. 173].

Беларускімі навукоўцамі былі распрацаваны кармавыя балансы. Паводле іх на вытворчасць 1 ц мяса на адну ўмоўную галаву буйной рагатай жывёлы патрабавалася расходаваць 8,4 ц кармавых адзінак (карм. адз.); на вытворчасць 1 ц мяса свіней – 7,8 ц карм.

адз. на адну ўмоўную галаву; на вытворчасць 1 ц малака – 1,2 ц карм. адз. на адну ўмоўную галаву [17, арк. 1].

Аднак у 1970–1980 гг. кармавое пытанне вырашалася складана, перш за ўсё па прычыне недастатковай вытворчасці. У гэты перыяд вытворчасць кармоў была далёкай не толькі ад запланаваных пастановамі норм забеспячэння, але і ад рэальных гаспадарчых патрэб. У 1974–1975 гг. забяспечанасць грамадскага статку рэспублікі кармамі складала: па сене – 50,3 %, сенажы – 118,6 %, карняплодам – 48,9 %, бульбе – 122,7 % ц карм. адз. на адну ўмоўную галаву, што складала 85,9 % да разліковых заатэхнічных нормаў [17, арк. 196].

У 1975–1976 гг. забяспечанасць кармамі ў калгасах і саўгасах БССР у разліку на адну ўмоўную галаву знізілася да 66,7 % [17, арк. 196]. У 1975–1976 гг. забяспечанасць жывёлагадоўлі БССР канцэнтратамі ўласнай вытворчасці складала толькі 41,5 % [17, арк. 58].

Паводле планаў Мінсельгаса БССР, у 1975 г. для стварэння трывалай кармавой базы неабходна было ў кожнай гаспадарцы вырабляць на ўмоўную галаву 38 ц карм. адз. [18, арк. 22]. У 1976 г. спецыялістамі Мінсельгаса БССР была праведзена праверка ўтрымання жывёлы ў зімовы перыяд. Было ўстаноўлена, што ў пачатку лістапада большасць гаспадарак Брэсцкага, Пінскага, Кобрынскага, Бярозаўскага раёнаў па прычыне недахопу кармоў не перавяла буйную рагатую жывёлу на зімова-стойлавы перыяд кармлення [19, арк. 39]. Такое ж становішча склалася ў шмат якіх раёнах Віцебскай вобласці, «у абсалютнай большасці» гаспадарак Жлобінскага, Жыткавіцкага, Буда-Кашалёўскага раёнаў [19, арк. 43].

Становішча з кармамі не выправілася ў лепшы бок і надалей. У 1980–1981 гг. для вытворчасці зялёных кармоў выкарыстоўвалася 3,4 млн га сенакосаў і выганаў, больш за 2 млн га было засеяна кармавымі культурамі. Але кожны год запатрабаванасць у кармах задавальнялася «не больш чым на 70–75 %» [20, арк. 30]. Безумоўна, не ва ўсіх раёнах кіраўнікі калгасаў і саўгасаў дрэнна клапаціліся аб кармавой базе, былі і добрыя гаспадары. Так, у Слоніміскім раёне вытворчасць кармавых адзінак з 1 га сельгасугоддзяў павялічылася з 17 ц у 1970 г. да 30 ц у 1979 г. Таму вытворчасць мяса ў гаспадарках гэтага раёна за 1976–1980 гг. павялічылася на 17 % і склала ў разліку на 100 га

сельгасугоддзяў 154,5 ц, вытворчасць малака за гэты час павялічылася на 12,5 % і склала 481,8 ц на 100 га сельгасугоддзяў, рэнтабельнасць вытворчасці мяса буйной рагатай жывёлы ў 1979 г. у раёне склала 41,2 % [21, арк. 39–41].

У 1980 г. кіраўніцтвам Мінсельгаса БССР была пастаўлена задача давесці вытворчасць кармоў да 20,5 млн карм. адз., што дало б магчымасць атрымаць па 36 ц карм. адз. на ўмоўную галаву [21, арк. 47]. Аднак дасягнуць гэтага паказчыка гаспадаркі не здолелі. У 1984 г. у гаспадарках Слуцкага раёна на ўмоўную галаву прыпала 10,3 ц карм. адз., што склала 54 % да неабходнай нормы. У выніку сутачны надой малака ад каровы зімой 1981 г. у гэтым раёне склаў 4,6 кг (на 0,5 кг менш, чым у 1980 г.) [19, арк. 10]. Не лепшым было становішча ў іншых раёнах рэспублікі, таму ў чарговы раз Мінсельгас БССР выдаў загад аб нарыхтоўцы ва ўсіх гаспадарках рэспублікі 35 ц карм. адз. на адну ўмоўную галаву [23, арк. 27].

Нягледзячы на тое, што ў гаспадарках на ўмацаванне кармавой базы была нацэлена механізацыя кармавытворчасці, укараненне гасразліку ў брыгадах, якія займаліся нарыхтоўкай кармоў, становішча заставалася складаным. Кармоў пастаянна не хапала. Аналіз, праведзены спецыялістамі Мінсельгаса БССР, паказаў, што па прычыне недакорму жывёлы яе вытворчы патэнцыял у многіх гаспадарках выкарыстоўваўся меней чым на 70 % [24, арк. 5]. Назіралася натуральная ўзаемасувязь: кармоў выраблялася на 50–70 % да нормы, і вытворчы патэнцыял жывёлы выкарыстоўваўся на 50–70 % да яе генетычных магчымасцей.

Каб выправіць становішча, у 1981 г. кіраўніцтва БССР прыняло «Мэтавую праграму развіцця кармавытворчасці на XI пяцігодку». На падрыхтоўцы кармоў у гаспадарках было задзейнічана 20 тыс. чалавек, якія былі аб'яднаны ў механізаваныя брыгады і звёны, у 90 % гаспадарак працавалі спецыялісты па нарыхтоўцы кармоў.

У 1984 г. пасевы канюшыны, люцэрны і іх сумесі павялічыліся ў 1,4 разы, вырасла плошча пасеву кукурузы з 229 тыс. га ў 1981 г. да 386 тыс. га ў 1984 г. (на 35 %), плошча пасеву бабовых у структуры аднагодовых траў склала 67,1 %. У цэлым у 1984 г. з 1 га кармовых культур на ворыве было атрымана па 36,8 ц карм. адз. супраць 28,8 ц у 1981 г. (прырост склаў 28 %).

Але ў рэспубліцы прадукцыйнасць лугоў і выганаў заставалася слабой і не перавысіла 15–16 ц/га карм. адз., а на палепшаных – 18–20 ц/га карм. адз. [25, арк. 14–16].

Паводле праграмы было запланавана ў 1985 г. давесці вытворчасць кармоў да 24 млн т карм. адз. [24, арк. 37]. Выкананне заданняў гэтай праграмы кантраляваў Мінсельгас БССР. У 1982 г. міністэрства канстатвала, што недастатковы ўзровень кормавытворчасці стаў галоўнай перашкодай у далейшым нарошчванні вытворчасці прадукцыі жывёлагадоўлі і рэалізацыі планавых заданняў. Недабор кармоў у 1984 г. склаў 9,4 млн карм. адз., ці 32 % да плана [26, арк. 15, 22].

Вынікі выканання заданняў мэтавай праграмы былі падведзены ў кастрычніку 1985 г., але яе асноўных паказчыкаў калгасы і саўгасы рэспублікі дасягнуць не здолелі. Таму ў красавіку 1985 г. у БССР калгасныя гаспадаркі пачалі набываць хлебабулачныя вырабы і карміць хлебам жывёлу, што шырока абмяркоўвалася ў грамадстве (гэтай справай займалася пракуратура СССР).

Калі ў нарыхтоўцы кармоў для буйной рагатай жывёлы значную ролю адыгрывалі грубыя і сакавітыя кармы, то ў свінагадоўлі асноўнымі былі канцэнтраты, якія вырабляліся на прадпрыемствах перапрацоўчай прамысловасці, што ўваходзіла ў склад мукамольна-крупяной прамысловасці.

У 1970 г. доля камбікормавай падгаліны складала 11,6 %, а ў 1979 г. яна павялічылася да 29,2 % у агульным аб'ёме вытворчасці мукамольна-крупяной прамысловасці [27, арк. 164]. Аднак патрэбы ў камбікармах задавальняліся далёка не ў поўнай меры. Каб скараціць выдаткі дзяржавы, з гэтага часу было вырашана на аснове кааперацыі ствараць міжгаспадарчыя прадпрыемствы па вытворчасці кармоў. Акрамя таго, да ліку дапаможных галін міжгаспадарчай дзейнасці адносілася вытворчасць кармавых дабавак у хімічнай прамысловасці: мачавіны, кармавых драждэй, біяміцыну [27, арк. 160].

У 1970 г. у кармацэхах калгасаў і саўгасаў было выраблена 1637 тыс. т камбікармоў, а ў 1975 г. аб'ём вытворчасці склаў 3000 тыс. т [28, арк. 135] (рост на 48 %). Для вытворчасці камбікармоў ствараліся міжгаспадарчыя аб'яднанні. Гэта быў адзін з напрамкаў спецыялізацыі і канцэнтрацыі вытворчасці. Так, калі ў 1980 г. у рэспубліцы налічвалася 201 міжгаспадарчае аб'яднанне, куды на правах пайшчыкаў уваходзіла 3560 калгасаў і саўгасаў, то ў 1985 г. ужо дзейнічала 286 міжгаспадарчых аб'яднанняў

(на 42,2 % больш), у складзе якіх налічвалася 5748 гаспадарак-пайшчыкаў (больш на 33,4 %) [29, арк. 135]. У асноўным гэта былі міжгаспадарчыя аб'яднанні па вытворчасці камбікармоў і кармавых дабавак, рамонце і абслугоўванні сельгастэхнікі, будаўніцтве. Аднак гэта не дапамагло вырашыць праблемы забеспячэння жывёлагадоўлі кармамі ўласнай вытворчасці. На гэтыя мэты, па разліках спецыялістаў, патрабавалася штогод напраўляць каля 3,5 млн т фуражнага збожжа, якога ў рэспубліцы не было.

Значную ролю ў вырашэнні кармавога пытання адыграла меліярацыя. У 1985 г. меліяраваныя землі меліся ў 85 % калгасных і саўгасных гаспадарак рэспублікі. На меліяраваных землях выраблялася 30 % прадукцыі раслінаводства, з іх 61 % складала гародніна і звыш 40 % кармы. Прадукцыйнасць кармавога кліна меліяраваных зямель склала каля 25 ц/га карм. адз., а ворыва – на ўзроўні 35–40 ц/га карм. адз. У рэспубліцы ў 1976–1980 гг. з меліяраваных зямель было атрымана 27 млн. т карм. адз., у 1,5 раза больш, чым у 1971–1975 гг. Сярэдняя ўраджайнасць збожжавых на меліяраваных землях склала 24,7 ц/га, цукровых буракоў (фабрычных) – 224,4 ц/га, гародніны – 146 ц/га, бульбы – 159 ц/га. У цэлым у параўнанні з 1965 г. у рэспубліцы дзякуючы меліярацыі ўраджайнасць збожжавых павялічылася ў 1,5 раза, закупкі збожжа павялічыліся ў 6 разоў, малака, мяса, бульбы, гародніны – у 1,8–3,3 раза [30, с. 122–124].

У ліпені 1985 г. была прынята пастанова ЦК КПБ і СМ БССР «Аб асноўных напрамках развіцця вытворчасці кармоў у рэспубліцы на 1986–1990 гг.». У ёй адзначалася, што ў выніку ўкаранення гаспадарчага разліку і самастойнасці гаспадарак знізілася ўвага да прагрэсіўных корманарыхтоўчых тэхналогій. У пастанове былі вызначаны заданні па вытворчасці кармоў. Кіраўніцтву АПК, калгасаў і саўгасаў на аснове вивучэння вопыту калгасаў «Прагрэс» Гродзенскага, імя М. Урыцкага Гомельскага, імя 60-годдзя Кампартыі Беларусі Бярозаўскага, «Ленінскі шлях» Слуцкага раёнаў была пастаўлена задача палепшыць працу па ўкараненні інтэнсіўных тэхналогій у кормавытворчасці. Было запатрабавана, каб кожная гаспадарка на зімова-стойлавы перыяд нарыхтоўвала па 20 ц карм. адз., у т. л. уласнай вытворчасці 17,6 ц на ўмоўную галаву; акрамя таго, патрабавалася давесці ў 1990 г. расход кармоў на атрыманне 1 ц малака

не больш чым да 1,2 ц карм. адз., ялавічыны – да 10,6, свініны – да 7,6 ц карм. адз.

У мэтах кантролю за якасцю кармоў было прынята «Заданне» па стварэнні ў калгасах і саўгасах 2520 пунктаў аператыўнага кантролю. Выкананне ўсіх заданняў, вызначаных пастановай, павінна было прывесці «да поўнай забяспечанасці патрэб жывёлагадоўлі» кармамі ўласнай вытворчасці [28, арк. 115–116].

Але катастрофа на ЧАЭС не толькі не дазволіла выканаць намечанага – яна значна абвастрыла пытанне нарыхтоўкі кармоў, асабліва на забруджаных радыёнуклідамі тэрыторыях. У 1989 г. шмат якія гаспадаркі Шумілінскага, Талачынскага, Сенненскага, Ушацкага, Валожынскага, Клічаўскага, Бераставіцкага, Віцебскага, Глыбоцкага і шэрага іншых раёнаў пачалі зімовы стойлавы перыяд з 75 %-най забяспечанасцю кармамі. Гэта тлумачылася тым, што план вытворчасці фуражнага зерня, з якога вырабляўся камбікорм, калгасамі і саўгасамі рэспублікі быў выкананы толькі на 53 % [31, арк. 117].

Каб знізіць дэфіцыт кармоў, былі прыняты дадатковыя меры па будаўніцтве цэхаў па вытворчасці камбікорму ў міжгасах. Гэта дазволіла павялічыць аб'ём вытворчасці гэтай прадукцыі: калі ў 1981–1985 гг. у БССР сутачная вытворчасць камбікармоў складала 85 т, то ў 1986–1990 гг. – 3585 т [32, арк. 24] (павялічылася ў 21 раз). Аднак у стойлавы перыяд у шмат якіх гаспадарках кармоў не хапала.

У студзені 1989 г. сакратар Віцебскага абкама КПБ В. Грыгор'еў даслаў у сакратарыят ЦК КПБ ліст, у якім прасіў у першым квартале 1989 г. для ўтрымання дойнага статка выдзеліць вобласці 45 тыс. т камбікорму [33, арк. 3]. У сакавіку 1990 г. у Савет Міністраў БССР звярнуўся старшыня Гродзенскага аблвыканкама Д. Арцыменя, які паведамляў, што ў 1990 г. у вобласці «склалася надзвычай складанае становішча з забеспячэннем свінагадоўчых комплексаў кармамі» [34, арк. 93]. Рашэннем урада 26 сакавіка 1990 г. Гродзенскай вобласці было выдзелена 5 тыс. т камбікорму. Такое ж становішча было і ў іншых абласцях.

Камбікорм гаспадаркі набывалі за кошт крэдытных рэсурсаў; яны былі зацікаўлены ў спісанні крэдыторскай запазычанасці. Пытанне з запазычанасцю калгасаў і саўгасаў у памеры 2538 млн руб. было вырашана 5 чэрвеня 1990 г., калі была прынята Пастанова Вярхоўнага Савета Беларускай

ССР, у якой было зафіксавана: унесці на разгляд першай сесіі Вярхоўнага Савета Беларускай ССР дванаццатага склікання праект закона «Аб парадку і тэрмінах спісання даўгоў з калгасаў і саўгасаў у сувязі з пераходам да рыначнай эканомікі» [34, арк. 240–242].

У 1990 г. у БССР становішча з вытворчасцю кармоў заставалася цяжкім: у гэтым годзе калгасамі і саўгасамі было нарыхтавана кармоў уласнай вытворчасці 11,6 млн т карм. адз., што на 1,1 млн т (9 %) менш, чым у 1989 г. У выніку зімовы стойлавы перыяд гаспадаркі пачалі з 77 %-най забяспечанасцю ўласнымі кармамі, а з улікам наяўнасці канцэнтраваных кармоў з урадавага рэзерву – 92 %-най забяспечанасцю да зацверджаных норм [35, арк. 4].

У 1990 г. эканамічнае становішча ў СССР і іншых саюзных рэспубліках пагоршылася. Восенню 1990 г. бюро ЦК КПБ абмеркавала пытанне аб сітуацыі, якая склалася на спажывецкім рынку рэспублікі. У прынятай пастанове было заяўлена, што на рынку харчовых тавараў склалася крызіснае становішча. У сакавіку 1991 г. у сувязі з рэформай рознічных цэн саюзных рэспублікі ахапіла хваля масавых грамадскіх пратэстаў. У красавіку 1991 г. пленум ЦК КПБ канстатаваў, што забастовачныя выступленні працоўных атрымалі пагрознае развіццё, абвастрылі пытанне сацыяльнай падтрымкі дзяржаўнай улады.

Заклучэнне

Такім чынам, аналіз фактычнага матэрыялу паказвае: на працягу 1946–1991 гг. кіраўніцтва Савецкай Беларусі вырашыць праблему забеспячэння жывёлагадоўчай галіны кармамі не здолела. Выкананню пастаноў ЦК КПБ, заданняў мэтавых праграм, скіраваных на вырашэнне кармавой праблемы, перашкаджалі бюракратычныя формы кіравання калгасамі і саўгасамі. Працадзень, які да 1965 г. быў асноўнай формай аплаты працы калгаснікаў, не з'яўляўся інструментам матывацыі сялянства да высокапрадукцыйнай працы. Дзяржава слаба дапамагала калгаснаму кіраўніцтву фінансавымі і матэрыяльнымі рэсурсамі, у выніку чаго кармавытворчасць не была пераведзена на рэйкі інтэнсіфікацыі. Нявырашанасць кармавога пытання прамым чынам адбівалася на ўзмацненні дэфіцыту мяса-малочнай прадукцыі, негатыўна ўплывала на задавальненне спажывецкага попыту, што выклікала пратэсныя акцыі грамадства, падштурхоў-

вала да нарастання агульнага крызісу савецкай сацыяльна-эканамічнай сістэмы і яе краху ў 1990–1991 гг.

Матэрыялы артыкула могуць знайсці прымяненне ў навучальным працэсе пры

выкладанні курсаў па гісторыі Беларусі, спецыялізаваных курсаў па аграрнай гісторыі Беларусі.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Гісторыя Беларусі : у 6 т. – Мн. : Соврем. шк. : Экоперспектива. – Т. 6 : Беларусь у 1946–2009 гг. / Л. Лыч [і інш.] ; рэд. кал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – 2011. – 727 с.
2. Восьмая сесія Вярхоўнага Савета БССР 9–11 верасня 1946 г. : стэнагр. справаздач. – Мн. : Дзярж. выд-ва БССР, 1947. – 300 с.
3. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1971) / под общ. ред. П. Н. Федосеева и К. У. Черненко. – Изд. 8. – Т. 6 : 1941–1954. – М. : Политиздат, 1971. – 527 с.
4. Смяховіч, М. У. Аплата працы ў калгасах і саўгасах БССР / М. У. Смяховіч // Весці НАН Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2015. – № 3. – С. 50–60.
5. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Воп. 46. Спр. 617.
6. Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. Т. 4. 1945–1955 / под общ. ред. Г. Г. Бартошевича [и др.]. – Мн. : Беларусь, 1986. – 616 с.
7. Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. Т. 5. 1956–1965 / под общ. ред. Г. Г. Бартошевича [и др.]. – Мн. : Беларусь, 1986. – 598 с.
8. НАРБ. – Ф. 31. Воп. 6. Спр. 674.
9. Хрушчоў, М. С. Прамова на нарадзе перадавікоў сельскай гаспадаркі Беларускай ССР, 22 студзеня 1958 г. / М. С. Хрушчоў. – Мн. : Дзярж. выд-ва БССР, 1958. – 30 с.
10. Хрушчоў, М. С. Кожная рэспубліка павінна ўнесці дастойны ўклад у будаўніцтва камунізму / М. С. Хрушчоў. – Мн. : Дзярж. выд-ва БССР, 1962. – 41 с.
11. Полуян, И. В. Технические кадры белорусской деревни и развитие сельского хозяйства республики / И. В. Полуян. – Мн. : Наука и техника, 1978. – 222 с.
12. НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 46. Спр. 822.
13. Хрушчоў, М. С. Паспяхова ажыццяўляць рашэнні лютаўскага пленума ЦК КПСС аб інтэнсіфікацыі сельскагаспадарчай вытворчасці / М. С. Хрушчоў. – Мн. : Беларусь, 1964. – 89 с.
14. НАРБ. – Ф. 48. Воп. 14. Спр. 2357.
15. Системы ведения сельского хозяйства Белорусской ССР / Н. И. Смяян [и др.]. – Мн. : Урожай, 1981. – 279 с.
16. НАРБ. – Ф. 48. Воп. 14. Спр. 955.
17. НАРБ. – Ф. 48. Воп. 14. Спр. 1039.
18. НАРБ. – Ф. 48. Воп. 14. Спр. 1269.
19. НАРБ. – Ф. 48. Воп. 14. Спр. 1226.
20. НАРБ. – Ф. 48. Воп. 14. Спр. 2323.
21. НАРБ. – Ф. 48. Воп. 14. Спр. 2326.
22. НАРБ. – Ф. 48. Воп. 14. Спр. 2513.
23. НАРБ. – Ф. 48. Воп. 14. Спр. 2257.
24. НАРБ. – Ф. 48. Воп. 14. Спр. 2283.
25. НАРБ. – Ф. 48. Воп. 14. Спр. 3518.
26. НАРБ. – Ф. 48. Воп. 14. Спр. 2085.
27. НАРБ. – Ф. 31. Воп. 9. Спр. 4517.
28. НАРБ. – Ф. 31. Воп. 9. Спр. 1368.
29. НАРБ. – Ф. 30. Воп. 13. Спр. 894.
30. Хусаинов, Ю. М. На пути к большому хлебу / Ю. М. Хусаинов. – Мн. : Беларусь, 1985. – 367 с.
31. НАРБ. – Ф. 7. Воп. 10. Спр. 2223.
33. НАРБ. – Ф. 30. Воп. 13. Спр. 1622.
33. НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 156. Спр. 656.
34. НАРБ. – Ф. 7. Воп. 10. Спр. 2183.
35. НАРБ. – Ф. 31. Воп. 15. Спр. 1860.

REFERENCES

1. Gistoryya Belarusi : u 6 t. – Mn. : Sovrem. shk. : Ekoperspektiva. – T. 6 : Belarus' u 1946–2009 gg. / L. Lych [i insh.] ; red. kal.: M. Kascyuk (gal. red.) [i insh.]. – 2011. – 727 s.
2. Vos'maya sesiya Vyarkhounaga Saveta BSSR 9–11 verasnya 1946 g. : stenagr. spravazdachy. – Mn. : Dzyarzh. vyd-va BSSR, 1947. – 300 s.
3. Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuzu v rezolyuciyah i resheniyah s'ezdov, konferencij i plenumov CK (1898–1971) / pod obshch. red. P. N. Fedoseeva i K. U. Chernenko. – Izd. 8. – T. 6 : 1941–1954. – M. : Politizdat, 1971. – 527 s.
4. Smyahovich, M. U. Aplata pracy u kalgasakh i saugasakh BSSR / M. U. Smyahovich // Vesci NAN Belarusi. Seryya gumanitarnykh navuk. – 2015. – № 3. – S. 50–60.
5. Nacyanal'ny arkhiv Respubliki Belarus' (NARB). – F. 4p. Vop. 46. Spr. 617.
6. Kommunisticheskaya partiya Belorussii v rezolyuciyah i resheniyakh s'ezdov i plenumov CK. T. 4. 1945–1955 / pod obshch. red. G. G. Bartoshevicha [i dr.]. – Mn. : Belarus', 1986. – 616 s.
7. Kommunisticheskaya partiya Belorussii v rezolyuciyah i resheniyakh s'ezdov i plenumov CK. T. 5. 1956–1965 / pod obshch. red. G. G. Bartoshevicha [i dr.]. – Mn. : Belarus', 1986. – 598 s.
8. NARB. – F. 31. Vop. 6. Spr. 674.
9. Khrushchou, M. S. Pramova na narodze peradavikou sel'skaj gaspadarki Belaruskaj SSR, 22 studzenya 1958 g. / M. S. Khrushchou. – Mn. : Dzyarzh. vyd-va BSSR, 1958. – 30 s.
10. Khrushchou, M. S. Kozhnaya respublika pavinna unesci dastojny uklad u budaunictva kamunizma / M. S. Khrushchou. – Mn. : Dzyarzh. vyd-va BSSR, 1962. – 41 s.
11. Poluyan, I. V. Tekhnicheskie kadry belorusskoj derevni i razvitie sel'skogo khozyajstva respubliki / I. V. Poluyan. – Mn. : Nauka i tekhnika, 1978. – 222 s.
12. NARB. – F. 4p. Vop. 46. Spr. 822.
13. Khrushchou, M. S. Paspyakhova azhyccyauljac' rashenni lyutauskaga plenuma CK KPSS ab intensifikacyi sel'skagaspadarchaj vytvorchasci / M. S. Khrushchou. – Mn. : Belarus', 1964. – 89 s.
14. NARB. – F. 48. Vop. 14. Spr. 2357.
15. Sistemy vedeniya sel'skogo khozyajstva Belorusskoj SSR / N. I. Smeyan [i dr.]. – Mn. : Urozhai, 1981. – 279 s.
16. NARB. – F. 48. Vop. 14. Spr. 955.
17. NARB. – F. 48. Vop. 14. Spr. 1039.
18. NARB. – F. 48. Vop. 14. Spr. 1269.
19. NARB. – F. 48. Vop. 14. Spr. 1226.
20. NARB. – F. 48. Vop. 14. Spr. 2323.
21. NARB. – F. 48. Vop. 14. Spr. 2326.
22. NARB. – F. 48. Vop. 14. Spr. 2513.
23. NARB. – F. 48. Vop. 14. Spr. 2257.
24. NARB. – F. 48. Vop. 14. Spr. 2283.
25. NARB. – F. 48. Vop. 14. Spr. 3518.
26. NARB. – F. 48. Vop. 14. Spr. 2085.
27. NARB. – F. 31. Vop. 9. Spr. 4517.
28. NARB. – F. 31. Vop. 9. Spr. 1368.
29. NARB. – F. 30. Vop. 13. Spr. 894.
30. Khusainov, Yu. M. Na puti k bol'shomu khlebu / Yu. M. Khusainov. – Mn. : Belarus', 1985. – 367 s.
31. NARB. – F. 7. Vop. 10. Spr. 2223.
23. NARB. – F. 30. Vop. 13. Spr. 1622.
33. NARB. – F. 4p. Vop. 156. Spr. 656.
34. NARB. – F. 7. Vop. 10. Spr. 2183.
35. NARB. – F. 31. Vop. 15. Spr. 1860.

УДК 930.1 (476) «1921/1939»

DOI 10.63874/2218-0281-2026-1-13-24

Аляксандр Мікалаевіч Вабішчэвіч*д-р гіст. навук, праф., праф. каф. усеагульнай гісторыі і паліталогіі
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна***Aliaksandr Vabishchevich***Doctor of Historical Sciences, Professor,
Professor of the Department of General History and Political Science
of Brest State A. S. Pushkin University
e-mail: vabischev@rambler.ru***КУЛЬТУРНАЕ ЖЫЦЦЁ Ў ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ (1921–1939 гг.)
ЯК АБ’ЕКТ Вывучэння ў сучасных айчынных
гістарычных даследаваннях**

Сістэматызаваны гістарыяграфічныя веды аб культурным жыцці Заходняй Беларусі ў складзе Польшчы ў 1921–1939 гг., якія выкладзены ў абагульняючых калектыўных даследаваннях, манаграфіях і дысертацыях беларускіх вучоных за 1991–2025 гг. Выяўлены адметнасці гістарычных даследаванняў (проблемна-тэматычная навізна і актуальнасць, разнастайнасць крыніц, спалучэнне традыцыйных і інавацыйных навуковых метадаў, полідысцыплінарнасць). Адзначана перавага беларусацэнтрыйнай канцэптуальнай мадэлі культуры Заходняй Беларусі, якая не выключае яе поліэтнічнасць і поліканфесіянальнасць. Вызначаны перспектыўныя тэмы для далейшых даследаванняў праблематыкі.

Ключавыя словы: Заходняя Беларусь, Польшча, культурнае жыццё, паланізацыя, беларусацэнтрыйная канцэпцыя, поліэтнічнасць, поліканфесіянальнасць, гістарыяграфія, Рэспубліка Беларусь.

***Cultural Life in Western Belarus (1921–1939)
as an Object of Study in Modern Domestic Historical Research***

The article systematizes historiographic knowledge about the cultural life (cultural development, culture) of Western Belarus as part of Poland in 1921–1939, which is set out in generalizing collective studies, individual monographs and dissertations of Belarusian scientists for 1991–2025. The features of historical research are identified (problem-thematic novelty and relevance, diversity of sources; combination of traditional and innovative scientific methods, multidisciplinary nature). The advantage of the Belarusocentric conceptual model of the culture of Western Belarus, which did not exclude its multi-ethnicity and multi-confessionality, is noted. Promising topics for further research on the issue are identified.

Key words: Western Belarus, Poland, cultural life, polonization, Belarusocentric concept, polyethnicity, polyconfessionality, historiography, Republic of Belarus.

Уводзіны

Гісторыя Заходняй Беларусі ў складзе Польшчы (1921–1939 гг.) з’яўляецца градыцыйным напрамкам у айчыннай гістарычнай навуцы ўжо на працягу стагоддзя. На сучасным этапе развіцця беларускага грамадства (з 1991 г.) гэтая праблематыка значна пашырылася на падставе новых масіваў крыніц, якія сталі даступнымі для даследчыкаў (асабліва архіўных дакументаў), і новых навукова-метадалагічных падыходаў. Разам з вывучэннем розных праблемна-тэматычных аспектаў сацыяльна-эканамічнага стану, грамадска-палітычнага жыцця было разгорнута даследаванне культурнага жыцця (культурнага развіцця, культуры) заходне-беларускіх зямель, што недаацэньвалася ці

скажалася ў савецкі перыяд. У выніку ігнаравання заходнебеларускай культурнай спадчыны, створанай прадстаўнікамі «чужых» сацыяльных, нацыянальных дзеячаў і арганізацый, «адбылося збядненне сацыякультурнай гісторыі Заходняй Беларусі, адмаўленне ад значных дасягненняў беларускага народа ў матэрыяльнай і духоўнай культуры, у галіне адукацыі, навукі, літаратуры і мастацтва» [1, с. 49].

Айчынная гістарыяграфія гісторыі культуры Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) пакуль не з’яўлялася прадметам асобнага даследавання. Пэўныя спробы гістарыяграфічнага аналізу былі зроблены ў калектыўных выданнях [2, с. 10–11; 3, с. 55–64], у некаторых манаграфіях [4, с. 8]. Сярод першых гістарыяграфічных аналітычных аглядаў

стану даследавання гісторыі культуры Заходняй Беларусі (навуковай распрацоўкі праблем адукацыі, асветы і мастацтва, а таксама айчыннай гістарыяграфіі канфесійнай гісторыі) трэба адзначыць працы А. А. Савіча [4, с. 169–206; 5, с. 155–181].

Для правядзення перспектыўных навуковых праектаў, тэмаў па заходнебеларускай праблематыцы варта падвесці вынікі ўжо ажыццёўленых навуковых даследаванняў. Мэтай артыкула з’яўляецца сістэматызацыя гістарыяграфічных ведаў аб культурным жыцці (культурным развіцці, культуры) Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг., выкладзеных у гістарычных даследаваннях у Рэспубліцы Беларусь. Для аналізу былі выкарыстаны абагульняючыя калектыўныя даследаванні (манаграфіі), індывідуальныя манаграфіі, доктарскія і кандыдацкія дысертацыі беларускіх вучоных за 1991–2025 гг.

Асноўная частка

У незалежнай Рэспубліцы Беларусь пачалося канцэптualaе пераасэнсаванне айчыннай гісторыі і заходнебеларускага перыяду 1920–1930-х гг. у прыватнасці. Найперш гэта можна прасачыць на прыкладзе калектыўных выданняў. У другой частцы «Нарысаў гісторыі Беларусі» (Мінск, 1994–1995) У. А. Палуянам прыведзены звесткі пра нацыянальны прыгнёт, дзейнасць ТБШ і іншых заходнебеларускіх арганізацый, палітычных партый [7, с. 214–253].

Некаторыя аспекты грамадска-культурнага развіцця Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. раскрыты намі ў навуковым выданні «Гісторыя Беларусі» пад рэдакцыяй акадэміка Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі М. П. Касцюка [2, с. 352–448].

Агляд стану заходнебеларускай культуры зроблены намі ў энцыклапедыі «Культура Беларусі» [8, с. 87–91].

У калектыўнай манаграфіі «Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953 гг.» намі разам з Э. С. Ярмусікам, А. Г. Цымбалам, К. С. Разуванавай разгледжаны стан адукацыі, навукі, культуры і рэлігійнага жыцця ў заходнебеларускім рэгіёне. У прыватнасці, прадметам нашага вывучэння былі наступныя пытанні: палітыка Польскай дзяржавы ў галіне адукацыі і культуры, дзейнасць ТБШ, навука, мастацкая культура, польскія ўстановы і грамадскія арганізацыі, культура рускай, украінскай,

яўрэйскай, літоўскай і татарскай меншасцей [2, с. 477–498, 506–522, 550–554].

У калектыўным акадэмічным выданні «Этнокультурные процессы Западного Полесья (Брестчины) в прошлом и настоящем» намі ажыццёўлены аналіз грамадска-культурнай дзейнасці этнаканфесіянальных супольнасцей Палескага ваяводства ў 1921–1939 гг. [9, с. 276–357].

Разнастайныя аспекты культурнага развіцця Заходняй Беларусі ў міжваенны час выкладзены таксама ў індывідуальных манаграфіях, доктарскіх і кандыдацкіх дысертацыях. Праблематыка беларускай асветы ў Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. асветлена намі ў кандыдацкай дысертацыі і асобнай манаграфіі [10]. Там прааналізавана палітыка польскіх улад у галіне адукацыі, стан і праблемы захавання беларускіх гімназій і пачатковых школ, пытанні асветніцтва ў дзейнасці заходнебеларускіх партый і арганізацый.

У чарговай манаграфіі [4] і доктарскай дысертацыі [11] аб’ектам нашага даследавання з’яўлялася нацыянальна-культурнае жыццё ў Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. Пад паняццем «нацыянальна-культурнае жыццё» разумелася дзейнасць грамадства і яго інстытутаў у галіне нацыянальнай культуры, працэсы ў культурным жыцці этнічных (нацыянальных) супольнасцей (этнасаў). У якасці асноўнай была ўзята трактоўка паняцця культуры на падставе дзейнаснага падыходу, які разглядае культуру ў якасці спецыфічнага спосабу чалавечай жыццядзейнасці, механізму адаптацыі і асновы творчай актыўнасці чалавека. У выніку праведзенага даследавання намі была распрацавана навуковая канцэпцыя нацыянальна-культурнага жыцця ў Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. як цэласнай сістэмы існавання раз’яднанай часткі беларускай нацыі ў межах поліэтнічнай Польскай дзяржавы. Была прааналізавана культура беларусаў як большасці карэннага насельніцтва, а таксама палякаў, якія, хоць і былі тытульным этнасам у Польшчы, але не складалі большасці сярод насельніцтва на тэрыторыі Заходняй Беларусі, і іншых нацыянальных і канфесіянальных супольнасцей (яўрэяў, рускіх, украінцаў, літоўцаў, татараў, стараабраднікаў) [11, с. 17–18].

У манаграфіях В. І. Кривуця [12–14], яго кандыдацкай [15] і доктарскай дысертацыях [16] раскрыты працэс фарміравання і сутнасць канцэпцыі «дзяржаўнага выхавання», якая стала асновай дзяржаўнай маладзёжнай палітыкі Польшчы і сродкам паланізацыі моладзі Заходняй Беларусі. Ён вызначыў асноўныя напрамкі маладзёжнай палітыкі (сярод іх – сістэму дзяржаўнай школьнай адукацыі) і асаблівасці іх рэалізацыі на заходнебеларускіх землях [16, с. 7–8].

Этнаканфесіянальная палітыка польскіх улад у адносінах да беларускага насельніцтва была прадметам вывучэння кандыдацкай дысертацыі А. М. Загідуліна [17], выкладзена ў яго манаграфіі [18]. Ён сцвярджае, што нацыянальная і канфесіянальная палітыка не дала патрэбных вынікаў для польскай адміністрацыі, і яе варожа ўспрымала няпольскае насельніцтва [17, с. 16].

У кандыдацкай дысертацыі [19] і манаграфіі В. В. Даніловіча [20] супрацоўніцтва арганізацыі «Змаганне» з ТБШ атрымала абгрунтаванне і ўзважлівы ацэнкі. Сутнасць працэсаў нацыянальна-культурнага адраджэння ў заходнебеларускім рэгіёне вывучаў В. М. Гліна [21].

Грамадска-культурная дзейнасць у кантэксце парламенцкага змагання за нацыянальныя і сацыяльныя правы беларускага народа ў Польшчы ў 1921–1930 гг. адлюстравана ў кандыдацкай дысертацыі А. В. Пашкевіча [22].

Прадметам вывучэння ў кандыдацкай дысертацыі А. І. Пашковіч [23] былі беларускія дабрачынныя арганізацыі, якія падтрымлівалі нацыянальныя навучальныя і апякунскія ўстановы, праводзілі культурна-асветніцкую працу, што садзейнічала фарміраванню нацыянальнай самасвядомасці беларусаў. Сярод галоўных напрамкаў дзейнасці беларускіх дабрачынных таварыстваў вылучана і культурна-асветніцкая праца, што суправаджалася распаўсюджваннем беларускай нацыянальнай ідэі [23, с. 4, 16].

Ліквідацыя непісьменнасці, забеспячэнне насельніцтва пачатковай адукацыяй і іншыя сацыяльныя пытанні былі надзённымі ў дзейнасці мясцовых органаў дзяржаўнага кіравання і самакіравання, якія вывучаў А. І. Борка [24; 25]. У кандыдацкай дысертацыі А. Л. Дарковіча [26] закраналася грамадска-культурная дзейнасць яўрэяў і

іншых супольнасцей у органах гарадскога самакіравання Заходняй Беларусі.

К. С. Разуванова ў кандыдацкай дысертацыі [27] і манаграфіі паказала, што Беларускі інстытут гаспадаркі і культуры ўнёс значны ўклад у культурнае жыццё краю. Гэтая культурна-асветніцкая арганізацыя плённа папулярывала гаспадарчыя веды і кааперацыю, спрыяла развіццю нацыянальнай адукацыі, асветы, навукі, выдавецкай справы, тэатральнага і музычнага мастацтва ў Заходняй Беларусі [27, с. 6].

А. С. Горны ў кандыдацкай дысертацыі раскрыў дзейнасць паланафільскай плыні, яе праграмныя мэты, арганізацыйную структуру, асноўныя напрамкі дзейнасці, характар узаемаадносін з польскімі ўладамі, палітычнымі партыямі і грамадскімі арганізацыямі Заходняй Беларусі і Польшчы [28, с. 3–5]. Нягледзячы на слабы грамадска-палітычны ўплыў, паланафілы выкарыстоўвалі культурна-асветніцкую і выдавецкую дзейнасць для пашырэння ўплыву сярод насельніцтва [28, с. 16]. В. Э. Рабышка прасачыла этнапалітычныя працэсы ў Заходняй Беларусі ў 1919–1939 гг. [29].

У кандыдацкай дысертацыі А. Г. Трубчык выяўлена мэтавая накіраванасць палітыкі польскіх улад у галіне адукацыі на акупаванай тэрыторыі Беларусі ў 1919–1921 гг., раскрыта спецыфіка фарміравання сістэмы польскіх органаў кіравання школьнай справай і механізм кіравання сферай адукацыі, вызначаны асноўныя напрамкі адукацыйнай палітыкі польскіх улад, яе рэгіянальная спецыфіка і інш. [30, с. 3–4]. Суіскальнік адлюстравала кан'юктурны характар уступак польскай адміністрацыі ў галіне беларускай асветы, якая была пастаўлена ў адміністрацыйную і фінансавую залежнасць ад польскай улады. У кастрычніку 1920 г. арганізацыя беларускіх школ спынілася на тэрыторыі, якая адыходзіла да Польшчы, і часова перамясцілася ў Сярэдняю Літву [30, с. 5].

Г. С. Вайцешчык у кандыдацкай дысертацыі [31] прааналізавала асноўныя кампаненты сацыякультурнай дзейнасці ў мястэчках: адукацыю, тэатр, кіно, культурна-асветніцкія, забаўляльныя ўстановы і арганізацыі, побыт і інш. У кандыдацкай дысертацыі А. Л. Радзюка [32] адлюстравана дзейнасць не толькі спажывецкіх, вытворчых, але і культурна-асветніцкіх кааператываў у 1926–1929 гг. Пытанні грамадска-

культурнай адаптацыі перасяленцаў з Заходняй Беларусі ў краінах Еўропы, Паўночнай і Паўднёвай Амерыкі, Палесціне разглядала ў кандыдацкай дысертацыі В. М. Мярчук [33]. Л. В. Лаўрэнка ў кандыдацкай дысертацыі [34] паспрабавала стварыць цэласную карціну паўсядзённага побыту жыхароў гарадоў, мястэчак і вёсак Заходняй Беларусі. У. А. Ганскі вывучаў турыстычную дзейнасць на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. [35].

К. Дз. Ананька ў кандыдацкай дысертацыі, прысвечанай беларускім гімназіям у Заходняй Беларусі [36], ахарактарызаваў нацыянальныя, канфесіянальныя, сацыяльныя, гендэрныя паказчыкі іх педагагічнага персаналу і вучнёўскага кантынгенту, у выніку чаго выявіў сукупнасць адметнасцей настаўніцкіх кадраў і навучэнцаў. Таксама ён раскрыў спецыфіку арганізацыі адукацыйнага працэсу ў беларускіх гімназіях, удзел беларускіх гімназій у грамадска-палітычным жыцці і сацыякультурнай дзейнасці заходнебеларускіх зямель, што дазволіла паказаць ролю педагогаў і навучэнцаў у захаванні этнакультурнай ідэнтычнасці насельніцтва краю.

Пытанні культурнага жыцця распрацоўваліся таксама ў даследаваннях па гісторыі рэлігіі. Дзяржаўна-канфесіянальныя адносіны, дзейнасць асобных хрысціянскіх царкоўных структур раскрыты Э. С. Ярмацікам, А. М. Свірыдам, І. І. Трацяком, Э. А. Мазько, А. Г. Цымбалам, Т. В. Лісоўскай і інш. даследчыкамі.

У кандыдацкай дысертацыі А. Г. Цымбала [37] і яго манаграфіі [38] раскрыты дзяржаўна-канфесіянальныя адносіны, становішча праваслаўнага духавенства, дзейнасць царкоўных структур на тэрыторыі Заходняй Беларусі.

А. М. Свірыд у кандыдацкай дысертацыі [39] і манаграфіі [40] паказаў сацыякультурную дзейнасць уніяцкіх святароў у асобных мясцовасцях, адлюстраванне працы ўніяцкага духавенства ў справе адраджэння беларускай культуры, мовы.

Т. В. Лісоўская ў кандыдацкай дысертацыі вызначыла, што супрацоўніцтва метадыстаў з беларускім нацыянальным рухам было апалітычным, накіраваным на распаўсюджванне веравучэння сярод моладзі, праявілася ў аказанні фінансавай дапамогі, наладжанні дабрачынных і культурна-

асветніцкіх акцый [41, с. 23]. У яе манаграфіі, прысвечанай гісторыі позняга пратэстантызму ў Заходняй Беларусі [42], раскрыта дзяржаўная палітыка Польшчы адносна гэтага хрысціянскага напрамку ў заходнебеларускім краі, паказаны працэс яго станаўлення і развіцця (унутрыабшчынная дзейнасць, дзейнасць па-за абшчынай), міжканфесіянальныя адносіны. Як адзначана Т. В. Лісоўскай у манаграфіі аб з'яўленні, развіцці і дзейнасці позніх пратэстанцкіх рухаў з канца XIX ст. да 1991 г., гарызантальная структура позняга пратэстантызму была рэалізавана праз служэнні і падабшчынныя арганізацыі (пастырскае, місіянерскае, музычнае, маладзёжныя, жаночыя гурткі, нядзельныя школы і інш.) [43, с. 369].

Рэлігійная праблематыка заходнебеларускіх зямель актыўна разглядаецца ў айчынай культуралогіі. Найперш трэба адзначыць манаграфічную працу У. М. Конана «Ксёндз Адам Станкевіч і каталіцкае адраджэнне ў Беларусі» (Мінск, 2003).

Э. А. Мазько ў кандыдацкай дысертацыі [44] паспрабаваў вызначыць уплыў Беларускай Хрысціянскай Дэмакратыі на фарміраванне агульнай культурнай сітуацыі ў Заходняй Беларусі. У кандыдацкай дысертацыі [45], манаграфіях «Беларускае каталіцкае духавенства ля вытокаў сацыякультурнай ідэнтыфікацыі» (Гродна, 2013), «Беларускае каталіцкае духавенства ў сацыякультурным працэсе першай паловы XX стагоддзя» (Гродна, 2019) І. І. Трацяка закранута праблематыка этнакультурнай ідэнтыфікацыі беларускага каталіцкага духавенства, фарміраванне яго светапогляду, разгледжана душпастырская і грамадскакультурная дзейнасць беларускіх каталіцкіх святароў ва ўмовах ганенняў і ўціску з боку польскіх улад у 1921–1939 гг.

У кандыдацкай дысертацыі [46] і манаграфіі Н. В. Самасюк [47] раскрыты напрамкі развіцця культурнай тоеснасці жыхароў заходнебеларускіх зямель праз прызму дзейнасці Праваслаўнай царквы. Адзначаецца, што неабходнасць развіцця беларускай культурнай ідэнтычнасці праваслаўнага насельніцтва Заходняй Беларусі раней царкоўных улад усвядомілі прадстаўнікі беларускага праваслаўнага руху. Праваслаўнае духавенства, арыентаванае на беларускія культурныя традыцыі і каштоўнасці, аказала

найбольшы ўплыў на складванне нацыянальнай ідэнтычнасці. Пры гэтым значная частка праваслаўнага духавенства забяспечвала захаванне рускай культурнай ідэнтычнасці, традыцыі рэлігійнай маральнай асветы [46, с. 4–5].

Разам з вывучэннем нацыянальна-культурнага жыцця беларусаў у сучаснай айчыннай гістарычнай навуцы разгорнута вывучэнне культуры асобных нацыянальных і канфесіянальных супольнасцей. Хоць А. К. Гецэвіч акцэнтаваў сваю ўвагу на вывучэнні грамадска-палітычнай дзейнасці польскіх партый і арганізацый у заходне-беларускім рэгіёне, аднак ён закранаў і пытанні культуры. Даследчык падкрэсліваў, што палітыка адноўленай Польскай дзяржавы фарміравалася пад уплывам культурна-гістарычнага, эканамічнага і знешнепалітычнага фактараў [48, с. 16].

Працы В. М. Чарапіцы і В. Р. Швайко прысвечаны гісторыі рускіх арганізацый, іх узаемаадносінам з Праваслаўнай царквой. У манаграфіі В. М. Чарапіцы [49] прыведзены дакументальныя крыніцы аб становішчы праваслаўных прыходаў на Гродзеншчыне, дзейнасці там мясцовага духавенства, аб грамадскім руху «праваслаўных палякаў» і інш. В. Р. Швайко ў кандыдацкай дысертацыі [50] вылучыла сярод рускага насельніцтва асобна эмігрантаў і прадстаўнікоў рускай нацыянальнай меншасці, улічваючы іх рознае прававое становішча, ідэйна-палітычныя разыходжанні і інш.

І. Б. Канапацкі і Л. М. Лыч разглядалі грамадска-культурнае жыццё татараў заходнебеларускіх зямель у 1920-я – 1930-я гг. у агульным кантэксце этнакультурных працэсаў у Беларусі. Э. Р. Іофэ асвятляў дзейнасць асобных прадстаўнікоў яўрэйскай інтэлігенцыі заходнебеларускіх гарадоў і мястэчак [51], паказаў ролю Вільні ў культурным жыцці краю. Дзейнасць яўрэйскіх партый і арганізацый на тэрыторыі Заходняй Беларусі вывучалі А. В. Машчук [52], П. Т. Стэцкевіч [53], В. Л. Шчука [54] і інш. вучоныя. У прыватнасці, П. Т. Стэцкевіч даследаваў культурна-асветніцкую і дабрачынную дзейнасць яўрэйскіх палітычных партый і арганізацый у Заходняй Беларусі ў 1918–1926 гг.

В. Л. Шчука сярод асноўных напрамкаў дзейнасці яўрэйскіх партый і арганізацый сіянісцкага і культурна-аўтанамісцкага

тыпаў у Заходняй Беларусі вылучала іх працу па ўмацаванні пазіцый сярод яўрэйскага насельніцтва, захаванні яго нацыянальнай культуры і традыцый, для чаго і ствараліся маладзёжныя, культурна-асветніцкія, рэлігійныя, дабрачынныя арганізацыі [54, с. 5–6]. В. А. Сабалеўская разам з У. У. Ганчаровым выдала манаграфію, прысвечаную гісторыі яўрэй-літвакоў Гродзеншчыны ў 1795–1939 гг. [55].

Змястоўнымі і наватарскімі з’яўляюцца даследаванні па гісторыі традыцыйнай культуры, музейнай справы, аховы помнікаў, краязнаўства. У манаграфіі В. А. Лабачэўскай «Зберагаючы самабытнасць: з гісторыі народнага мастацтва і промыслаў Беларусі» народнае мастацтва і промыслы Заходняй Беларусі разгледжаны як частка агульнанацыянальнай мастацкай культуры.

У доктарскай дысертацыі А. А. Гужалоўскага [56] раскрыта дзейнасць Віленскага беларускага музея, паказаны працэс стварэння краязнаўчых музеяў у Заходняй Беларусі. І. У. Цітовіч у кандыдацкай дысертацыі [57] прасачыў станаўленне і развіццё краязнаўчага руху на тэрыторыі Заходняй Беларусі, раскрыў яго змест і ідэалагічную накіраванасць. У кандыдацкай дысертацыі Дз. В. Марозава [58] раскрыты ход стварэння, структура і характар дзейнасці органаў польскай улады, адказных за ахову помнікаў архітэктуры ў Заходняй Беларусі, вызначана іх матэрыяльнае забеспячэнне і фінансаванне, дадзена характарыстыка кадравага складу акруговых упраў кансерватараў, высветлена роля польскіх чыноўнікаў, беларускіх дзеячаў у справе вывучэння і аховы помнікаў гісторыі і культуры на тэрыторыі Заходняй Беларусі.

Паспяховымі з’яўляюцца распрацоўкі ў галіне айчыннай этналогіі. М. А. Міхайлец у кандыдацкай дысертацыі [59] даў ацэнку ўкладу польскіх этнографаў 1920–1940-х гг. у вывучэнне народнай матэрыяльнай культуры беларусаў. Навуковец прылічвае гэта да першых спроб акрэслення адзінага комплексу матэрыяльнай культуры беларускага этнасу, вывучэння яго асобных кампанентаў, даследавання народнай матэрыяльнай культуры беларусаў у агульнаславянскім кантэксце [59, с. 5].

І. У. Алюніна раскрыла вынікі вывучэння традыцыйнай сацыяльнай культуры Беларускага Палесся польскімі этнолагамі

1920–1930-х гг. Сярод важных іх дасягненняў выдзеліла распрацоўку метадаў этналагічнага даследавання, упарадкаванне тэрміналогіі [60, с. 6, 15].

Безумоўна, што ў дадзеным гістарыяграфічным аглядзе адзначаны толькі самыя значныя навуковыя дасягненні па вызначанай праблематыцы. Для паўнаты ахопу аналізу сучасных гістарычных даследаванняў трэба таксама дадаць публікацыі аўтара дадзенага артыкула і іншых даследчыкаў, якія змешчаны ў цэлым шэрагу энцыклапедычных выданняў: «Беларуская энцыклапедыя», «Энцыклапедыя гісторыі Беларусі», «Культура Беларусі», «Рэлігія і царква на Беларусі», «Вялікае княства Літоўскае», «Францыск Скарына», «Янка Купала», «Хто ёсць хто сярод беларусаў свету» і інш. Аднак яны, як і артыкулы ў часопісах, зборніках матэрыялаў навуковых канферэнцый, з-за шматлікасці і спецыфікі, могуць быць прадметам асобнага гістарыяграфічнага вывучэння.

Заклучэнне

У ходзе праведзенага агляду манаграфічных прац (абагульняючых, індывідуальных), дысертацыйных даследаванняў сучасных айчынных вучоных пра культурнае жыццё (культурнае развіццё, культуру) Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. вызначаны іх праблемна-тэматычная навізна і актуальнасць, разнастайная база крыніц (архіўных матэрыялаў з фондаў архіваў, бібліятэк і музеяў Беларусі і замежных краін, крыніц асабістага паходжання, перыядычнага друку і інш.), выкарыстанне традыцыйных і інавацыйных навуковых метадаў, полідысцыплінарнасць.

У сучасных гістарычных даследаваннях у Рэспубліцы Беларусь трывала замацавалася беларусацэнтрычная канцэптуальная мадэль культурнага жыцця (культурнага развіцця, культуры) Заходняй Беларусі ў вызначаны перыяд. Таму невыпадкова,

што навуковыя працы пераважна прысвечаны якраз гісторыі культуры беларусаў, што складалі большасць насельніцтва, і іх сацыякультурнай дзейнасці. Аднак гэта не выключыла ўліку поліэтнічнасці і поліканфесіянальнасці, у выніку чаго прадметам вывучэння з'яўляюцца адукацыя, культура, навука, мастацтва іншых нацыянальных і канфесіянальных супольнасцей. Усё гэта дазваляе стварыць больш аб'ектыўную цэласную навуковую карціну культурнага жыцця гэтага краю.

Нягледзячы на значную распрацаванасць заходнебеларускай праблематыкі, цэлы шэраг тэматычных напрамкаў і сюжэтаў патрабуе далейшага даследавання.

Сярод іх трэба адзначыць паланізацыю заходнебеларускіх зямель як фактар грамадскага-палітычнага і культурнага жыцця, рэалізацыю палітыкі польскіх улад на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. на ваяводскім, павятовым, гарадскім, гмінным узроўнях, працэс інтэграцыі заходнебеларускіх зямель у склад БССР у 1939–1941 гг. і ў пасляваенны час. Варта пашыраць вывучэнне гісторыі і культуры асобных малых рэгіёнаў заходнебеларускага краю, паўсядзённага жыцця людзей.

Для ўмацавання гістарычнай памяці неабходна надаваць большую ўвагу гісторыка-біяграфічным даследаванням (рыхтаваць працы як пра вядомых дзеячаў і актывістаў Заходняй Беларусі, так і пра звычайных жыхароў і іх сем'і). Такія распрацоўкі маюць сацыяльную значнасць.

Актуальнай з'яўляецца мемарыялізацыя памяці пра кіраўнікоў, актывістаў заходнебеларускіх партый і арганізацый, прадстаўнікоў інтэлігенцыі ў помніках, назвах вуліц, устаноў адукацыі і культуры, для папулярнага айчыннай гісторыка-культурнай спадчыны ў публічнай прасторы.

СПІС ВЫКАРЫСТАННЫХ КРЫНІЦ

1. Савіч, А. А. Гісторыя Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) у айчыннай гістарыяграфіі 50–80-х гг. XX ст. / А. А. Савіч // Вестні Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2020. – Т. 65, № 1. – С. 44–51.
2. Гісторыя Беларусі : у 6 т. – Мн. : Экаперспектыва, 2006. – Т. 5 : Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]; рэдкал. : М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – 616 с.
3. Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953 гг. : в 2 кн. / НАН Беларусі, Ин-т истории; редкол. : А. А. Коваленя [и др.]. – Мн. : Беларус. навука, 2014. – Кн. 1. – 593 с.

4. Вабішчэвіч, А. М. Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) / А. М. Вабішчэвіч. – Брэст : Выд-ва БрДУ, 2008. – 319 с.
5. Савіч, А. А. Нацыянальна-вызваленчы рух у Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.): гістарыяграфія праблемы / А. А. Савіч. – Брэст : БрДУ, 2012. – 288 с.
6. Савіч, А. А. Айчынная гістарыяграфія гісторыі Заходняй Беларусі 1921–1939 гадоў / А. А. Савіч. – Брэст : БрДУ імя А. С. Пушкіна, 2019. – 300 с.
7. Нарысы гісторыі Беларусі : у 2 ч. / Акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі ; рэдкал.: М. П. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мн. : Беларусь, 1994–1995. – Ч. 2. – 560 с.
8. Вабішчэвіч, А. М. Заходняя Беларусь / А. М. Вабішчэвіч // Культура Беларусі : энцыкл. : у 6 т. – Мн. : Беларус. Энцыкл. імя Пётруся Броўкі, 2010–2015. – Т. 4. – 2013. – С. 87–91.
9. Этнокультурныя працессы Западнага Полесья (Брэстчыны) в прошлом и настоящем / А. В. Гурко [и др.] ; науч ред. А. В. Гурко ; Нац. акад. нав. Беларусі, Центр исслед. белорус. культуры, языка и лит., Ин-т этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы. – Мн. : Беларус. навука, 2020. – 621 с.
10. Вабішчэвіч, А. М. Асвета ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) / А. М. Вабішчэвіч. – Брэст : Выд-ва БрДУ, 2004. – 116 с.
11. Вабішчэвіч, А. М. Нацыянальна-культурнае жыццё ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) : аўтарэф. дыс. ... д-ра гіст. навук : 07.00.02 / Вабішчэвіч Аляксандр Мікалаевіч ; БДУ. – Мн., 2010. – 52 с.
12. Кривуть, В. И. Молодежные организации на территории Западной Беларуси (1929–1939 гг.) / В. И. Кривуть. – Мн. : Беларус. навука, 2008. – 164 с.
13. Кривуць, В. І. Пад шыльдай «дзяржаўнага выхавання»: рэалізацыя ўрадавых выхаваўчых канцэпцый на тэрыторыі Заходняй Беларусі (1926–1939) / В. І. Кривуць. – Баранавічы : РВА БарДУ, 2010. – 196 с.
14. Кривуць, В. І. Барацьба за маладое пакаленне Заходняй Беларусі і праўрадавы маладзевы рух (1926–1939 гг.) / В. І. Кривуць. – Баранавічы : БарДУ, 2013. – 273 с.
15. Кривуть, В. И. Молодежные организации на территории Западной Беларуси (1929–1939 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Кривуть Виталий Иванович ; БГУ. – Мн., 2005. – 21 с.
16. Кривуть, В. И. Молодежная политика польских властей в Западной Беларуси (1921–1939 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Кривуть Виталий Иванович ; Ин-т истории НАН Беларусі. – Мн., 2020. – 47 с.
17. Загідулін, А. М. Нацыянальная і канфесіянальная палітыка польскіх улад у адносінах да беларускага насельніцтва Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / Загідулін Аляксей Мікалаевіч ; Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мн., 2005. – 20 с.
18. Загідулін, А. М. Беларускае пытанне ў польскай нацыянальнай і канфесійнай палітыцы ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) / А. М. Загідулін. – Гродна : ГрДУ, 2010. – 183 с.
19. Даніловіч, В. В. Дзейнасць арганізацыі «Змаганне» ў Заходняй Беларусі (1927–1930 гг.) : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / Даніловіч Вячаслаў Віктаравіч ; БДПУ імя Максіма Танка. – Мн., 2000. – 21 с.
20. Даніловіч, В. В. Дзейнасць арганізацыі «Змаганне» ў Заходняй Беларусі (1927–1930 гг.) / В. В. Даніловіч. – Мн. : Беларус. навука, 2007. – 159 с.
21. Гліна, В. М. Сутнасць і асаблівасці нацыянальнага адраджэння ў Заходняй Беларусі (1920–1939 гг.) : аўтарэф. дыс. ... канд. філас. навук : 09.00.03 / Гліна Валянцін Мікалаевіч ; БДУ. – Мн., 1996. – 19 с.
22. Пашкевіч, А. В. Парламенцкія формы змагання за нацыянальныя і сацыяльныя правы беларускага народа ў міжваеннай Польшчы (1921–1930 гг.) : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / Пашкевіч Аляксандр Васільевіч ; БДПУ імя Максіма Танка. – Мн., 2006. – 21 с.
23. Пашковіч, А. І. Дзейнасць дабрачынных арганізацый на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. : аўтарэф. ... дыс. канд. гіст. навук : 07.00.02 / Пашковіч Алена Іосіфаўна ; Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мн., 2007. – 22 с.
24. Борка, А. І. Мясцовыя органы дзяржаўнага кіравання і самакіравання ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / Борка Андрэй Іванавіч ; Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Гродна, 2007. – 19 с.

25. Борка, А. І. Мясцовыя органы дзяржаўнага кіравання і самакіравання ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) / А. І. Борка. – Гродна: ГрДУ, 2011. – 139 с.
26. Даркович, А. Л. Городское самоуправление на западнорусских землях межвоенной Польши (1919–1939 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Даркович Александр Леонидович ; Ин-т славяноведения РАН. – М., 2016. – 30 с.
27. Разуванава, К. С. Дзейнасць Беларускага інстытута гаспадаркі і культуры ў Заходняй Беларусі (1926–1936 гг.) : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / Разуванава Ксенія Сяргееўна ; Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мн., 2011. – 24 с.
28. Горны, А. С. Беларускія паланафільскія арганізацыі ў грамадска-палітычным і культурным жыцці Заходняй Беларусі (1921–1937 гг.) : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / Горны Аляксандр Сяргеевіч ; Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мн., 2016. – 24 с.
29. Рабышка, В. Э. Этнапалітычныя працэсы ў Заходняй Беларусі ў 1919–1939 гадах : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / Рабышка Вольга Эдуардаўна ; БДПУ імя Максіма Танка. – Мн., 2004. – 22 с.
30. Трубчык, А. Г. Палітыка польскай улады ў сферы школьнай адукацыі на акупаванай тэрыторыі Беларусі ў 1919–1921 гг. : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / Трубчык Алена Генадзьеўна ; Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мн., 2017. – 26 с.
31. Вайцешчык, Г. С. Мястэчкі Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.): сацыяльна-эканамічнае і культурнае развіццё : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / Вайцешчык Ганна Станіславаўна ; БДПУ імя Максіма Танка. – Мн., 2013. – 23 с.
32. Радзюк, А. Л. Беларускія кааператывы ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / Радзюк Аляксей Леанідавіч ; Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мн., 2014. – 21 с.
33. Мярчук, В. М. Эміграцыя насельніцтва з Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / Мярчук Вольга Мікалаеўна ; Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мн., 2015. – 23 с.
34. Лаўрэнка, Л. В. Прамысловасць, рамесніцтва і гандаль на тэрыторыі Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / Лаўрэнка Ларыса Віктараўна ; Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мн., 2021. – 25 с.
35. Ганский, В. А. Развитие туризма в Западной Беларуси (1921–1939 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Ганский Владимир Александрович ; Могилев. гос. ун-т им. А. А. Кулешова. – Могилев, 2020. – 24 с.
36. Ананька, К. Дз. Беларускія гімназіі ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / Ананька Кірыл Дзмітрыевіч ; Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мн., 2025. – 31 с.
37. Цымбал, А. Г. Палітыка польскіх улад у адносінах да Праваслаўнай Царквы ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / Цымбал Аляксандр Георгіевіч ; БДПУ імя Максіма Танка. – Мн., 2009. – 24 с.
38. Цымбал, А. Г. Праваслаўная царква ў Заходняй Беларусі (1921–1939) / А. Г. Цымбал. – Мн. : МДЛУ, 2016. – 124 с.
39. Свирид, А. Н. Униатская церковь в Западной Беларуси (1921–1939 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Свирид Александр Николаевич ; БГУ. – Мн., 2003. – 19 с.
40. Свирид, А. Н. Униатская церковь в Западной Беларуси (1921–1939 гг.) / А. Н. Свирид. – Брест : Изд-во БрГУ, 2012. – 230 с.
41. Лисовская, Т. В. Неопротестантизм в Западной Беларуси в 1921–1939 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Лисовская Татьяна Витальевна ; Ин-т истории НАН Беларусі. – Мн., 2009. – 28 с.
42. Лисовская, Т. В. Поздний протестантизм в Западной Беларуси (1921–1939 гг.) / Т. В. Лисовская. – Брест : Альтернатива, 2021. – 192 с.
43. Лисовская, Т. В. Поздний протестантизм в Беларуси (конец XIX в. – 1991 г.) / Т. В. Лисовская. – Мн. : Изд. центр БГУ, 2025. – 399 с.
44. Мазько, Э. А. Уплыў Беларускай Хрысціянскай Дэмакратыі на фармаванне культурнай сітуацыі ў Заходняй Беларусі ў 20–30-я гады XX ст. : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 24.00.01 / Мазько Эдуард Аляксандравіч ; Гродзен. дзярж. ун-т імя Янкі Купалы. – Гродна, 2003. – 21 с.

45. Трацяк, І. І. Культурна-асветніцкая дзейнасць беларускіх каталіцкіх святароў (пачатак XX ст. – 1939 г.) : аўтарэф. дыс. ... канд. культуралогіі : 24.00.02 / Трацяк Іван Іванавіч ; Гродзен. дзярж. ун-т імя Янкі Купалы. – Гродна, 2000. – 20 с.
46. Самосюк, Н. В. Деятельность Православной церкви как фактор развития культурной идентичности на территории Западной Беларуси (1921–1939 гг.) : автореф. дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 / Самосюк Надежда Викторовна ; Белорус. гос. ун-т культуры и искусств. – Мн., 2016. – 26 с.
47. Самосюк, Н. В. Деятельность Православной церкви как фактор развития культурной идентичности населения Западной Беларуси (1921–1939 гг.) / Н. В. Самосюк. – Брест : БрГУ, 2020. – 212 с.
48. Гецевич, А. К. Деятельность польских политических партий и организаций в Западной Беларуси (1918–1926 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Гецевич Андрей Казимирович ; БГУ. – Мн., 2007. – 21 с.
49. Черепица, В. Н. Очерки истории православной церкви на Гродненщине (с древнейших времён до наших дней) / В. Н. Черепица : в 2 ч. – Ч. 1. – Гродно : ГрГУ, 1999. – 320 с. ; Ч. 2. ; Гродно : ГрГУ, 2005. – 440 с.
50. Швайко, В. Г. Деятельность русских организаций в Польше по сохранению русской культуры в 1921–1939 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 24.00.01 / Швайко Валентина Григорьевна ; Гродн. гос. ун-т им. Янки Купалы. – Гродно, 2005. – 22 с.
51. Иоффе, Э. Г. Страницы истории евреев Беларуси / Э. Г. Иоффе ; Еврейский ун-т в Минске. – Мн. : ПКФ «АРТИ-ФЕКС», 1996. – 292 с.
52. Мошук, А. В. Деятельность Бунда на территории Западной Беларуси в 1921–1939 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Мошук Анатолий Васильевич ; Ин-т истории НАН Беларуси. – Мн., 2008. – 22 с.
53. Стецкевич, П. Т. Деятельность еврейских политических партий и организаций на территории Западной Беларуси (1918–1926 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Стецкевич Петр Тадеушевич ; Ин-т истории НАН Беларуси. – Мн., 2008. – 25 с.
54. Шука, О. Л. Общественно-политическая деятельность еврейских партий и организаций в Западной Беларуси (1926–1939 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Шука Ольга Леонидовна ; БГПУ им. Максима Танка. – Мн., 2015. – 26 с.
55. Соболевская, О. А. Евреи Гродненщины. Жизнь до Катастрофы / О. А. Соболевская, В. В. Гончаров. – Донецк : Норд-ПРЕСС, 2005. – 372 с.
56. Гужалоўскі, А. А. Станаўленне і развіццё музейнай справы Беларусі (1918–1941 гг.) : аўтарэф. дыс. ... д-ра гіст. навук : 07.00.02 / Гужалоўскі Аляксандр Аляксандравіч ; БДУ. – Мн., 2002. – 34 с.
57. Цітовіч, І. У. Краязнаўчы рух на тэрыторыі Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / Цітовіч Ігар Уладзіміравіч ; БДУ. – Мн., 2006. – 21 с.
58. Морозов, Д. В. Охрана памятников архитектуры в Западной Беларуси (1921–1939 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 24.00.03 / Морозов Дмитрий Викторович ; БГУ. – Мн., 2019. – 22 с.
59. Міхайлец, М. А. Народная матэрыяльная культура беларусаў у польскай этналогіі XIX – першай паловы XX стагоддзя: гістарыяграфія праблемы : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.07 / Міхайлец Міхаіл Анатольевіч ; Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы НАН Беларусі. – Мн., 2007. – 21 с.
60. Олюнина, И. В. Традиционная социальная культура Белорусского Полесья в работах польских этнологов 1920–1930-х гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07 / Олюнина Ирина Владимировна ; Центр исслед. беларус. культуры, языка и лит. НАН Беларусі. – Мн., 2017. – 22 с.

REFERENCES

1. Savich, A. A. Gistoryya Zahodnyaj Belarusi (1921–1939 gg.) u ajchynnaj gistoryyagrafii 50–80-kh gg. XX st. / A. A. Savich // Vesci Nacyyanal'aj akademii navuk Belarusi. Seryya gumanitarnykh navuk. – 2020. – T. 65, № 1. – S. 44–51.
2. Gistoryya Belarusi : u 6 t. – Мн. : Ekaperspektyva, 2006. – Т. 5 : Belarus' u 1917–1945 gg. / A. Vabishchevich [i insh.] ; redkal. : M. Kascyuk (gal. red.) [i insh.]. – 616 s.

3. Rizhskij mir v sud'be belorusskogo naroda. 1921–1953 gg. : v 2 kn. / NAN Belarusi, In-t istorii; redkol. : A. A. Kovalenya [i dr.]. – Mn. : Belarus. navuka, 2014. – Kn. 1. – 593 s.
4. Vabishchevich, A. M. Nacyuanal'na-kul'turnae zhyccyo Zakhodnyaj Belarusi (1921–1939 gg.) / A. M. Vabishchevich. – Brest : Vyd-va BrDU, 2008. – 319 s.
5. Savich, A. A. Nacyuanal'na-vyzvalenchy rukh u Zakhodnyaj Belarusi (1921–1939 gg.): gistoryyagrafiya prablemy / A. A. Savich. – Brest : BrDU, 2012. – 288 s.
6. Savich, A. A. Aichynnaya gistoryyagrafiya gistoryi Zakhodnyaj Belarusi 1921–1939 gadou / A. A. Savich. – Brest : BrDU imya A. S. Pushkina, 2019. – 300 s.
7. Narysy gistoryi Belarusi : u 2 ch. / Akad. navuk Belarusi, In-t gistoryi ; redkal.: M. P. Kascyuk (gal. red.) [i insh.]. – Mn. : Belarus', 1994–1995. – Ch. 2. – 560 s.
8. Vabishchevich, A. M. Zakhodnyaya Belarus' / A. M. Vabishchevich // Kul'tura Belarusi : encykl. : u 6 t. – Mn. : Belarus. Encykl. imya Petrusya Brouki, 2010–2015. – T. 4. – 2013. – S. 87–91.
9. Etnokul'turnye processy Zapadnogo Poles'ya (Brestchiny) v proshlom i nastoyashchem / A. V. Gurko [i dr.] ; nauch red. A. V. Gurko ; Nac. akad. navu Belarusi, Centr issled. belorus. kul'tury, yazyka i lit., In-t etnografii i fol'loro im. Kondrata Krapivy. – Mn. : Belarus. navuka, 2020. – 621 s.
10. Vabishchevich, A. M. Asveta u Zakhodnyaj Belarusi (1921–1939 gg.) / A. M. Vabishchevich. – Brest : Vyd-va BrDU, 2004. – 116 s.
11. Vabishchevich, A. M. Nacyuanal'na-kul'turnae zhyccyo u Zakhodnyaj Belarusi (1921–1939 gg.) : autaref. dys. ... d-ra gist. navuk : 07.00.02 / Vabishchevich Alyaksandr Mikalaevich ; BDU. – Mn., 2010. – 52 s.
12. Krivut', V. I. Molodezhnye organizacii na territorii Zapadnoj Belarusi (1929–1939 gg.) / V. I. Krivut' – Mn. : Belarus. navuka, 2008. – 164 s.
13. Kryvuts', V. I. Pad shyl'daj «dzyarzhauaga vykhavannya»: realizacyya uradavykh vykhavauchykh koncepcyj na terytoryi Zakhodnyaj Belarusi (1926–1939) / V. I. Kryvuc'. – Baranavichy : RVA BarDU, 2010. – 196 s.
14. Kryvuc', V. I. Barac'ba za maladoe pakalenne Zakhodnyaj Belarusi i prauradavy maladzezhny rukh (1926–1939 gg.) / V. I. Kryvuc'. – Baranavichy : BarDU, 2013. – 273 s.
15. Krivut', V. I. Molodezhnye organizacii na territorii Zapadnoj Belarusi (1929–1939 gg.) : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.02 / Krivut' Vitalij Ivanovich ; BGU. – Mn., 2005. – 21 s.
16. Krivut', V. I. Molodezhnaya politika pol'skikh vlastej v Zapadnoj Belarusi (1921–1939 gg.) : avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk : 07.00.02 / Krivut' Vitalij Ivanovich ; In-t istorii NAN Belarusi. – Mn., 2020. – 47 s.
17. Zagidulin, A. M. Nacyuanal'naya i kanfesiyanal'naya palityka pol'skikh ulad u adnosinah da belaruskaga nasel'nictva Zakhodnyaj Belarusi (1921–1939 gg.) : autaref. dys. ... kand. gist. navuk : 07.00.02 / Zagidulin Alyaksej Mikalaevich ; In-t gistoryi NAN Belarusi. – Mn., 2005. – 20 s.
18. Zagidulin, A. M. Belaruskae pytanne u pol'skaj natsyyanal'naj i kanfesiynaj palitycy u Zakhodnyaj Belarusi (1921–1939 gg.) / A. M. Zagidulin. – Grodna : GrDU, 2010. – 183 s.
19. Danilovich, V. V. Dzejnasts' arganizacyi «Zmaganne» u Zakhodnyaj Belarusi (1927–1930 gg.) : autaref. dys. ... kand. gist. navuk : 07.00.02 / Danilovich Vyachaslau Viktaravich ; BDPU imya Maksima Tanka. – Mn., 2000. – 21 s.
20. Danilovich, V. V. Dzejnasts' arganizacyi «Zmaganne» u Zakhodnyaj Belarusi (1927–1930 gg.) / V. V. Danilovich. – Mn. : Belarus. navuka, 2007. – 159 s.
21. Glina, V. M. Sutnasst' i asablivasst'i nacyuanal'naga adradzhennya u Zakhodnyaj Belarusi (1920–1939 gg.) : autaref. dys. ... kand. filas. navuk : 09.00.03 / Glina Valyancin Mikalaevich ; BDU. – Mn., 1996. – 19 s.
22. Pashkevich, A. V. Parlamenckiya formy zmagannya za nacyuanal'nyya i satsyyal'nyya pravy belaruskaga naroda u mizhvaennaj Pol'shchy (1921–1930 gg.) : autaref. dys. ... kand. gist. navuk : 07.00.02 / Pashkevich Alyaksandr Vasil'evich ; BDPU imya Maksima Tanka. – Mn., 2006. – 21 s.
23. Pashkovich, A. I. Dzejnasc' dabrachynnykh arganizacyj na terytoryi Zakhodnyaj Belarusi u 1921–1939 gg. : autaref. ... dys. kand. gist. navuk : 07.00.02 / Pashkovich Alena Iosifauna ; In-t gistoryi NAN Belarusi. – Mn., 2007. – 22 s.
24. Borka, A. I. Myastsovyyya organy dzyarzhauaga kiravannya i samakiravannya u Zakhodnyaj Belarusi (1921–1939 gg.) : autaref. dys. ... kand. gist. navuk : 07.00.02 / Borka Andrej Ivanavich ; In-t gistoryi NAN Belarusi. – Grodna, 2007. – 19 s.

25. Borka, A. I. Myastsovyya organy dzyarzhauona kiravannya i samakiravannya u Zakhodnyaj Belarusi (1921–1939 gg.) / A. I. Borka. – Grodna : GrDU, 2011. – 139 s.
26. Darkovich, A. L. Gorodskoe samoupravlenie na zapadnobeloruskikh zemlyakh mezhvoennoj Pol'shi (1919–1939 gg.) : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.03 / Darkovich Aleksandr Leonidovich ; In-t slavyanovedeniya RAN. – M., 2016. – 30 s.
27. Razuvanava, K. S. Dzejnasts' Belaruskaga instytuta gaspadarki i kul'tury u Zakhodnyaj Belarusi (1926–1936 gg.) : autaref. dys. ... kand. gist. navuk : 07.00.02 / Razuvanava Kseniya Syargeeŭua ; In-t gistoryi NAN Belarusi. – Mn., 2011. – 24 s.
28. Gorny, A. S. Belaruskaya palanafil'skiya arganizacyi u gramadska-palitychnym i kul'turnym zhycci Zakhodnyaj Belarusi (1921–1937 gg.) : autaref. dys. ... kand. gist. navuk : 07.00.02 / Gorny Alyksandr Syargeevich ; In-t gistoryi NAN Belarusi. – Mn., 2016. – 24 s.
29. Rabyshka, V. E. Etnapalitychnyya pratsesy u Zakhodnyaj Belarusi u 1919–1939 gadakh : autaref. dys. ... kand. gist. navuk : 07.00.02 / Rabyshka Vol'ga Eduardauna ; BDPU imya Maksima Tanka. – Mn., 2004. – 22 s.
30. Trubchuk, A. G. Palityka pol'skaj ulady u sfery shkol'naj adukacyi na akupavanaj terytoryi Belarusi u 1919–1921 gg. : autaref. dys. ... kand. gist. navuk : 07.00.02 / Trubchuk Alena Genadz'euna ; In-t gistoryi NAN Belarusi. – Mn., 2017. – 26 s.
31. Vajcshchuk, G. S. Myastechki Zakhodnyaj Belarusi (1921–1939 gg.): sacyal'na-ekanamichnae i kul'turnae razviccyo : autaref. dys. ... kand. gist. navuk : 07.00.02 / Vajcshchuk Ganna Stanislavauna ; BDPU imya Maksima Tanka. – Mn., 2013. – 23 s.
32. Radzyuk, A. L. Belaruskaya kaoperatyvy u Zakhodnyaj Belarusi (1921–1939 gg.) : autaref. dys. ... kand. gist. navuk : 07.00.02 / Radzyuk Alyaksej Leanidavich ; In-t gistoryi NAN Belarusi. – Mn., 2014. – 21 s.
33. Myarchuk, V. M. Emigracyya nasel'nictva z Zakhodnyaj Belarusi (1921–1939 gg.) : autaref. dys. ... kand. gist. navuk : 07.00.02 / Myarchuk Vol'ga Mikalaeuna ; In-t gistoryi NAN Belarusi. – Mn., 2015. – 23 s.
34. Laureyenka, L. V. Pramyslovasc', ramesnictva i gandal' na terytoryi Zakhodnyaj Belarusi (1921–1939 gg.) : autaref. dys. ... kand. gist. navuk : 07.00.02 / Laureyenka Larysa Viktarauna ; In-t gistoryi NAN Belarusi. – Mn., 2021. – 25 s.
35. Ganskij, V. A. Razvitie turizma v Zapadnoj Belarusi (1921–1939 gg.) : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.02 / Ganskij Vladimir Aleksandrovich ; Mogilev. gos. un-t im. A. A. Kuleshova. – Mogilev, 2020. – 24 s.
36. Anan'ka, K. Dz. Belaruskaya gimnazii u Zakhodnyaj Belarusi (1921–1939 gg.) : autaref. dys. ... kand. gist. navuk : 07.00.02 / Anan'ka Kiryl Dzmitryevich ; In-t gistoryi NAN Belarusi. – Mn., 2025. – 31 s.
37. Tsymbal, A. G. Palityka pol'skikh ulad u adnosinakh da Pravaslaunaj Carkvy u Zakhodnyaj Belarusi (1921–1939 gg.) : autaref. dys. ... kand. gist. navuk : 07.00.02 / Tsymbal Alyksandr Georgievich ; BDPU imya Maksima Tanka. – Mn., 2009. – 24 s.
38. Tsymbal, A. G. Pravaslaunaya carkva u Zakhodnyaj Belarusi (1921–1939) / A. G. Tsymbal. – Mn. : MDLU, 2016. – 124 s.
39. Svirid, A. N. Uniatskaya cerkov' v Zapadnoj Belarusi (1921–1939 gg.) : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.02 / Svirid Aleksandr Nikolaevich ; BGU. – Mn., 2003. – 19 s.
40. Svirid, A. N. Uniatskaya cerkov' v Zapadnoj Belarusi (1921–1939 gg.) / A. N. Svirid. – Brest : Izd-vo BrGU, 2012. – 230 c.
41. Lisovskaya, T. V. Neoprotellantizm v Zapadnoj Belarusi v 1921–1939 gg. : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.02 / Lisovskaya Tat'yana Vital'evna ; In-t istorii NAN Belarusi. – Mn., 2009. – 28 s.
42. Lisovskaya, T. V. Pozdnij protestantizm v Zapadnoj Belarusi (1921–1939 gg.) / T. V. Lisovskaya. – Brest : Al'ternativa, 2021. – 192 s.
43. Lisovskaya, T. V. Pozdnij protestantizm v Belarusi (konets XIX v. – 1991 g.) / T. V. Lisovskaya. – Mn. : Izd. tsentr BGU, 2025. – 399 s.
44. Maz'ko, E. A. Uplyu Belaruskaj Khrysciyanskaj Demakratyi na farmavanne kul'turnaj situacyi u Zakhodnyaj Belarusi u 20–30-ya gady XX st. : autaref. dys. ... kand. gist. navuk : 24.00.01 / Maz'ko Eduard Alyksandravich ; Grodzen. dzyarzh. un-t imya Yanki Kupaly. – Grodna, 2003. – 21 s.

45. Tracyak, I. I. Kul'turna-asvetnickaya dzejnasts' belaruskikh katalickikh svyatarou (pachatak XX st. – 1939 g.) : autaref. dys. ... kand. kul'turalogii : 24.00.02 / Tracyak Ivan Ivanovich ; Grodzen. dzyarzh. un-t imya Yanki Kupaly. – Grodna, 2000. – 20 s.
46. Samosyuk, N. V. Deyatel'nost' Pravoslavnoj cerkvi kak faktor razvitiya kul'turnoj identichnosti na territorii Zapadnoj Belarusi (1921–1939 gg.) : avtoref. dis. ... kand. kul'turologii : 24.00.01 / Samosyuk Nadezhda Viktorovna ; Belarus. gos. un-t kul'tury i iskusstv. – Mn., 2016. – 26 s.
47. Samosyuk, N. V. Deyatel'nost' Pravoslavnoj cerkvi kak faktor razvitiya kul'turnoj identichnosti naseleniya Zapadnoj Belarusi (1921–1939 gg.) / N. V. Samosyuk. – Brest : BrGU, 2020. – 212 s.
48. Gecevich, A. K. Deyatel'nost' pol'skikh politicheskikh partij i organizacij v Zapadnoj Belarusi (1918–1926 gg.) : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.02 / Gecevich Andrej Kazimirovich ; BGU. – Mn., 2007. – 21 s.
49. Cherepica, V. N. Ocherki istorii pravoslavnoj cerkvi na Grodnenshchine (s drevnejshikh vremyon do nashikh dnei) / V. N. Cherepica : v 2 ch. – Ch. 1. – Grodno : GrGU, 1999. – 320 s. ; Ch. 2. ; Grodno : GrGU, 2005. – 440 s.
50. Shvayko, V. G. Deyatel'nost' russkikh organizacij v Pol'she po sokhraneniyu russkoj kul'tury v 1921–1939 gg. : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk : 24.00.01 / Shvajko Valentina Grigor'evna ; Grodn. gos. un-t im. Yanki Kupaly. – Grodno, 2005. – 22 s.
51. Ioffe, E. G. Stranicy istorii evreev Belarusi / E. G. Ioffe ; Evrejskij un-t v Minske. – Mn. : PKF «ARTI-FEKS», 1996. – 292 s.
52. Moshchuk, A. V. Deyatel'nost' Bunda na territorii Zapadnoj Belarusi v 1921–1939 gg. : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.02 / Moshchuk Anatolij Vasil'evich ; In-t istorii NAN Belarusi. – Mn., 2008. – 22 s.
53. Steckevich, P. T. Deyatel'nost' evrejskikh politicheskikh partij i organizacij na territorii Zapadnoj Belarusi (1918–1926 gg.) : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.02 / Steckevich Petr Tadeushevich ; In-t istorii NAN Belarusi. – Mn., 2008. – 25 s.
54. Shchuka, O. L. Obshchestvenno-politicheskaya deyatelnost' evrejskikh partij i organizacij v Zapadnoj Belarusi (1926–1939 gg.) : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.02 / Shchuka Ol'ga Leonidovna ; BGPU im. Maksima Tanki. – Mn., 2015. – 26 s.
55. Sobolevskaya, O. A. Evrei Grodnenshchiny. Zhizn' do Katastrofy / O. A. Sobolevskaya, V. V. Goncharov. – Doneck : Nord-PRESS, 2005. – 372 s.
56. Guzhalouski, A. A. Stanaulenne i razvicyo muzejnaj spravy Belarusi (1918–1941 gg.) : autaref. dys. ... d-ra gist. navuk : 07.00.02 / Guzhalouski Alyaksandr Alyaksandravich ; BDU. – Mn., 2002. – 34 s.
57. Citovich, I. U. Krayaznauchy rukh na terytorii Zakhodnyaj Belarusi (1921–1939 gg.) : autaref. dys. ... kand. gist. navuk : 07.00.02 / Citovich Igar Uladzimiravich ; BDU. – Mn., 2006. – 21 s.
58. Morozov, D. V. Okhrana pamyatnikov arkhitektury v Zapadnoj Belarusi (1921–1939 gg.) : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk : 24.00.03 / Morozov Dmitrij Viktorovich ; BGU. – Mn., 2019. – 22 s.
59. Mihajlets, M. A. Narodnaya materyal'naj kul'tura belarusau u pol'skaj etnologii XX – pershaj palovy XXI stogodzya: gistaryyagrafiya prablemy : autaref. dys. ... kand. gist. navuk : 07.00.07 / Mihajlets Mikhail Anatol'evich ; In-t mastactvaznaustva, etnagrafii i fal'kloru imya Kandrata Krapivy NAN Belarusi. – Mn., 2007. – 21 s.
60. Olyunina, I. V. Tradicionnaya social'naya kul'tura Belorusskogo Poles'ya v rabotakh pol'skikh etnologov 1920–1930-kh gg. : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.07 / Olyunina Irina Vladimirovna ; Centr issled. belarus. kul'tury, yazyka i lit. NAN Belarusi. – Mn., 2017. – 22 s.

Вікторыя Алегаяна Баран

аспірант 2-га года навучання каф. гісторыі Беларусі і спецыяльных гістарычных дысцыплін
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна

Victoria Baran

2-nd Year Postgraduate Student
of the Department of History of Belarus and Special Historical Disciplines
of Brest State A. S. Pushkin University
e-mail: victoriabaran@yandex.by

**КАЛЕКТЫЎНЫ ПАРТРЭТ ВЕТЭРАНАЎ КПЗБ
ЯК САЦЫЯЛЬНАЙ СУПОЛЬНАСЦІ Ё БССР У ДРУГОЙ ПАЛОВЕ ХХ ст.**

На падставе шырокага кола крыніц складзены і прааналізаваны калектыўны партрэт ветэранаў Камуністычнай партыі Заходняй Беларусі (КПЗБ) як сацыяльнай супольнасці ў БССР у другой палове ХХ ст. Даследаванне прадметна скіравана на біяграфічныя звесткі ветэранаў КПЗБ, якія ўключаюць іх сацыяльнае паходжанне, узровень адукацыі, знаходжанне ў бежанстве падчас Першай сусветнай вайны, удзел у нацыянальна-вызваленчым руху ў Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. і Вялікай Айчыннай вайне; прасочваецца абумоўленасць траекторыі іх узыходжання на кар’ернай лесеці ў другой палове ХХ ст. Матэрыялы і высновы артыкула могуць быць выкарыстаны як пры далейшым вывучэнні як міжваеннай гісторыі Заходняй Беларусі, так і падчас даследавання сацыяльна-палітычнай гісторыі БССР другой паловы ХХ ст., а таксама пры падрыхтоўцы навучальных дапаможнікаў, лекцыйных курсаў і абагульняльных прац па навейшай гісторыі Беларусі.

Ключавыя словы: Заходняя Беларусь у 1921–1939 гг., ветэраны КПЗБ, нацыянальна-вызваленчы рух, Вялікая Айчынная вайна, калектыўны партрэт, сацыяльная супольнасць, успаміны.

**Collective Portrait of Veterans of the CPZB as a Social Community in the BSSR
in the Second Half of the XX Century**

On the basis of a wide range of sources, a collective portrait of veterans of the Communist Party of Western Belarus (CPZB) as a social community in the BSSR in the second half of the 20th century was compiled and analyzed. The research is focused on the biographical data of the KPZB veterans, including their social origin, education level, refugee status during the First World War, participation in the national liberation movement in Western Belarus in 1921–1939, in the Great Patriotic War, and the conditionality of their career trajectory in the second half of the twentieth century. The materials and conclusions of the article can be used in further study of both the interwar history of Western Belarus and the socio-political history of the BSSR in the second half of the twentieth century, in the preparation of textbooks, lecture courses and generalizing works on the modern history of Belarus.

Key words: Western Belarus in 1921–1939, KPZB veterans, the national liberation movement, the Great Patriotic War, collective portrait, social community, memories.

Уводзіны

Уваходжанне Заходняй Беларусі ў склад БССР у верасні 1939 г. было пераломным момантам у гісторыі Беларусі і беларускага народа.

Гэты працэс суправаджаўся складанымі сацыяльна-палітычнымі трансфармацыямі, у якіх значная роля належала ветэранам рэвалюцыйнага руху – былым членам КПЗБ, якія прайшлі школу падпольнай

барацьбы і рэпрэсій, а затым, у савецкі перыяд, сталі часткай партыйна-дзяржаўнай наменклатуры і захавальнікамі памяці пра змаганне супраць польскай акупацыі «за сацыяльнае і нацыянальнае вызваленне і ўз’яднанне беларускага народа ў адзінай сацыялістычнай дзяржаве» і супраць нямецка-фашысцкай агрэсіі ў гады Вялікай Айчыннай вайны.

Мэта артыкула – на аснове аналізу сацыяльна-дэмаграфічных і грамадска-палітычных паказчыкаў скласці і ахарактарызаваць калектыўны партрэт ветэранаў КПЗБ як сацыяльнай супольнасці, якая сфарміралася ў БССР у другой палове ХХ ст.

Навуковы кіраўнік – Аляксандр Аляксандравіч Савіч, кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дэкан гістарычнага факультэта Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна

У аснову фарміравання калектыўнага партрэта адзначанай сацыяльнай супольнасці мэтазгодна паставіць вызначальныя паказчыкі асабістага жыцця і палітычнай біяграфіі былых рэвалюцыянераў Заходняй Беларусі: сацыяльнае паходжанне, маёмасны і адукацыйны цэнз, прафесійны статус, матывацыю ўступлення ў камсамол і кампартыю Заходняй Беларусі, удзел у нацыянальна-вызваленчым руху ў 1921–1939 гг., стаўленне да рэпрэсій у дачыненні да КПЗБ і яе членаў, удзел у сацыялістычных пераўтварэннях пасля 1939 г. і Вялікай Айчыннай вайны, а таксама ў грамадска-палітычных і культурных працэсах БССР у другой палове XX ст.

Асноўная частка

Крыніцазнаўчую аснову даследавання склалі апублікаваныя ў зборніках успамінаў і захоўваемыя ў розных архівах Беларусі аўтабіяграфіі ветэранаў КПЗБ. Усяго было апрацавана 50 біяграфій ветэранаў КПЗБ.

Аналіз выяўленых крыніц даў падставы для высновы, што значная частка ветэранаў КПЗБ паходзіла з сялянскага асяроддзя: С. В. Прытыцкі, М. С. Арэхва, М. Е. Крыштафовіч, А. Р. Свядун, Р. І. Сяржант, У. П. Гуль, З. Ф. Паплаўскі, У. З. Царук, В. П. Ласковіч, П. С. Крынчык, П. С. Пестрак, М. Танк, Я. Г. Міско, В. С. Селівонік, А. К. Счасная, А. І. Федасюк і інш. У цэлым можна пераканаўча сцвярджаць пра сялянскі фактар як вызначальную рысу камуністычнага руху Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. з рэзка адмоўным успрыняццем беларускімі сялянамі гвалтоўна навязанай польскай акупацыйнай улады, якая несправядліва ўзяла кантроль над асноўным багаццем краю – зямлёй. Гэтая акалічнасць ва ўмовах аграрнай перанаселенасці заходне-беларускай вёскі, буйнога памешчыцкага землеўладання, насаджэння асадніцтва і правядзення ў цэлым аграрных пераўтварэнняў не на карысць сялянства ўплывала на яго палітызацыю і актывізацыю як галоўную сілу вызваленчай барацьбы ў Заходняй Беларусі супраць польскай улады [1, с. 15].

Так, яркім прадстаўніком супольнасці ветэранаў КПЗБ з’яўляецца Сяргей Восіпавіч Прытыцкі, які нарадзіўся ў 1913 г. у в. Гаркавічы Сакоўскага павета Гродзенскай губерні (цяпер тэрыторыя Польшчы) у беднай сялянскай сям’і.

Ва ўспамінах С. В. Прытыцкі акцэнт уе ўвагу на неспрыяльным матэрыяльным становішчы сваёй сям’і ва ўмовах знаходжання Заходняй Беларусі ў складзе міжваеннай Польшчы, абумоўленым малым зямельным надзелам (1,5 дзесяціны), адсутнасцю свайго дома, сродкаў для існавання і вялікай колькасцю ўтрыманцаў (8 чалавек). Гэтыя абставіны прадвызначылі ранні пачатак працоўнай дзейнасці С. В. Прытыцкага – батрацтва і цяжкая праца на тартаку [2, арк. 1; 3, с. 263].

Пэўная частка ветэранаў КПЗБ была выхадцамі з сям’яў рабочых, рамеснікаў і служачых, што адлюстроўвала сацыяльную структуру рэгіёна. Так, з рабочага асяроддзя выйшлі Л. Р. Шайкоўскі, Ф. Б. Пірышка, І. Г. Бернштэйн, А. І. Багданчук, з сям’яў рамеснікаў – Ф. А. Цыгельніцкая, Г. М. Мухамухноўскі і А. Б. Гендлер; да служачых належалі бацькі Д. І. Розенштэйна і Ц. І. Гурвіч.

Агульным для ветэранаў КПЗБ было цяжкае сацыяльна-эканамічнае становішча і адчуванне несправядлівасці, што прыводзіла да фарміравання пратэсных настрояў і прыцягвала ў шэрагі камуністычнага руху [4].

Першая сусветная вайна стала катализатарам маштабных сацыяльна-палітычных трансфармацый і негатыўна паўплывала на лёсы мільёнаў людзей. Тэрыторыя Беларусі знаходзілася ў эпіцэнтры ваенных дзеянняў, зведала значныя разбурэнні і змены, якія абумовілі масавыя міграцыйныя працэсы. Бежанства ахапіла розныя пласты насельніцтва, у значнай ступені закранула і будучых ветэранаў КПЗБ, пераважная большасць успамінаў якіх ілюструе вопыт бежанства.

У якасці прыкладу, які паказвае ўплыў цяжкага перыяду жыцця бежанца на сацыяльны партрэт ветэранаў КПЗБ, з’яўляецца Мікалай Сямёнавіч Арэхва, чый жыццёвы шлях цесна звязаны з падзеямі Першай сусветнай вайны, польскай акупацыяй Заходняй Беларусі і наступнай барацьбой беларускага народа за незалежнасць і нацыянальную кансалідацыю [5, арк. 8; 6, с. 6].

Аналагічны вопыт вымушанага бежанства ў гады Першай сусветнай вайны атрымалі і іншыя вядомыя дзеячы КПЗБ: М. Е. Крыштафовіч, П. С. Пестрак, А. Р. Свядун, З. Ф. Паплаўскі, Я. І. Дабрыян, А. І. Багданчук, В. С. Селівонік, А. І. Федасюк [4].

Адукацыйны ўзровень дзеячаў КПЗБ быў розным. Члены партыі, якія паходзілі

з сялянскіх сем'яў, часцей за ўсё мелі пачатковую ці няскончаную сярэдняю адукацыю. Гэта было звязана з абмежаванымі магчымасцямі атрымання сістэмнай адукацыі для прадстаўнікоў гэтых сацыяльных слаёў ва ўмовах знаходжання Заходняй Беларусі ў складзе Польшчы. Напрыклад, у маі 1926 г. С. В. Прытыцкі завяршыў навучанне ў трохкласнай школе. Паводле ўспамінаў яго сястры Іраіды Восіпаўны Царук, ён дэманстраваў высокую паспяховасць і выказваў намер працягнуць адукацыю ў Віленскай гімназіі [7, с. 32]. Увядзенне платы за навучанне ў гімназіях на тэрыторыі Польшчы стала істотным бар'ерам для атрымання адукацыі. Пераважная большасць насельніцтва Заходняй Беларусі заставалася непісьменнай, а фінансавыя абмежаванні сям'і не дазволілі С. В. Прытыцкаму працягнуць навучанне ў гімназіі [8, арк. 5].

Іншы прыклад вядомы з аўтабіяграфіі Ф. Д. Кавалеўскага, які прыступіў да вучобы ва ўзросце дзевяці гадоў. Яго навучальны год, абумоўлены гаспадарчымі патрэбамі сям'і, быў абмежаваны зімовымі месяцамі па прынцыпе «ад снегу да травы»: з выпадзеннем снегу ён прыступаў да заняткаў, а з яго зыходам пакідаў школу для выпасу жывёлы. Такім чынам, агульная працягласць яго навучання склала не тры гады, а толькі тры зімовыя сезоны.

Адукацыйны вопыт С. В. Прытыцкага і Ф. Д. Кавалеўскага паказвае агульную заканамернасць, уласціваю лёсу многіх ветэранаў КПЗБ: іх шлях да ведаў перарываўся як з-за платнага характару сярэдняй адукацыі, што было магутным сацыяльным фільтрам, так і па прычыне эканамічных абставінаў сем'яў, што знаходзіць пацвярджэнне ў біяграфіях А. К. Счаснай, В. Ф. Валейка, Т. А. Стэльмашука і шэрага іншых выхадцаў з сялянскага асяроддзя.

Адзначым, што на павышэнне адукацыйнага ўзроўню членаў КПЗБ уплывала іх палітычная дзейнасць – г. зв. «турэмныя ўніверсітэты», а таксама навучанне ў Мінскай школе КПЗБ і Камуністычным універсітэце нацыянальных меншасцей Захаду імя Ю. Мархлеўскага ў Маскве, праграмы якіх былі нацэлены на фарміраванне прафесійных рэвалюцыянераў.

У другой палове XX ст. назіраўся рост колькасці ветэранаў КПЗБ, якія атрымалі

вышэйшую адукацыю, сярод іх С. В. Прытыцкі, В. П. Ласковіч, І. В. Малец, А. Л. Кахановіч, Я. Г. Міско і інш. [4]. Гэта было шмат у чым абумоўлена палітыкай партыі і дзяржавы па падрыхтоўцы кадраў. Часцей за ўсё іх спецыялізацыя была звязана з партыйным будаўніцтвам, народнай гаспадаркай, адукацыяй, а таксама прапагандай і агітацыяй. Савецкая ўлада актыўна прасоўвала «вылучэнцаў» з рабочага і сялянскага асяроддзя, даючы ім магчымасці для навучання і кар'ернага росту.

Важным чыннікам вызначэння месца ў іерархіі ветэранаў КПЗБ быў іх партыйны статус у 1920–1930-я гг., а менавіта заняцце імі адпаведных кіруючых пасадаў. Найбольшым аўтарытэтам карысталіся тыя, хто займаў кіруючыя пасады ў партыйнай структуры ЦК КПЗБ і КСМЗБ, сакратароў акруговых і раённых камітэтаў. Гэтыя пасады забяспечвалі непасрэднае кіраўніцтва падпольнай працай, ідэалагічную падрыхтоўку кадраў і каардынацыю дзейнасці на месцах. Займаючы гэтыя пазіцыі, ветэраны КПЗБ і КСМЗБ аказвалі значны ўплыў на прыняцце рашэнняў і рэалізацыю тактыкі рэвалюцыйнай барацьбы ў Заходняй Беларусі. Так, М. С. Арэхва са студзеня 1925 г. да сакавіка 1926 г. быў кіраўніком акруговых камітэтаў (АК) КПЗБ у Гродне і Вільні і адначасова быў членам ЦК КПЗБ. У 1934–1935 гг. ён узначальваў Краёвы сакратарыят ЦК КПЗБ [5, арк. 8–9]. У маі 1935 г. М. С. Арэхва прыняў удзел у II з'ездзе КПЗБ, дзе выступіў з дакладам аб задачах партыі ў нацыянальна-вызваленчым руху і быў выбраны членам ЦК КПЗБ [6, с. 199]. 3 ліпеня 1936 г. да канца лістапада 1939 г. ён быў прадстаўніком ЦК КПЗБ пры арганізацыйным апарате ЦК Кампартыі Польшчы ў Празе [5, арк. 9].

Ф. А. Цыгельніцкая ў 1930-я гг. таксама ўваходзіла ў склад кіруючых органаў КПЗБ – часовага сакратарыята ЦК і краёвага сакратарыяту, была ўпаўнаважаным ЦК па Віленскай акрузе [9, с. 25].

Д. І. Розенштэйн з 1925 г. – сакратар Віленскага гаркама, Гродзенскага АК КПЗБ, а з 1927 г. – член Цэнтральнай рэдакцыі КПЗБ [4, арк. 180].

Дзеячы нацыянальна-вызваленчага руху дэманстравалі высокую ступень партыйнай дысцыпліны і падпарадкавання кіраўніцтву КПЗБ, Кампартыі Польшчы (КПП) і Камінтэрна. Ва ўмовах складанай

аператыўнай абстаноўкі заходнебеларускага падполля яны выконвалі шырокае кола важных партыйных даручэнняў.

Яркай ілюстрацыяй мэтанакіраванай і сістэматычнай палітыкі сталінскай рэпрэсіўнай машыны ў адносінах да былых арганізатараў і ўдзельнікаў рэвалюцыйнага руху ў Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. стаў роспуск рашэннем Камінтэрна ў 1938 г. КПЗБ як часткі КПП.

Ацэнка рэпрэсіўных мер у дачыненні да ветэранаў КПЗБ у канцы 1930-х гг. і роспуску партыі з’яўляецца адным з ключавых фактараў, якія характарызуюць як усю даследуемую групу, так і асобных яе членаў. Варта падкрэсліць неаднароднасць успрымання гэтых падзей у асяроддзі былых членаў КПЗБ. Не ўсе ветэраны партыі ў сваіх мемуарах і аўтабіяграфіях акцэнтавалі ўвагу на рэпрэсіях – толькі частка былых партыйцаў (І. С. Сідарук, Т. А. Бурава, П. С. Крынчык, А. К. Лябецкая, Г. М. Муха-Мухноўскі, М. А. Клінцэвіч, К. М. Такушэвіч, С. А. Жабінскі) згадвае пра іх. У якасці прыкладу можна прывесці аўтабіяграфію М. С. Арэховы, у якой ён, акрамя акцэнтацыі ўвагі на жорсткасці неабгрунтаваных рэпрэсій у дачыненні да КПЗБ і яе членаў, згадвае і асабістую трагедыю: яго жонка Алена Смірніцкая (Ваяводская) была арыштавана органамі НКУС і расстраляна, а дачка аддадзена ў дзіцячы дом [5, арк. 11].

Многія ветэраны КПЗБ прымалі ўдзел у Вялікай Айчыннай вайне, змагаючыся як у партызанскіх атрадах, так і на фронце, дзе праяўлялі адданасць савецкай уладзе і гераізм у барацьбе за свабоду і незалежнасць сваёй краіны. З ліку найбольш актыўных удзельнікаў партызанскага руху з ветэранаў КПЗБ адзначым двух Герояў Савецкага Саюза – У. З. Царука і Ф. Р. Маркава, а таксама С. В. Прытыцкага, М. С. Арэхву, В. Е. Самуціна, М. Е. Крыштафовіча, М. Т. Анішчыка, З. Ф. Паплаўскага, А. І. Федасюк, Д. І. Розенштэйна, В. П. Ласковіча, В. С. Селівонік, С. П. Пацяруху, В. В. Янушку [10, арк. 78]. Важнасць уліку ўдзелу ветэранаў КПЗБ як асобнай грамадска-палітычнай супольнасці ў падпольным і партызанскім змаганні ў гады Вялікай Айчыннай вайны абумоўлена багатым вопытам іх мінулага ў складзе рэвалюцыйнага падполля Заходняй Беларусі ў 1920–1930-я гг., які быў

выкарыстаны савецкім ваенным кіраўніцтвам для арганізацыі ўзброенай барацьбы супраць нямецка-фашысцкай агрэсіі на тэрыторыі Беларусі і Польшчы.

Вядома, што ў пасляваенныя гады асноўнай крыніцай кадравага рэзерву для папаўнення партыйных, савецкіх і гаспадарчых органаў былі камандзіры і камісары партызанскіх атрадаў [11, с. 170]. Яны выбіраліся ў мясцовыя саветы дэпутатаў, а некаторыя – у Вярхоўны Савет БССР (С. В. Прытыцкі, Максім Танк, А. І. Федасюк, А. К. Счасная, В. Ф. Валейка і інш.), займалі пасады ў партыйных камітэтах розных узроўняў [4]. У другой палове ХХ ст. ветэраны КПЗБ адыгрывалі важную ролю ў грамадска-палітычнай, сацыяльна-эканамічнай і культурнай сферах БССР. Яны займалі кіруючыя пасады ў партыйных і дзяржаўных органах, удзельнічалі ў рэалізацыі сацыяльна-эканамічнай палітыкі, займаліся ідэяна-патрыятычным выхаваннем моладзі. Так, у 1944 г. М. Е. Крыштафовіч займаў пасаду старшыні Пружанскага райвыканкама, у 1947–1961 гг. быў старшынёй і намеснікам старшыні Брэсцкага аблвыканкама, у 1949–1952 гг. быў кандыдатам у члены ЦК КП(б)Б; у 1952–1960 гг. – член ЦК КПБ, у 1946–1958 гг. – дэпутат Вярхоўнага Савета СССР, у 1951–1955 гг., у 1959–1963 гг. – Вярхоўнага Савета БССР, у 1951–1955 гг. – намеснік Старшыні Прэзідыума Вярхоўнага Савета БССР [12, с. 641; 13, с. 163].

З. Ф. Паплаўскі з 1946 г. працаваў у Брэсцкім абкаме партыі інструктарам па апеляцыі, з 1953 г. быў членам партыйнай камісіі [4, арк. 164; 14, арк. 20].

На гэтых пасадах яны, як і іншыя ветэраны, унеслі значны ўклад у грамадска-палітычнае і сацыяльна-эканамічнае развіццё БССР у другой палове ХХ ст.

Ветэраны КПЗБ актыўна ўдзельнічалі ў грамадскім жыцці, працавалі ў прафсаюзных і ветэранскіх арганізацыях, музеях (В. С. Селівонік і В. П. Ласковіч). Выкарыстоўваючы розныя формы працы з насельніцтвам краіны (публічныя выступленні, лекцыі, сустрэчы, удзел у грамадскіх мерапрыемствах), ветэраны імкнуліся сфарміраваць у моладзі патрыятычныя ідэалы і каштоўнасці, заснаваныя на камуністычнай ідэалогіі і дасягненнях савецкай дзяржавы. Іх дзейнасць спрыяла фарміраванню ў моладзі

камуністычнага светапогляду, пачуцця гонару за сваю краіну і гатоўнасці да абароны сацыялістычных дасягненняў.

Многія ветэраны, атрымаўшы педагагічную адукацыю, працавалі ў сістэме адукацыі: Ц. І. Гурвіч, А. Л. Каханоўскі, Р. А. Пірышка, С. А. Жабінскі, І. В. Малец і інш. [4]. Яны не толькі перадавалі веды, але і фарміравалі ў вучняў камуністычны светапогляд, распавядалі пра гераічную класавую барацьбу КПЗБ супраць польскай улады ў 1921–1939 гг. і перавагі сацыялістычнага ладу.

Ветэраны КПЗБ, валодаючы значным вопытам і аўтарытэтам, актыўна ўдзельнічалі ў рэалізацыі савецкай культурнай палітыкі ў БССР у другой палове XX ст. Дзейнасць народнага пісьменніка БССР Максіма Танка, пісьменнікаў, заслужаных дзеячаў культуры Беларусі П. С. Пестрака і Я. Г. Міско, якія ў міжваенны перыяд былі актыўнымі ўдзельнікамі рэвалюцыйнага руху, спрыяла фарміраванню светапогляду маладога пакалення ў традыцыях адданасці камуністычным ідэалам і гераізацыі рэвалюцыйных падзей Заходняй Беларусі 1920–1930-х гг. [4].

Ветэраны КПЗБ адыгралі пэўную ролю і ў навукова-публіцыстычнай дзейнасці, прыклаўшы свае намаганні адлюстраванню гісторыі Заходняй Беларусі 1921–1939 гг., нацыянальна-вызваленчага руху, гісторыі КПЗБ [15, с. 28–34]. Аналіз гэтай працы ў кантэксце эпохі з улікам ідэалагічнай кан’юнктуры і даступных альтэрнатыўных крыніц дазваляе больш аб’ектыўна ацаніць гістарычныя працэсы, якія адбываліся ў Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг., і пазбегнуць спрошчанага і аднабаковага разумення мінулага.

Заклучэнне

Калектыўны партрэт ветэранаў КПЗБ у другой палове XX ст. прадстаўлены ў асноўным выхадцамі з сялянскага асяроддзя, якія прайшлі праз выпрабаванні падпольнай барацьбы, захавалі вернасць камуністычным ідэалам і адаптаваліся да ўмоў савецкай рэчаіснасці. Перыяд бежанства, перажыты многімі ветэранамі КПЗБ у гады Першай сусветнай вайны, аказаў істотны ўплыў на фарміраванне іх сацыяльнага партрэта. Вымушаная міграцыя спрыяла глыбокай асабістай трансфармацыі, культурнай асіміляцыі, пашырэнню кругагляду і ў некаторых выпадках змене нацыянальнай ідэнтычнасці

прадстаўнікоў даследуемай супольнасці. Драматычныя, а часам і трагічныя падзеі бежанства фарміравалі спецыфічны тып свядомасці, арыентаваны на пошук новай сацыяльнай апоры і радыкальныя палітычныя рашэнні. Падзеі Першай сусветнай вайны апасродкавана, праз механізм вымушанай міграцыі, сталі адной з умоў фарміравання той сацыяльнай базы, на якую пасля аб’явіўся камуністычны рух у Заходняй Беларусі.

У перыяд знаходжання Заходняй Беларусі ў складзе Польшчы атрыманне сістэмнай адукацыі для выхадцаў з рабоча-сялянскага асяроддзя было істотна абмежавана шэрагам такіх структурных бар’ераў, як яе платны характар і эканамічная неабходнасць дзіцячай працы. Гэта прыводзіла да масавай непісьменнасці і фарміравала спецыфічны тып «перапыненай» адукацыі.

У пасляваенны перыяд адукацыйны ўзровень ветэранаў КПЗБ значна павысіўся ў выніку мэтанакіраванай дзяржаўнай палітыкі па падрыхтоўцы партыйна-дзяржаўных кадраў. Такая трансфармацыя не толькі адлюстроўвае змены ў іх індывідуальным сацыяльным статусе, але і служыць яркай ілюстрацыяй інструментальнага падыходу савецкай улады да адукацыі як да ключавага рэсурсу фарміравання новай кіруючай эліты.

Іерархічнае становішча ветэранаў КПЗБ вызначалася іх партыйным статусам у 1920–1930-х гг. Ключавым крытэрыем выступала выкананне функцый кіруючых пасадаў у цэнтральным (ЦК КПЗБ, ЦК КСМЗБ), акруговым і раённым партыйных апаратах, што забяспечвала непасрэдна ўдзел у кіраўніцтве падпольнай дзейнасцю, ідэалагічнай працай і апэратыўнай каардынацыяй на месцах. Вопыт арганізацыйна-распарадкаў і палітычнай працы ва ўмовах падполля фарміраваў іх аўтарытэт і адпаведныя кампетэнцыі. Выкананне шырокага кола партыйных даручэнняў у складанай апэратыўнай абстаноўцы камуністычнага падполля не толькі патрабавала высокай дысцыпліны і падпарадкавання цэнтральнаму кіраўніцтву, але і закладвала аснову для наступнага прызнання іх ўкладу ў нацыянальна-вызваленчы рух.

Такім чынам, партыйна-службовая пазіцыя, якую займалі падпольшчыкі ў міжваенны перыяд, уяўляла сабой не толькі элемент фармальнага статусу, але і фундаментальны фактар, які абумовіў становішча

і ступень грамадскага ўплыву ветэранаў КПЗБ у другой палове XX ст. Пры гэтым, заднаго боку, яны ганарыліся сваім мінулым, а з другога боку, з уключэннем у савецкі ідэалагічны кантэкст яны ў асноўным вымушаны былі замоўчваць некаторыя аспекты гісторыі іх партыі, найперш рэпрэсіі ў адносінах да КПЗБ. Фактычна роспуск КПЗБ стаў заканамерным наступствам палітыкі, якая характарызувалася недаверам і рэпрэсіўнымі мерамі ў дачыненні да былых членаў партыі. Таму дадатковым вызначальным аргументам грамадска-палітычнага прызнання ветэранаў КПЗБ стаў іх удзел у Вялікай Айчыннай вайне як лагічны працяг барацьбы ў складзе партызанскіх атрадаў, падпольных груп і на франтах за свабоду і незалежнасць Радзімы.

Ветэраны КПЗБ унеслі значны ўклад у грамадска-палітычнае, сацыяльна-эканамічнае і культурнае развіццё БССР у другой палове XX ст. Займаючы пасады ў партыйных і савецкіх органах (ад райвыканкамаў да Прэзідыума Вярхоўнага Савета БССР), яны забяспечвалі пераемнасць улады, трансляцыю цэнтралізаванай палітыкі на месцах і фарміраванне рэгіянальнай эліты. Яны выступалі ў якасці носьбітаў і транслятараў гістарычнай памяці пра барацьбу беларускага народа за незалежнасць і нацыянальную кансалідацыю ў 1921–1939 гг. і ў гады Вялікай Айчыннай вайны. Іх праца з моладдзю была інструментам фарміравання новай савецкай ідэнтычнасці. Як педагогі, пісьменнікі і рэдактары, яны ўплывалі на адукацыйны працэс і культурнае поле, фарміравалі інфармацыйную палітыку і ідэалагічны змест.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Савіч, А. Сялянскі фактар у дзейнасці Камуністычнай партыі Заходняй Беларусі / А. Савіч // Беларускі гістарычны часопіс. – 2023. – № 11. – С. 9–16.
2. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 1354. Воп. 1. Спр. 81.
3. У суровыя гады падполля: успаміны былых членаў КПЗБ – актыўных удзельнікаў рэвалюцыйнага руху ў Заходняй Беларусі / Ін-т гісторыі партыі ЦК КП Беларусі – філіял Ін-та марксізму-ленінізму пры ЦК КПСС ; склад.: М. С. Арэхва [і інш.]. – Мн. : Дзярж. выд-ва БССР, 1958. – 361 с.
4. НАРБ. – Ф. 1440. Воп. 3. Спр. 1099.
5. НАРБ. – Ф. 976. Воп. 1. Спр. 3.
6. Орехво, Н. С. Дела и люди КПЗБ : воспоминания / Н. С. Орехво. – Мн. : Беларусь, 1983. – 287 с.
7. Царюк, И. От родного порога / И. Царюк. – Мн. : БГУ, 2011. – 163 с.
8. НАРБ. – Ф. 1354. Воп. 1. Спр. 93.
9. Годы испытаний и мужества : сб. воспоминаний / сост.: Н. С. Орехво, Н. С. Сташкевич ; под ред. Н. Ф. Капич [и др.]. – Мн. : Беларусь, 1973. – 415 с.
10. НАРБ. – Ф. 1440. Воп. 3. Спр. 1101.
11. Очерки истории Брестской областной партийной организации / Я. Я. Алексейчик, Б. И. Камейша, В. П. Самович ; под общ. ред. В. А. Бобкова. – Мн. : Беларусь, 1989. – 448 с.
12. Памяць: гісторыка-дакументальная хроніка Брэста : у 2 кн. / рэдкал.: Г. К. Кісялёў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мн. : БелТА, 2001. – Кн. 2. – 641 с.
13. Памяць: гісторыка-дакументальная хроніка Пружанскага раёна / рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.] ; маст. А. М. Хількевіч. – Мн. : БелЭн, 1992. – 245 с.
14. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці. – Ф. 1. Воп. 26. Спр. 3113.
15. Савіч, А. А. Айчынная гістарыяграфія гісторыі Заходняй Беларусі 1921–1939 гадоў. – Брэст, 2019. – 300 с.

REFERENCES

1. Savich, A. Syalyanski faktar u dzeinasti Kamunistychnai partyi Zakhodnyai Belarusi / A. Savich // Belaruski gistorychny chasopis. – 2023. – № 11. – S. 9–16.
2. Natsyyanal'ny arkhiv Respubliki Belarus' (NARB). – F. 1354. Vop. 1. Spr. 81.

3. U surovyya gady padpolya: uspaminy bylykh chlenau KPZB – aktyunych udzel'nikau revalyutsyinaga rukhu Zakhodnyai Belarusi / In-t gistoryi partyi TsK KP Belarusi – filiyal In-ta marksizmu-leninizmu pry TsK KPSS ; sklad.: M. S. Arekhva [i insh.]. – Mn. : Dzyarzh. vyd-va BSSR, 1958. – 361 s.
4. NARB. – F. 1440. Vop. 3. Spr. 1099.
5. NARB. – F. 976. Vop. 1. Spr. 3.
6. Orekhvo, N. S. Dela i lyudi KPZB : vospominaniya / N. S. Orekhvo. – Mn. : Belarus', 1983. – 287 s.
7. Tsaryuk, I. Ot rodnogo poroga / I. Tsaryuk. – Mn. : BGU, 2011. – 163 s.
8. NARB. – F. 1354. Vop. 1. Spr. 93.
9. Gody ispytaniy i muzhestva : sb. vospominaniy / sost.: N. S. Orekhvo, N. S. Stashkevich ; pod red. N. F. Kapich [i dr.]. – Mn. : Belarus', 1973. – 415 s.
10. NARB. – F. 1440. Vop. 3. Spr. 1101.
11. Ocherki istorii Brestskoi oblastnoi partiinoi organizatsii / Ya. Ya. Alekseichik, B. I. Kameisha, V. P. Samovich ; pod obshch. red. V. A. Bobkova. – Mn. : Belarus', 1989. – 448 s.
12. Pamyats': gistoryka-dakumental'naya khronika Bresta : u 2 kn. / redkal.: G. K. Kisyaleu (gal. red.) [i insh.]. – Mn. : BelTA, 2001. – Kn. 2. – 641s.
13. Pamyats': gistoryka-dakumental'naya khronika Pruzhanskaga raena / redkal.: I. P. Shamyakin (gal. red.) [i insh.] ; mast. A. M. Khil'kevich. – Mn. : BelEn, 1992. – 245 s.
14. Dzyarzhauy arkhiu Brestskai voblastsi. – F. 1. Vop. 26. Spr. 3113.
15. Savich, A. A. Aichynnaya gistoryyagrafiya gistoryi Zakhodnyai Belarusi 1921–1939 gadou. – Brest, 2019. – 300 s.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 20.02.2026

УДК 93:323.1(476.7) «1988–1991»

DOI 10.63874/2218-0281-2026-1-32-39

Олег Геннадьевич Казак

канд. ист. наук, доц., зав. каф. политологии

Белорусского государственного экономического университета

Oleg Kazak

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,

Head of the Department of Political Science of Belarus State Economic University

e-mail: kazak_og@bseu.by

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВА СОВЕТСКО-ПОЛЬСКОЙ ДРУЖБЫ
И БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА ДРУЖБЫ И КУЛЬТУРНОЙ СВЯЗИ
С ЗАРУБЕЖНЫМИ СТРАНАМИ ПО РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ
ПОТРЕБНОСТЕЙ ПОЛЯКОВ В БССР (1988–1991 гг.)**

Статья посвящена характеристике деятельности Общества советско-польской дружбы и Белорусского общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами в реализации политики по отношению к польскому национальному меньшинству в Беларуси в позднесоветский период. Основой источниковой базы статьи являются документы Национального архива Республики Беларусь и Государственного архива Российской Федерации, которые впервые вводятся в научный оборот. Анализ источников позволяет опровергнуть устоявшуюся в историографии Польши точку зрения, согласно которой органы власти, партийные организации и общественные объединения в период перестройки не оказывали существенной помощи полякам БССР в реализации их национально-культурных прав. Рассматриваются основные каналы взаимодействий Общества советско-польской дружбы и Белорусского общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами с польскими организациями Советской Беларуси.

Ключевые слова: национальные меньшинства, межнациональные отношения, Общество советско-польской дружбы, Белорусское общество дружбы и культурной связи с зарубежными странами, Польское культурно-просветительское общество имени А. Мицкевича, Союз поляков Беларуси.

***Activities of the Soviet-Polish Friendship Society and the Belarus Society of Friendship
and Cultural Relations with Foreign Countries to Realizing the National and Cultural Needs
of Poles in the BSSR (1988–1991)***

The article is devoted to the characteristics of the activities of the Soviet-Polish Friendship Society and the Belarus Society for Friendship and Cultural Relations with Foreign Countries in the implementation of policy towards the Polish national minority in Belarus in the late Soviet period. The source base of the article is based on documents from the National Archives of the Republic of Belarus and the State Archives of the Russian Federation, which are being introduced into scientific circulation for the first time. An analysis of the sources allows us to refute the established point of view in Polish historiography, according to which government bodies, party organizations, and public associations during the perestroika period did not provide significant assistance to Poles of the BSSR in realizing their national and cultural rights. The article examines the main channels of interaction between the Soviet-Polish Friendship Society and the Belarus Society for Friendship and Cultural Relations with Foreign Countries with the Polish organizations of Soviet Belarus.

Kew words: national minorities, interethnic relations, Soviet-Polish Friendship Society, Belarus Society for Friendship and Cultural Relations with Foreign Countries, Polish Cultural and Educational Society named after A. Mickiewicz, Union of Poles in Belarus.

Введение

В период перестройки в БССР многие ранее замалчиваемые проблемы, в т. ч. положение национальных меньшинств, становились предметом острых общественных дискуссий. Оживление интереса к культурам и языкам различных этносов, безусловно, заслуживает положительной оценки. В то же время в условиях идеологической дезориентации отдельные политические акторы в

стремлении быстро завоевать популярность спекулировали на весьма деликатной сфере межнациональных отношений, искусственно преувеличивали масштаб проблем, с которыми якобы сталкивались представители той или иной этнической группы. Данное явление, именуемое в современной этнополитологии «этническим предпринимательством», получило распространение и в Советской Беларуси [1].

Согласно данным переписи населения 1989 г., в Беларуси проживало более 417 тыс. лиц польской национальности, около 300 тыс. из них – в Гродненской области. В современной польской историографии (работы А. Бобрика, Р. Карачуна, В. Слешиньского [2–4]) декларируется идея, что польское этнополитическое движение в БССР было исключительно инициативой снизу, которая не находила поддержки со стороны органов власти, партийных структур и общественных объединений. Авторы исследований, как правило, ссылаются на работы лидера польских организаций в Беларуси в конце 1980-х – 1990-е гг. Т. Ф. Гавина [5].

В наших работах, посвященных взаимодействию польских организаций БССР со структурами Коммунистической партии Белоруссии и Гродненского отделения Советского фонда культуры, приводятся конкретные факты, опровергающие основные постулаты польской исторической науки в данном вопросе [6; 7].

Цель статьи заключается в комплексной характеристике места и роли Общества советско-польской дружбы и Белорусского общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами в реализации политики по отношению к польскому национальному меньшинству БССР в период перестройки.

Для достижения этой цели необходимо выполнить следующие задачи:

1) определить роль Общества советско-польской дружбы и Белорусского общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами в процессе создания общественных объединений, представлявших интересы польского национального меньшинства в БССР;

2) охарактеризовать основные каналы конструктивного взаимодействия Общества советско-польской дружбы и Белорусского общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами с полонийными организациями Советской Беларуси;

3) выявить тенденции развития польского этнополитического движения в БССР, которые вызывали обеспокоенность представителей Общества советско-польской дружбы, Белорусского общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами, партийных функционеров и представителей органов государственного управления.

Основу источниковой базы работы составили впервые вводимые в научный оборот документы Национального архива Республики Беларусь и Государственного архива Российской Федерации.

В статье использованы общенаучные и специальные исторические методы исследования (историко-системный, историко-сравнительный, институциональный и др.).

Основная часть

Проблематика польского национального меньшинства в СССР предметно затрагивалась во время переговоров руководителя Польской Народной Республики, Первого секретаря Центрального комитета Польской объединенной рабочей партии В. Ярузельского с М. С. Горбачевым в Москве в апреле 1987 г, встречи руководства польской организации «Полония» во главе с генеральным секретарем Й. Класом с работниками Международного отдела ЦК КПСС в столице СССР в июле 1987 г., визита М. С. Горбачева в Варшаву в июле 1988 г. Международный отдел ЦК ПОРП в ноябре 1987 г. передал советской стороне предложения по активизации национально-культурной жизни поляков в СССР (содействие изучению польского языка, развитию польскоязычной печати, художественной самодетельности и др.), которые были одобрены последней [8, с. 514–519]. Были созданы политические условия для реализации культурных запросов польского национального меньшинства в БССР.

5 мая 1988 г. вышло постановление ЦК КПБ, в соответствии с которым планировалось создание Польской культурно-просветительской секции при Белорусском обществе дружбы и культурной связи с зарубежными странами [9, л. 156]. Необходимость создания секции было подтверждено постановлением Президиума Белорусского общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами от 23 июня 1988 г. В документе сообщалось, что польская организация будет действовать в структуре Гродненского областного отделения Советского фонда культуры и одновременно будет являться коллективным членом Белорусского отделения Общества советско-польской дружбы [10, л. 34]. Было утверждено примерное положение о Польской культурно-

просветительской секции, согласно которому основная цель деятельности организации заключалась в содействии активному участию советских граждан польской национальности в жизни государства, реализации внутренней и внешней политики КПСС, сохранении и развитии польских национальных традиций, языка, культуры [10, л. 52].

26 июня 1988 г. на заседании Гродненского областного отделения Советского фонда культуры было принято решение об образовании инициативных групп по созданию польских культурно-просветительских секций в Гродно, Лиде и пяти районах Гродненской области [11, л. 15–17]. 10 августа 1988 г. было образовано Польское культурно-просветительское общество (далее – ПКПО) имени А. Мицкевича во главе с Т. Ф. Гавиным (наименование «секция» участниками учредительной конференции было признано неудачным).

30 августа 1988 г. Гродненское областное отделение Советского фонда культуры на очередном заседании объявило о включении ПКПО имени А. Мицкевича в свою структуру [11, л. 31]. В этот же день был принят рабочий план мероприятий, направленных на национально-культурное развитие поляков в БССР (решение Отдела зарубежных связей и Отдела науки и учебных заведений ЦК КПБ), согласно которому Белорусскому обществу дружбы и культурной связи с зарубежными странами поручалось содействовать развитию сети отделений ПКПО имени А. Мицкевича в населенных пунктах Гродненской области [10, л. 9].

Положительное отношение к деятельности полонийных организаций в СССР неоднократно декларировалось и Центральным правлением Общества советско-польской дружбы. Например, на заседании Президиума Центрального правления 6 октября 1988 г. обсуждался план мероприятий Общества советско-польской дружбы по участию в реализации «Совместного советско-польского заявления», подписанного в Варшаве М. С. Горбачевым и В. Ярузельским 14 июля 1988 г. Республиканским отделениям Общества советско-польской дружбы в Беларуси, Литве и Украине было поручено оказывать содействие в деятельности польских культурно-просветительских обществ [12, л. 40]. Такая формулировка была практически дословно повторена в протоколе о

сотрудничестве Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами, Общества польско-советской дружбы в 1989 г. [13, л. 12] и в протоколе заседания Президиума Центрального правления Общества советско-польской дружбы 10 апреля 1989 г. (в последнем из названных мероприятий в качестве приглашенного гостя участвовал Т. Ф. Гавин) [14, л. 1].

Первые шаги ПКПО имени А. Мицкевича подробно обсуждались на заседании Белорусского общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами 7 марта 1989 г. В заседании принимали участие представители польской организации во главе с Т. Ф. Гавиным. В подробной информационной записке о деятельности ПКПО имени А. Мицкевича, подготовленной работниками Белорусского общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами и Белорусского отделения Советского фонда культуры, подчеркивалась важность и своевременность создания польской культурной институции. К этому времени организация насчитывала около 2 тыс. членов, а ее отделения действовали в Лиде, Мостовском, Волковысском, Новогрудском, Гродненском районах. Авторы документа подчеркивали особую роль партийных и советских органов: в тех местностях, где они «проявили положительную реакцию, оказали поддержку», процесс создания полонийных организаций шел интенсивно. Негативно оценивалась ситуация в Вороновском районе, более 80 % населения которого составляли поляки. Ввиду «отсутствия инициативных людей, способных разъяснить задачи и цели данного формирования», создание отделения ПКПО имени А. Мицкевича в районе затягивалось. В документе перечислялись основные достижения молодого общественного объединения: вечера, посвященные 45-летию Войска Польского, 190-летию со дня рождения А. Мицкевича; развитие польскоязычного образования (польский язык к тому времени изучался в более 20 школах Гродненщины, ПКПО имени А. Мицкевича совместно с отделом народного образования Гродненского областного исполнительного комитета вело отбор выпускников школ БССР польской национальности для обучения в вузах Польши, организовывались курсы по изучению польского языка). Белорусское общество дружбы и культурной

связи с зарубежными странами, Гродненское областное отделение Советского фонда культуры оказывали ПКПО имени А. Мицкевича и методическую, и материальную поддержку. Так, Гродненское областное отделение Советского фонда культуры брало на себя оплату аренды помещений, изготовление афиш мероприятий и др. [9, л. 139–145].

Отметив очевидные успехи ПКПО имени А. Мицкевича, авторы анализируемой информационной записки упомянули и о тенденциях в деятельности организации, которые вызывали некоторую тревогу. Так, подчеркивалось, что руководство ПКПО имени А. Мицкевича зачастую действовало чрезмерно напористо и агрессивно, предъявляло органам власти и общественным институтам заведомо нереализуемые требования, руководствовалось эмоциями, а не рациональными доводами. Особо отмечалось стремление Т. Ф. Гавина и его окружения к некоторой обособленности: при разработке программных документов общества и решении иных организационных вопросов лидеры ПКПО имени А. Мицкевича практически не обращались за помощью и консультациями к представителям Белорусского общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами, Общества советско-польской дружбы, Советского фонда культуры, но в то же время активно взаимодействовали с Генеральным консульством ПНР в Минске [9, л. 145–146].

По итогам заседания Президиума Белорусского общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами 7 марта 1989 г. было принято постановление, согласно которому организация выражала полную поддержку деятельности ПКПО имени А. Мицкевича в сфере возрождения национальных традиций, культуры, языка в тех регионах, где проживало значительное число лиц польской национальности. Кроме того, отмечалась важность популяризации идей общности судеб белорусского и польского народов, совместных боевых и трудовых традиций, близости и взаимообогащения культур. Для оказания методической и практической помощи ПКПО имени А. Мицкевича был создан совместный методический совет при Белорусском обществе дружбы и культурной связи с зарубежными странами и Белорусском отделении Советского фонда

культуры [15, л. 40–41]. В состав этого методического совета входили 20 человек, в т. ч. лидер ПКПО имени А. Мицкевича Т. Ф. Гавин, доцент кафедры научного коммунизма Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина В. В. Беньковский (позже он стал активным участником польского этнополитического движения в Беларуси), заместитель председателя Президиума Белорусского общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами Н. С. Нерад, проректор Витебского педагогического института Э. И. Рудковский и др. [9, л. 137]. В качестве своей основной цели методический совет декларировал оказание помощи лицам польской национальности в создании отделений ПКПО имени А. Мицкевича по месту жительства и налаживание работы общества по изучению польского языка, истории и культуры польского народа [16, л. 3].

Для иллюстрации деятельности Белорусского отделения Общества советско-польской дружбы по содействию национально-культурному развитию поляков БССР приведем информацию из отчета организации за 1989 г. В документе сообщалось, что общество оказывало помощь в работе клубов друзей Польши, кружков и курсов по изучению польского языка. Так, только в Брестской области в рассматриваемый период действовало около 20 таких кружков и курсов. В 1989 г. при Доме культуры «Строитель» в Барановичах начал функционировать клуб любителей польского языка и польской культуры, в котором состояли около 160 человек. Белорусское отделение Общества советско-польской дружбы совместно с Генеральным консульством ПНР в Минске оказывало содействие жителям БССР в поиске могил родственников на территории Польши [17, л. 72–74].

В июне 1990 г. на организационной основе ПКПО имени А. Мицкевича был образован Союз поляков Беларуси (далее – СПБ). Ответственный секретарь Центрального правления Общества советско-польской дружбы Н. В. Морозова в своем выступлении на отчетно-выборной конференции организации (май 1991 г.) отметила, что Белорусское отделение общества провело большую работу по созданию благоприятных условий для деятельности СПБ [18, л. 138].

Лидеры польского этнополитического движения в БССР обращались за помощью в Белорусское общество дружбы и культурной связи с зарубежными странами. 4 декабря 1990 г. заместитель председателя Президиума данной организации Н. С. Нерад направила письмо в Совет Министров БССР с просьбой принять меры по удовлетворению запросов, поступивших от СПБ (поручить органам местного управления предоставить помещения отделениям СПБ; Министерству народного образования БССР и местным Советам изыскать возможность для приглашения на работу в школах Гродненской и Брестской областей, в которых изучался польский язык, учителей из Польши; решить вопрос об открытии в 1991 г. польской школы в Гродно; Государственному комитету БССР по телевидению и радиовещанию решить вопрос о приглашении на Гродненское областное телевидение и радио специалистов из Польши для оказания помощи в организации теле- и радиовещания на польском языке; Гродненскому областному Совету народных депутатов рассмотреть вопрос об оказании помощи в издании газеты на польском языке) [17, л. 4–5].

Многие из названных мероприятий (финансирование польскоязычной прессы, открытие польской школы в Гродно) были реализованы в первые годы существования суверенной Беларуси.

В конце 1980-х гг. в Польше стали организовываться клубы (общества) любителей Вильнюса, Гродно, Львова и других советских городов, ранее входивших в состав польского государства. Отношение к данным организациям у советских и польских чиновников было неоднозначным. Член ЦК ПОРП, Председатель Центрального правления Общества польско-советской дружбы, Г. Бернадский во время выступления на XII конгрессе общества (27 января 1989 г.) признал, что в работе клубов «могут проявляться различные эмоции, в т. ч. националистические и антисоветские», но выразил надежду, что возглавляемое им общество сможет направить активность указанных структур в конструктивное русло [19, л. 15].

В отчете о работе представительств Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами в Польше в 1989 г. сообщалось о «робком

налаживании рабочих контактов» с «многочисленными клубами любителей и друзей отдельных городов и местностей на территории СССР». Автор отчета, представитель Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами в Польше В. Д. Виноградов рассматривал эти клубы как один из инструментов «мягкой силы» Польши в Советском Союзе, отмечая «развернувшуюся польскую экспансию в установлении культурных, религиозных и прочих контактов с поляками, проживающими в СССР» [20, л. 9–10, 16].

Председатель Общества советско-польской дружбы Л. А. Борисов в своем выступлении на отчетно-выборной конференции организации в мае 1991 г. отметил, что польские клубы не следует рассматривать сквозь призму возможных территориальных претензий к СССР. Он также подчеркнул, что советским общественным объединениям следовало проработать варианты сотрудничества с указанными польскими организациями, наладить контакты в сферах культуры, туризма, экологии, гуманитарных связей [18, л. 109–110].

Совершенно иными были оценки деятельности польских общественных объединений (в частности, белостокского Клуба любителей Гродно), представленные в выступлении секретаря Гродненского областного комитета КПБ М. М. Бирюковой на заседании бюро комитета (апрель 1989 г.) и в информационной записке Прокуратуры БССР, направленной Первому секретарю ЦК КПБ Е. Е. Соколову (октябрь 1990 г.). Отмечалось, что деятельность польских клубов в западных регионах Советской Беларуси таила в себе скрытую угрозу сепаратизма, а контакты полонийных организаций БССР с представителями указанных клубов оценивались крайне негативно [6, с. 107–108].

Заклучение

Таким образом, анализ представленных документов свидетельствует, что Общество советско-польской дружбы, Белорусское общество дружбы и культурной связи с зарубежными странами оказывали действенную организационную и методическую поддержку польским диаспориальным организациям в БССР (ПКПО имени А. Мицкевича, СПБ), полностью поддерживали те направления деятельности данных организаций,

которые были нацелены на удовлетворение конструктивных культурных запросов польского национального меньшинства (изучение польского языка, популяризация польской культуры в Советской Беларуси). Руководители Белорусского общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами в декабре 1990 г. обращались в Совет Министров БССР с просьбой о финансовом и организационном содействии деятельности СПБ. Многие из предложенных мероприятий в то время не могли быть реализованы в силу сложного социально-экономического положения в БССР и были воплощены в жизнь на протяжении 1990-х гг. В отдельных случаях функционеры Белорусского общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами отмечали некоторую искусственную гиперболизацию проблемы польского национального меньшинства в БССР со стороны ПКПО имени А. Мицкевича. Неоднозначным было отношение и к деятельности созданных в Польше клубов любителей советских городов (в частности, Гродно).

Если руководители Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами и Общества советско-

польской дружбы подчеркивали важность налаживания контактов с указанными организациями, то некоторые представители органов государственного управления и партийные работники БССР видели в деятельности клубов угрозу государственной безопасности.

Использованные в статье материалы, основанные на впервые вводимом в научный оборот комплексе архивных источников, могут представлять интерес в свете важности поддержки этнокультурного разнообразия с одновременным пресечением деятельности, направленной на спекуляции в сфере межнациональных отношений.

Результаты исследования могут быть использованы органами государственного управления, местной власти, институтами гражданского общества, которые задействованы в реализации политики в сфере межнациональных отношений, а также в учебном и воспитательном процессе учреждений высшего образования (в частности, при преподавании учебных дисциплин «История белорусской государственности», «Политология», «Этнополитология» и др.).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Казак, О. Г. «Этническое предпринимательство» как феномен общественно-политической жизни Беларуси (конец 1980-х – 1990-е гг.) / О. Г. Казак, А. С. Середа // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды : сб. ст. Междунар. науч.-практ. шк.-конф. молодых ученых, Москва, 21–24 окт. 2025 г. / отв. ред.: Ю. А. Петров, М. М. Беклемишева ; Ин-т рос. истории РАН. – М., 2025. – С. 552–559.
2. Bobryk, A. Społeczne uwarunkowania funkcjonowania oświaty w języku polskim na Białorusi (1988–2017) / A. Bobryk // Polacy na Białorusi od konca XIX do początku XXI wieku : w 6 t. / red. T. Gawin. – Warszawa, 2017–2022. – Т. 1 : Wybrane problemy stosunków polsko-białoruskich. – 2017. – S. 483–503.
3. Karaczun, R. Odrodzona szkoła / R. Karaczun. – Grodno, 1998. – 95 s.
4. Śleszyński, W. Polityka historyczna a mniejszość polska na Białorusi w latach 1991–2017 / W. Śleszyński // Polacy na Białorusi od konca XIX do początku XXI wieku : w 6 t. / red. T. Gawin. – Warszawa, 2017–2022. – Т. 1 : Wybrane problemy stosunków polsko-białoruskich. – 2017. – S. 521–539.
5. Gawin, T. Zwycięstwa i porażki: odrodzenie polskości na Białorusi w latach 1987–2000 / T. Gawin. – Białystok : OFFSET PRINT, 2003. – 583 s.
6. Казак, О. Г. Польские общественные объединения в БССР в оценках партийных организаций Коммунистической партии Белоруссии Гродненской области (конец 1980-х – начало 1990-х гг.) / О. Г. Казак // Труды Белорусского государственного технологического университета. Серия 6, История. Философия. – 2025. – № 1. – С. 105–109.
7. Казак, О. Г. Деятельность Польского культурно-просветительского общества имени А. Мицкевича в структуре Гродненского областного отделения Советского фонда культуры (1988–1991 гг.) / О. Г. Казак // Университетская правовая наука и юридическое образование : к 100-летию юрид. факультета Белорус. гос. ун-та : материалы Белорус. науч.-образоват. конгр.,

Минск, 20–23 окт. 2025 г. / Беларус. гос. ун-т ; редкол.: А. В. Шидловский (гл. ред.) [и др.]. – Мн., 2025. – С. 224–226.

8. Gawin, T. Problem mniejszości polskiej w ZSRR (BSRR) w dialogu między Wojciechem Jaruzelskim i Michaiłem Gorbaczowem (1985–1989) / T. Gawin // Polacy na Białorusi od końca XIX do początku XXI wieku : w 6 t. / red. T. Gawin. – Warszawa, 2017–2022. – T. 3 : Niepodległość 1918–2018. Polskie i białoruskie idee niepodległościowe. – 2019. – S. 511–532.

9. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 914. Оп. 4. Д. 920.

10. НАРБ. – Ф. 914. Оп. 4. Д. 895.

11. Государственный архив Гродненской области. – Ф. 288. Оп. 1. Д. 9.

12. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. Р-9576. Оп. 20. Д. 5849.

13. ГАРФ. – Ф. Р-9576. Оп. 20. Д. 6127.

14. НАРБ. – Ф. 1177. Оп. 1. Д. 170.

15. НАРБ. – Ф. 914. Оп. 4. Д. 913.

16. НАРБ. – Ф. 1177. Оп. 1. Д. 174.

17. НАРБ. – Ф. 914. Оп. 4. Д. 939.

18. ГАРФ. – Ф. Р-9576. Оп. 20. Д. 6452.

19. НАРБ. – Ф. 1177. Оп. 1. Д. 162.

20. ГАРФ. – Ф. Р-9576. Оп. 20. Д. 6343.

REFERENCES

1. Kazak, O. G. «Etnicheskoe predprinimatel'stvo» kak fenomen obshchestvenno-politicheskoi zhizni Belarusi (konets 1980-kh – 1990-e gg.) / O. G. Kazak, A. S. Sereda // Istorija Rossii s drevneishikh vremen do XXI veka: problemy, diskussii, novye vzglyady : sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. shk.-konf. molodykh uchenykh, Moskva, 21–24 okt. 2025 g. / otv. red.: Yu. A. Petrov, M. M. Beklemisheva ; In-t ros. istorii RAN. – M., 2025. – S. 552–559.

2. Bobryk, A. Społeczne uwarunkowania funkcjonowania oświaty w języku polskim na Białorusi (1988–2017) / A. Bobryk // Polacy na Białorusi od końca XIX do początku XXI wieku : w 6 t. / red. T. Gawin. – Warszawa, 2017–2022. – T. 1 : Wybrane problemy stosunków polsko-białoruskich. – 2017. – S. 483–503.

3. Karaczun, R. Odrodzona szkola / R. Karaczun. – Grodno, 1998. – 95 s.

4. Śleszyński, W. Polityka historyczna a mniejszość polska na Białorusi w latach 1991–2017 / W. Śleszyński // Polacy na Białorusi od końca XIX do początku XXI wieku : w 6 t. / red. T. Gawin. – Warszawa, 2017–2022. – T. 1 : Wybrane problemy stosunków polsko-białoruskich. – 2017. – S. 521–539.

5. Gawin, T. Zwycięstwa i porażki: odrodzenie polskości na Białorusi w latach 1987–2000 / T. Gawin. – Białystok : OFFSET PRINT, 2003. – 583 s.

6. Kazak, O. G. Pol'skie obshchestvennyye ob'edineniya v BSSR v otsenkakh partiinykh organizatsii Kommunisticheskoi partii Belorussii Grodnenskoj oblasti (konets 1980-kh – nachalo 1990-kh gg.) / O. G. Kazak // Trudy Belorusskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. Seriya 6, Istorija. Filosofiya. – 2025. – № 1. – S. 105–109.

7. Kazak, O. G. Deyatel'nost' Pol'skogo kul'turno-prosvetitel'skogo obshchestva imeni A. Mitykevicha v strukture Grodnenskogo oblastnogo otdeleniya Sovetskogo fonda kul'tury (1988–1991 gg.) / O. G. Kazak // Universitetskaya pravovaya nauka i yuridicheskoe obrazovanie : k 100-letiyu yurid. fakul'teta Belorus. gos. un-ta : materialy Belorus. nauch.-obrazovat. kongr., Minsk, 20–23 okt. 2025 g. / Belorus. gos. un-t ; redkol.: A. V. Shidlovskii (gl. red.) [i dr.]. – Mn., 2025. – S. 224–226.

8. Gawin, T. Problem mniejszości polskiej w ZSRR (BSRR) w dialogu między Wojciechem Jaruzelskim i Michaiłem Gorbaczowem (1985–1989) / T. Gawin // Polacy na Białorusi od końca XIX do początku XXI wieku : w 6 t. / red. T. Gawin. – Warszawa, 2017–2022. – T. 3 : Niepodległość 1918–2018. Polskie i białoruskie idee niepodległościowe. – 2019. – S. 511–532.

9. Natsional'nyi arkhiv Respubliki Belarus' (NARB). – F. 914. Op. 4. D. 920.

10. NARB. – F. 914. Op. 4. D. 895.

11. Gosudarstvennyi arkhiv Grodnenskoj oblasti. – F. 288. Op. 1. D. 9.

12. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF). – F. R-9576. Op. 20. D. 5849.

13. GARF. – F. R-9576. Op. 20. D. 6127.

14. NARB. – F. 1177. Op. 1. D. 170.
15. NARB. – F. 914. Op. 4. D. 913.
16. NARB. – F. 1177. Op. 1. D. 174.
17. NARB. – F. 914. Op. 4. D. 939.
18. GARF. – F. R-9576. Op. 20. D. 6452.
19. NARB. – F. 1177. Op. 1. D. 162.
20. GARF. – F. R-9576. Op. 20. D. 6343.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 14.01.2026

Людмила Владимировна Гавриловец

канд. ист. наук, доц., доц. каф. истории и обществоведческих дисциплин
Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина

Lyudmila Gavrilovets

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of History and Social Sciences Disciplines
of Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakina
e-mail: lussjawlad@mail.ru

**ПОЛЬСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ ПО РАЗОРУЖЕНИЮ В 1980-е гг.
И ПЛАН ЯРУЗЕЛЬСКОГО**

В конце 80-х гг. XX в. Польша выступила с внешнеполитической инициативой в области разоружения. Правительство Польши предложило реализовать план сокращения вооружений и укрепления доверия в Центральной Европе, известный в польской историографии как план Ярузельского. План Ярузельского предусматривал изменение характера военных доктрин стран Центральной Европы, которые, по мнению польской стороны, должны были носить исключительно оборонительный характер, а также сокращение ядерного оружия и обычных вооружений, в т. ч. ликвидация оперативно-тактического оружия, обладающего точностью поражения и максимальной силой. Предусматривались определение мер безопасности и укрепление доверия среди центральноевропейских стран, разработка и применение достаточно эффективных как национальных, так и международных средств контроля за процессом разоружения. Плану Ярузельского предшествовала польско-западногерманская инициатива по изучению проблемы укрепления безопасности и сотрудничества в Европе посредством разработки мер по взаимному укреплению доверия в области разоружения.

Ключевые слова: разоружение, план Ярузельского, ФРГ, Польша, рабочая группа, правительственная инициатива, проект разоружения, обычные вооружения.

Polish Disarmament Initiatives in the 1980s and the Jaruzelski Plan

In the late 1980s, Poland launched a foreign policy initiative in the area of disarmament. The Polish government proposed implementing a plan for arms reduction and confidence building in Central Europe, known in Polish historiography as the «Jaruzelski Plan». The «Jaruzelski Plan» envisioned changes to the military doctrines of Central European countries, which, according to Poland, were to be exclusively defensive in nature, as well as the reduction of nuclear and conventional weapons, including the elimination of precision-guided and highly effective tactical weapons. It also envisaged the definition of security and confidence-building measures among Central European countries and the development and implementation of sufficiently effective national and international means of disarmament verification. The «Jaruzelski Plan» was preceded by a Polish-West German initiative to study the problem of strengthening security and cooperation in Europe through the development of mutual confidence-building measures in the area of disarmament.

Key words: disarmament, «Jaruzelski plan», Germany, Poland, working group, government initiative, disarmament project, conventional weapons.

Введение

В 1980-е гг. Польша участвовала в реализации двух основных концепций разоружения, среди которых создание польско-западногерманской рабочей группы по изучению проблем укрепления безопасности и сотрудничества в Европе посредством разработки мер взаимного доверия (фактически это была рабочая группа ПОРП – СДПГ), а также польский план по сокращению вооружений и укреплению доверия в Центральной Европе, чаще всего известный под назва-

нием план Ярузельского. Необходимо отметить, что в тот период обязательства СДПГ по разоружению часто путали с правительственными инициативами ФРГ и даже данный вопрос обсуждался в Бундестаге. Например, в мае 1988 г. обсуждался второй этап работы СДПГ с коммунистическими партиями Восточного блока.

Предлогом для парламентского вопроса послужило сообщение восточногерманского информационного агентства ADN (Allgemeiner Deutscher Nachrichtendienst), в котором обсуждался вопрос возможной

встречи главы западногерманской делегации с главами восточногерманской и чехословацкой делегаций по случаю проведения конференции по разоружению 28 апреля 1988 г. Согласно сообщениям прессы, на этой встрече должен был обсуждаться вопрос запрещения применения химического оружия в связи с трехсторонними консультациями и совместным заявлением СЕПГ, КПЧ и СДПГ от 5 апреля 1988 г. Представитель западногерманской стороны государственный секретарь МИД ФРГ Ирмгард Адам-Шветцер заявляла, что федеральное правительство не обсуждало этот вопрос и отказалось участвовать в частных договоренностях политических партий [1, s. 2]. Таким образом, в 1980-е гг. отношения Польши с ФРГ и ГДР строились как на реализации партийных, так и правительственных инициатив по разоружению.

Цель статьи – охарактеризовать процесс участия Польши в реализации инициатив по разоружению в 1980-е гг. и определить позиции ФРГ и ГДР по данному вопросу.

Основная часть

В 1980-е гг. польское руководство рассматривало возможность возвращения Польши на международную арену и восстановление ее позиций в политических отношениях с Западом, что в первую очередь было связано со смягчением дипломатических и экономических санкций, введенных против Польши в 1981 г. как ответ на объявление военного положения в стране. В такой ситуации имело значение также установление контактов между польскими коммунистами и западногерманскими социал-демократами. СДПГ активно продвигала политику разрядки и разоружения, что было обусловлено убеждением ее партийных активистов (В. Брандта и Э. Бара) в важности этих вопросов для результатов парламентских выборов. Кроме того, тема разоружения продолжала оставаться предметом широкого общественного обсуждения в ФРГ [2, s. 145].

Инициатива создания совместной польско-западногерманской рабочей группы по вопросам разоружения исходила от социал-демократов. В мае 1984 г. во время визита представителя СДПГ Х. Эмке в Варшаву обсуждалась возможность преодоления международной изоляции Польши путем ее активного участия в процессе контроля

над вооружениями и решения проблемы разоружения в Центральной Европе. Реализация такой инициативы, по мнению социал-демократов, позволила бы Польше преодолеть изоляцию и улучшить ее позиции по отношению к Западу [3, s. 1]. Серьезным аргументом в пользу возобновления активности Польши в области разоружения были ее предыдущие инициативы: план Рапацкого и план Гомулки (1957 и 1964 гг.). Опасаясь предпринять конкретные действия без консультации с Москвой, польская сторона первоначально достаточно осторожно отнеслась к предложению СДПГ по реализации инициативы по разоружению, сославшись на то, что уже существуют инициативы по разоружению, выдвинутые ОВД.

В ходе следующего визита делегации СДПГ в Варшаву в сентябре 1984 г. возобновились переговоры о более тесном сотрудничестве между СДПГ и ПОРП, а также обсуждались вопросы сотрудничества между двумя партиями в области разрядки и разоружения. Кроме того, Карстен Д. Фойгт – глава делегации СДПГ – представил отчет о работе двусторонних рабочих групп (КПСС – СДПГ, КПЧ – СДПГ, СЕПГ – СДПГ), занимавшихся вопросами безопасности и разоружения, и предложил создать аналогичную рабочую группу с ПОРП. Партнером СДПГ могла стать парламентская группа, а партнером ПОРП – парламентская группа или партия, а темой для обсуждения рабочей группой было прекращение гонки вооружений.

Польская сторона приняла предложение СДПГ. На рабочем совещании ПОРП в октябре 1984 г. было принято решение, что рабочая группа составит из восьми членов: по четыре от каждой страны. Группу ПОРП возглавил Р. Война, председатель Комитета по иностранным делам Сейма 8-го созыва, а группу СДПГ – Х. Эмке, заместитель председателя парламентской фракции СДПГ в Бундестаге. Были также определены направления работы группы: первое касалось мер по укреплению взаимного доверия, а второе – сокращения масштабов присутствия обычных войск и вооружений в Европе.

Рабочая группа по изучению проблем укрепления безопасности и сотрудничества в Европе посредством реализации мер по укреплению взаимного доверия между фракциями СДПГ и ПОРП была создана в

ноябре 1984 г. во время визита Фогеля в Варшаву [4, s. 2]. Месяцем ранее Польша получила согласие СССР на создание рабочей группы. Посол СССР В. С. Семенов передал послу ПНР в Кельне позицию Советского Союза о необходимости расширения диалога с ФРГ, включая СДПГ. Несмотря на это, первое подготовительное совещание рабочей группы состоялось только 14–16 февраля 1985 г.: польская сторона сначала хотела узнать больше о целях и задачах группы, а также таким образом реагировала на тупик в советско-западногерманских отношениях. На февральском рабочем совещании в Варшаве была первоначально подтверждена дата первого заседания рабочей группы и согласованы формальности.

Первое официальное заседание рабочей группы состоялось 4–6 марта 1985 г. в Варшаве. На втором заседании группы в Бонне 3–4 июня 1985 г. было решено, что по случаю визита В. Брандта в Варшаву будет опубликовано совместное заявление. 25–27 сентября 1985 г. в Варшаве было доработано совместное заявление, одобренное Политбюро ЦК ПОРП и Президиумом СДПГ, несмотря на критику со стороны правительства ФРГ.

Польско-западногерманская рабочая группа сформулировала десять пунктов в качестве основы для взаимного доверия и шесть предложений по его дальнейшему развитию. Документ был подписан председателями обеих партий – Брандтом и Ярузельским. Необходимо отметить, что документ был опубликован в тот период, когда в польско-западногерманских правительственных отношениях наблюдалось затишье, вызванное отсутствием каких-либо переговоров по значимым для двух сторон проблемам. Совместное заявление рабочих групп двух партий вызвало также критику со стороны христианских демократов [5, s. 264–265].

Вопросы разоружения стали одним из направлений взаимодействия между Польшей и Западом, а сотрудничество с СДПГ можно было рассматривать как прелюдию к представлению плана Ярузельского, который включал сокращение вооружений и повышение доверия к Центральной Европе. План Ярузельского был представлен первым секретарем ПОРП в 1987 г. и согласовывался с планом Горбачева, объявленным годом ранее. Содержание плана было тесно связано с

советско-американскими переговорами по вопросу ликвидации ракет средней и малой дальности. План Ярузельского был впервые представлен союзникам Польши в марте 1986 г. на заседании Комитета министров иностранных дел государств Варшавского договора в Варшаве, а затем был представлен на заседании СБСЕ в Вене 12 мая 1987 г. и на Конференции по разоружению в Женеве 25 мая 1987 г. [6].

В Польше 8 мая 1987 г. во время Второго конгресса Патриотического движения национального возрождения было объявлено о разработке плана по разоружению в Европе. На конгрессе В. Ярузельский отметил, что Польша сыграла активную роль на Стокгольмской конференции и предложила дополнить ее мандат по обычному разоружению в Европе, а вопрос вооружений имел ключевое значение для безопасности и мира в Европе [7, p. 52].

По мнению Ярузельского, особенно важно было начать процесс разоружения без каких-либо правовых положений, принципов и процедур. Первый секретарь ПОРП также подчеркнул, что радикальный вариант ограничения ядерного арсенала изложен в советском предложении – плане Горбачева. Польша же считала, что необходимо одновременно принять фундаментальные меры, направленные на сокращение обычных вооруженных сил и вооружений в Европе, и как страна, обладающая значительным потенциалом обычных вооруженных сил, готова предпринять решительные шаги к разоружению [8, s. 2–3].

Основное содержание плана было изложено в меморандуме польского правительства государствам – участникам СБСЕ и представлено генералом Ярузельским 17 июля 1987 г. [9, s. 14–18]. План включал четыре основных пункта:

1) ограничение оперативного и тактического ядерного оружия;

2) ограничение наиболее опасных обычных вооружений, включая оружие с наибольшей разрушительной силой и точностью, а также оружие, используемое для наступательных операций;

3) переход от военной доктрины к оборонительной;

4) поиск новых мер по обеспечению безопасности и укреплению доверия в Центральной Европе.

Новым элементом этого плана стало сокращение ядерных ракет малой дальности (до 500 км). Достигнуть этого планировалось за счет постепенного снижения ядерного потенциала и обычных средств ведения войны в регионе. В целом польское предложение было направлено на снижение уровня военной конфронтации в зоне, включающей территорию девяти стран [10, s. 4].

План по сокращению вооружений и укреплению доверия в Центральной Европе должен был охватывать Бельгию, Данию, Нидерланды, Люксембург, ФРГ, ГДР, Чехословакию, Венгрию и Польшу. Он предусматривал возможность его распространения на неприсоединившиеся и нейтральные страны (в частности, в долгосрочной перспективе рассматривалось охватить Европу от Атлантики до Урала) и был связан с другими инициативами стран Восточного блока, а также согласован с Советским Союзом, делегация экспертов из которого активно участвовала в его разработке. Этот план также стал основой для документа «О военной доктрине государств Варшавского договора», принятого на Берлинском заседании Политического консультативного комитета государств Варшавского договора в мае 1987 г. [11]. В Берлине план был представлен лишь в общих чертах, поскольку Варшавский договор не являлся целевой площадкой для координации инициатив союзников. План Ярузельского был призван функционировать в рамках общеевропейской политической системы и мог разрабатываться и расширяться поэтапно.

К причинам, повлиявшим на создание плана, следует отнести желание польского руководства снизить напряженность в Центральной Европе и противодействие гонке обычных вооружений и обеспечение надлежащего места Польши в переговорах по разоружению. Кроме того, данная инициатива Польши рассматривалась как продолжение плана Рапацкого. Об этом польская сторона говорила неоднократно. Так, польский посол Е. Новорыты заявлял, что признание плана в ООН было призвано продемонстрировать преемственность польских идей разоружения [12]. 12 мая 1987 г. министр иностранных дел Польши М. Оржеховский представил план Ярузельского на пленарном заседании в Вене, которое стало продолжением процесса в рамках СБСЕ.

Глава МИД отметил, что начиная с 1950-х гг. польские политики сосредоточились на разработке мер по укреплению политической стабильности и взаимного доверия, создания прочной инфраструктуры для сотрудничества и разоружения в регионе [13, s. 26; 14, s. 188]. Представляя план странам Центральной Европы, рабочая группа ПОРП – СДПГ предложила также создать Европейский совет по укреплению доверия, который должен был действовать совместно со структурами СБСЕ, готовить аналитические исследования, представлять новые предложения по укреплению доверия и демонстрировать их на двух ежегодных сессиях [15, s. 78].

Оценивая общий интерес к плану Ярузельского, следует подчеркнуть, что он был не очень значительным. Гораздо больше внимания уделялось советским инициативам, особенно плану Горбачева. Несмотря на личную поддержку польского плана Горбачевым и Шеварднадзе, он так и не получил однозначного одобрения от Москвы, т. к. советское руководство предпочитало рассматривать вопросы разоружения на двусторонней основе (СССР – США), не принимая во внимание изменившуюся ситуацию в Европе. План Ярузельского в целом представлял собой приглашение к проведению международного диалога по вопросам разоружения без предварительных консультаций и содержал отсылки к «общей безопасности». Он также стал предметом ряда дипломатических переговоров и закулисных обсуждений, в т. ч. переговоров между польской дипломатией и политиками ФРГ, особенно социал-демократами.

Так, с 29 сентября по 1 октября 1987 г. состоялись варшавские переговоры с делегацией СДПГ во главе с Г.-Й. Фогелем по вопросу межпартийного диалога, а также обсуждались план Ярузельского и экономические вопросы. Фогель прочитал лекцию в Сейме о концепции политики безопасности СДПГ на фоне текущего состояния отношений между Востоком и Западом [16, s. 1–2].

Необходимо отметить, что привлечение внимания к плану Ярузельского совпало с принятием односторонних мер по разоружению союзниками Москвы. Так, в Польше численность армии сократили на 15 тыс. че-

ловек, а из госбюджета планировалось выделять военных ассигнований в размере 5,5 % вместо ранее выделяемых 7,7 % [17, с. 12].

Правительство ФРГ поддержало польскую инициативу, направленную на снижение риска внезапного нападения и укрепление доверия через изменение структуры вооруженных сил, но настаивало на асимметричном сокращении вооружения. План же Польши предусматривал равное сокращение, но политики в Бонне отмечали, что ОВД обладает преимуществом в обычных вооружениях, поэтому должна больше сократить вооружений, особенно танков, и обеспечить строгий контроль.

Камнем преткновения также был вопрос контроля на местах: ФРГ настаивала на надежных и верифицируемых мерах инспекции на местах. Западногерманская пресса уделяла достаточно много внимания плану Ярузельского и приводила высказывания первого секретаря ПОРП, что польское предложение направлено на создание атмосферы доверия между военными блоками НАТО и Варшавского договора [18, s. 7; 19, s. 24].

Руководство ГДР во главе с Э. Хонеккером поддержало план Ярузельского, т. к. он соответствовал внешнеполитической линии стран ОВД, и использовало его как инструмент давления на НАТО и ФРГ в вопросах разоружения. Параллельно ГДР совместно с СДПГ продвигала идею создания коридора в центре Европы, свободного от ядерного оружия, что перекликалось с польскими предложениями. Кроме того, любое сокращение вооружений в регионе напрямую касалось границ ГДР с ФРГ, поэтому Восточный Берлин настаивал на строгом соблюдении принципа равной безопасности.

Заключение

План Ярузельского в значительной степени был пропагандистским проектом,

который хорошо вписывался в политическую линию Горбачева, стремившегося остановить гонку вооружений и завоевать западное общественное мнение с помощью концепции «общего европейского дома». Польская инициатива по разоружению в Центральной Европе также стала заключительным аккордом внешней политики Польши периода холодной войны.

Что касается инициативы по укреплению безопасности и сотрудничества в Европе, разрабатываемой рабочей группой ПОРП – СДПГ, то она охватывала те виды деятельности, которые не являлись предметом политики великих держав и не обсуждались в ходе дискуссий и переговоров между странами, участвующими в процессе СБСЕ. Как правило, политику безопасности формировали те страны, у которых было значительное вооружение, а некоторые инициативы в сфере разоружения стран Восточного блока были нереалистичными.

На практике каждый план и инициатива «проверялись» на Западе на предмет поддержки со стороны Москвы: если поддержка была получена, то это автоматически означало проявление интереса к плану, в т. ч. со стороны НАТО. В этом контексте план Ярузельского привлек внимание, поскольку пользовался поддержкой Горбачева. Несмотря на это, он не имел шансов на реализацию, но сам факт его разработки был проявлением дипломатической активности польского правительства и попыткой вырваться из политической изоляции. Возвращение на международную арену было главной целью дипломатической деятельности правительства Польши, а план Ярузельского и участие в работе рабочей группы ПОРП – СДПГ были призваны укрепить достижения польской стороны по вопросу реализации различных мирных инициатив, в т. ч. в области разоружения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Antwort der Staatsministerin Frau Dr. Adam-Schwaetzer vom 10. Mai 1988 // Deutscher Bundestag 11. Wahlperiode, Drucksache 11/2349, 20.05.1988. – Bonn : Buchdruckerei P. Meier, 1988. – S. 2.
2. Świder, M. Ruch pokojowy w RFN (Friedensbewegung) w pierwszej połowie lat osiemdziesiątych XX wieku / M. Świder // Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio K: Politologia. – 2017. – Vol. 24, nr 2. – S. 137–153.
3. Delegacja frakcji SPD z wizytą w Polsce // Głos Pomorza. – 1984. – 10 maja. – S. 1.

4. Delegacja frakcji SPD w Bundestagu z wizytą w Polsce // *Głos Pomorza*. – 1984. – 9 list. – S. 2.
5. Świder, M. Zaangażowanie Polski w inicjatywy rozbrojeniowe w latach 80. XX wieku – grupa robocza PZPR-SPD i plan Jaruzelskiego / M. Świder // *Bezpieczeństwo. Teoria i praktyka*. – 2019. – Nr 1. – S. 257–280.
6. Arend, I. Die Wiener Verhandlungen über konventionelle Streitkräfte in Europa (VKSE). Vom Atlantik bis zum Ural. Kann Europa abrüsten? / I. Arend, M. Kalman // *Wissenschaft und Frieden*. – 1989. – Nr 3. – URL: <https://wissenschaft-und-frieden.de/dossier/vom-atlantik-bis-zum-ural-kann-europa-abruesten/> (date of access: 17.02.2026).
7. Jarzabek, W. Hope and Reality: Poland and the Conference on Security and Cooperation in Europe, 1964–1989 / W. Jarzabek. – Washington : Woodrow Wilson international center for scholars, 2008. – 68 p.
8. Przemówienie przewodniczego Rady Państwa PRL gen. Wojciecha Jaruzelskiego podczas II Kongresu PRON, Warszawa, dnia 8 maja 1987 r. // *Zbiór dokumentów*. – 1988. – Nr 3 (513). – S. 1–4.
9. Memorandum Rządu PRL w sprawie zmniejszenia zbrojeń i zwiększenia zaufania w Europie Środkowej, Warszawa, dnia 17 lipca 1987 r. // *Zbiór dokumentów*. – 1988. – Nr 3 (513). – S. 14–18.
10. Plan Jaruzelskiego // *Gazeta Krakowska*. – 1987. – 11 maja. – S. 4.
11. О военной доктрине государств – участников Варшавского договора. – URL: https://www.Statement_Military_Doctrine_1987_5.pdf (дата обращения: 18.02.2026).
12. Заявление правительства Польши, касающееся плана сокращения вооружений и повышения доверия в Центральной Европе от 14 июня 1988 года // Генеральная Ассамблея ООН, A/43/411, 17 июня 1988. – URL: <https://docs.un.org/ru/A/43/411> (дата обращения: 18.02.2026).
13. Przemówienie Ministra spraw zagranicznych PRL Mariana Orzechowskiego na spotkaniu wiedeńskim KEWE, Wiedeń, 12 maja 1987 r. // *Zbiór dokumentów*. – 1988. – Nr 3(513). – S. 24–28.
14. Czaputowicz, J. Program i inicjatywy Ruchu «Wolność i Pokój» w zakresie polityki międzynarodowej / J. Czaputowicz // *Pamięć i sprawiedliwość*. – 2017. – Nr 2 (30). – S. 179–202.
15. Koszel, B. Bezpieczeństwo Polski w okresie zimnej wojny / B. Koszel // *Przegląd Strategiczny*. – 2015. – Nr 8. – S. 65–80.
16. H. J. Vogel opuścił Polskę // *Gazeta Współczesna*. – 1987. – 2 paźdz. – S. 1–2.
17. Стрелец, М. В. ФРГ и договор ОБСЕ / М. В. Стрелец. – Брест : Изд-во С. Лаврова, 1997. – 40 с.
18. 9 maja – «polski dzień» w prasie RFN // *Pogląd*. – 1987. – Nr 10. – S. 7.
19. Knopek, J. W Europie przemian konfliktów i kompromisów / J. Knopek. – Bydgoszcz : Wydaw. Uczelniane Wyższ. Szk. Pedagogicznej w Bydgoszczy, 1998. – 264 s.

REFERENCES

1. Antwort der Staatsministerin Frau Dr. Adam-Schwaetzer vom 10. Mai 1988 // *Deutscher Bundestag 11. Wahlperiode, Drucksache 11/2349*, 20.05.1988. – Bonn : Buchdruckerei P. Meier, 1988. – S. 2.
2. Świder, M. Ruch pokojowy w RFN (Friedensbewegung) w pierwszej połowie lat osiemdziesiątych XX wieku / M. Świder // *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio K: Politologia*. – 2017. – Vol. 24, nr 2. – S. 137–153.
3. Delegacja frakcji SPD z wizytą w Polsce // *Głos Pomorza*. – 1984. – 10 maja. – S. 1.
4. Delegacja frakcji SPD w Bundestagu z wizytą w Polsce // *Głos Pomorza*. – 1984. – 9 list. – S. 2.
5. Świder, M. Zaangażowanie Polski w inicjatywy rozbrojeniowe w latach 80. XX wieku – grupa robocza PZPR-SPD i plan Jaruzelskiego / M. Świder // *Bezpieczeństwo. Teoria i praktyka*. – 2019. – Nr 1. – S. 257–280.
6. Arend, I. Die Wiener Verhandlungen über konventionelle Streitkräfte in Europa (VKSE). Vom Atlantik bis zum Ural. Kann Europa abrüsten? / I. Arend, M. Kalman // *Wissenschaft und Frieden*. – 1989. – Nr 3. – URL: <https://wissenschaft-und-frieden.de/dossier/vom-atlantik-bis-zum-ural-kann-europa-abruesten/> (date of access: 17.02.2026).

7. Jarzabek, W. Hope and Reality: Poland and the Conference on Security and Cooperation in Europe, 1964–1989 / W. Jarzabek. – Washington : Woodrow Wilson international center for scholars, 2008. – 68 p.

8. Przemówienie przewodniczego Rady Państwa PRL gen. Wojciecha Jaruzelskiego podczas II Kongresu PRON, Warszawa, dnia 8 maja 1987 r. // Zbiór dokumentów. – 1988. – Nr 3 (513). – S. 1–4.

9. Memorandum Rządu PRL w sprawie zmniejszenia zbrojeń i zwiększenia zaufania w Europie Środkowej, Warszawa, dnia 17 lipca 1987 r. // Zbiór dokumentów. – 1988. – Nr 3 (513). – S. 14–18.

10. Plan Jaruzelskiego // Gazeta Krakowska. – 1987. – 11 maja. – S. 4.

11. O voennoi doktrine gosudarstv – uchastnikov Varshavskogo dogovora. – URL: https://www.Statement_Military_Doctrine_1987_5.pdf (data obrashcheniya: 18.02.2026).

12. Zayavlenie pravitel'stva Pol'shi, kasayushcheesya plana sokrashcheniya vooruzhenii i povysheniya doveriya v Tsentral'noi Evrope ot 14 iyunya 1988 goda // General'naya Assambleya OON, A/43/411, 17 iyunya 1988. – URL: <https://docs.un.org/ru/A/43/411> (data obrashcheniya: 18.02.2026).

13. Przemówienie Ministra spraw zagranicznych PRL Mariana Orzechowskiego na spotkaniu wiedeńskim KEWE, Wiedeń, 12 maja 1987 r. // Zbiór dokumentów. – 1988. – Nr 3(513). – S. 24–28.

14. Czaputowicz, J. Program i inicjatywy Ruchu «Wolność i Pokój» w zakresie polityki międzynarodowej / J. Czaputowicz // Pamięć i sprawiedliwość. – 2017. – Nr 2 (30). – S. 179–202.

15. Koszel, B. Bezpieczeństwo Polski w okresie zimnej wojny / B. Koszel // Przegląd Strategiczny. – 2015. – Nr 8. – S. 65–80.

16. H. J. Vogel opuścił Polskę // Gazeta Współczesna. – 1987. – 2 paźdz. – S. 1–2.

17. Strelets, M. V. FRG i dogovor OVSE / M. V. Strelets. – Brest : Izd-vo S. Lavrova, 1997. – 40 s.

18. 9 maja – «polski dzień» w prasie RFN // Pogląd. – 1987. – Nr 10. – S. 7.

19. Knopek, J. W Europie przemian konfliktów i kompromisów / J. Knopek. – Bydgoszcz : Wydaw. Uczelniane Wyższ. Szk. Pedagogicznej w Bydgoszczy, 1998. – 264 s.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 26.02.2026

София Александровна Донцова

аспирант 2-го года обучения отдела археологии Средних веков и Нового времени
Института истории Национальной академии наук Беларуси

Sofiya Dontsova

2-nd Year Postgraduate Student of the Department of Archaeology
of the Middle Ages and Modern Times
of the Institute of History of National Academy of Sciences of Belarus
e-mail: sofiya.bel03@gmail.com

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ УКРАШЕНИЯ РУК В X–XVIII ВВ. В ИСТОРИОГРАФИИ БЕЛАРУСИ И РОССИИ

Представлен историографический обзор литературы, посвященной изучению металлических украшений рук, бытовавших на территории Беларуси в X–XVIII вв. Анализируются основные этапы накопления знаний по данной теме от первых описательных работ дореволюционного периода до современных междисциплинарных исследований. Рассматриваются подходы к классификации и типологии украшений, разработанные белорусскими и российскими (советскими) учеными. Особое внимание уделяется дискуссионным вопросам терминологии («кольцо» / «перстень»), методикам классификации, а также проблемам интерпретации украшений как маркеров половой, социальной и этнической принадлежности. Показана эволюция исследовательской мысли от региональных описаний и создания типологических схем до комплексного анализа с привлечением данных естественных наук и рассмотрения украшений в контексте истории костюма, ремесла и культурных связей.

Ключевые слова: историография, археология Беларуси, металлические украшения, перстни, браслеты, Средневековье, Новое время, классификация, типология.

Metal Hand Adornments of the 10th–18th Centuries in the Historiography of Belarus and Russia

Presents a historiographical review of the literature dedicated to the study of metal hand adornments that existed on the territory of Belarus from the 10th to the 18th centuries. The main stages in the accumulation of knowledge on this topic are analyzed: from the initial descriptive works of the pre-revolutionary period to contemporary interdisciplinary research. The approaches to the classification and typology of these adornments, developed by both Belarusian and Russian (Soviet) scholars, are examined. Particular attention is paid to debatable issues of terminology, methods of classification, and the problems of interpreting these adornments as markers of gender, social status, and ethnic identity. The evolution of scholarly thought is demonstrated: from regional descriptions and the creation of typological schemes to a comprehensive analysis incorporating data from the natural sciences and the examination of adornments within the context of the history of costume, craftsmanship, and cultural ties.

Key words: historiography, archaeology of Belarus, metal adornments, finger rings, bracelets, Middle Ages, early modern period, classification, typology.

Введение

Литература, посвященная изучению металлических украшений рук на территории Беларуси в X–XVIII вв., довольно многочисленна. Типологии перстней и браслетов были разработаны для территории Могилевского Поднепровья в X–XIII вв. и для древностей племенного союза радимичей

(вошла часть материалов с памятников на территории современной Беларуси). В исследовании опираемся на известные системы классификации данных категорий украшений, созданные не только белорусскими археологами, но и исследователями из России (Советского Союза).

Все работы, посвященные данным категориям украшений, можно условно разделить на три группы: специальные исследования, касающиеся классификации и типологии украшений рук (Н. И. Лебедева, А. В. Арциховский, Б. А. Рыбаков, В. П. Левашева, Н. Г. Недошивина, М. В. Седова, В. В. Богомольников, Ю. М. Лесман,

Научный руководитель – Александр Александрович Баишков, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории Беларуси и специальных исторических дисциплин Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

И. А. Сумина, Я. Г. Риер, Ю. В. Степанова, К. В. Моряхина); работы, рассматривающие общие вопросы костюма (Л. В. Дуциц, Ю. В. Степанова, Н. И. Наркевич); исследования, направленные на изучение технологии изготовления ювелирных украшений, в т. ч. перстней и браслетов (Б. А. Рыбаков, Ф. Д. Гуревич, И. В. Магалинский).

Основная часть

Сегодня в археологической литературе для обозначения металлических украшений, носимых на пальцах, утвердился термин «перстень». В дореволюционных исследованиях для обозначения этих украшений чаще использовали термин «ручное кольцо», чтобы отличить их от височных и поясных колец, делая акцент на месте ношения, а не на форме.

В научный оборот термин «перстень» как общепринятый с аргументацией был введен в работах Н. И. Лебедевой [1, с. 6] и А. В. Арциховского. Вместе с тем сегодня существуют и альтернативные взгляды. Ряд современных исследователей, таких как Ю. В. Степанова [2, с. 193] и А. В. Данич [3, с. 19], в своих работах используют терминологическое разделение: «кольцо» они понимают как простой обруч без выраженного щитка или декора, а «перстень» – это украшение со щитком, вставкой или сложным орнаментом. Однако сторонники данного подхода пока недостаточно аргументировали его, что не позволяет такому разделению терминов стать общепринятым.

Зарождение научного интереса к металлическим украшениям рук связано с трудами ученых конца XIX–XX вв. Первые попытки создания терминологии для описания находок с территории современной Беларуси можно увидеть в работах Е. Р. Романова [4, с. 94] и В. З. Завитневича [5, с. 153].

Значительный прогресс в типологизации металлических украшений рук совершила Н. И. Лебедева. В своей монографии «Перстни Рязанских курганов» создала подробную систему классификации, основанную на материале и технологии изготовления и форме, что позволило впервые системно описать региональные особенности древнерусского ювелирного дела и выявить уникальные черты орнаментов и технологий ремесленников Рязанского княжества в XII–XIII вв. Однако выводы Н. И. Лебедевой

ограничены регионом и периодом. Это затрудняет применение ее результатов ко всей славянской культуре и понимание развития ювелирного дела в более широком историческом контексте [1].

А. В. Арциховский в своей монографии «Курганы вятичей» развил идеи Н. И. Лебедевой. Он тоже разделял украшения на группы по материалу, но добавил еще один важный признак – форму сечения. Он перенес акцент с технологии изготовления на внешний вид. А. В. Арциховский не согласился с разделением колец и перстней по декору, предложив исходить из их назначения и называть все перстнями [6, с. 72]. Он сумел выявить особенности местного производства вятичей, но, как и Н. И. Лебедева, занимался только конкретным регионом.

От региональной к межрегиональной систематизации древнерусских украшений перешли в 1960-е гг. В. П. Левашева (при изучении браслетов) и Н. Г. Недошивина (при изучении перстней). Их работы значительно расширили базу источников за счет материалов северо-западной и северо-восточной Руси из курганов и поселений сельского типа. Обе исследовательницы развивали идеи А. В. Арциховского, дополняя и уточняя его типологию. Однако в своих классификационных схемах они отказались от разделения артефактов на группы по материалу изготовления.

В. П. Левашева предложила свой подход: разделить браслеты на отделы по технологии изготовления заготовки (проволока, пластина и т. д.), считая форму сечения вторичной. Она считала нецелесообразным выделять отдельно «рубчатые» браслеты, поэтому включила в отдел «ложновитых» все виды имитации витья (литье, кручение, насечки), чтобы учесть местные особенности находок, В. П. Левашева ввела отделы «ложноплетеных», «узкомассивных» и «ладьевидных» браслетов [7].

Подробную типологию перстней создала и Н. Г. Недошивина. Она, как и А. В. Арциховский, выделяла «витые», «рубчатые» и «ложновитые» перстни в разные отделы, основываясь на технологии изготовления.

Как указывают исследователи, витые перстни изготавливались путем скручивания двух или более металлических прово-

лок, в то время как ложновитые перстни производились путем отливки в форме, снятой с витого оригинала [8, с. 264], а узор на рубчатых перстнях наносился механическим способом (например, зубильцем) на уже готовую дротовую заготовку. Такое различие обусловило визуальные особенности этих типов.

Дальнейшее развитие классификации металлических перстней получило в работе И. А. Суминой при обработке материала из Белозера. Она разработала подробную типологию, включающую 15 типов с вариантами, однако в отличие от предшественников выделила ложновитые и рубчатые перстни как подтипы витых перстней [9, с. 177].

В современной археологической науке классификация подобных перстней упрощается. Е. А. Рябинин в исследовании материалов Водской земли Великого Новгорода объединил витые и рубчатые перстни в один тип [10, с. 75]. Аналогичный подход демонстрирует Ю. В. Степанова при характеристике материала из сельских погребальных памятников Тверского Поволжья XI–XII вв., не разделяя терминов «ложновитой» и «рубчатый» и используя их как тождественные понятия [2, с. 122].

Ю. В. Степанова в своей классификации развила идеи И. А. Суминой и Т. Г. Сарачаевой. Как уже отмечалось, Ю. В. Степанова создала более компактную классификацию для XI–XIII вв.

Значительный вклад в изучение городского ювелирного дела внесла М. В. Седова. В монографии «Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.)» она на основе материалов раскопок разработала типологию и хронологию новгородских украшений рук, основанную на морфологическом признаке [11]. Данная типология активно использовалась исследователями белорусских древностей в археологических отчетах и последующих научных публикациях при описании, характеристике и датировке металлических украшений рук, полученных в ходе исследований памятников Средневековья Беларуси в 1980–1990-х гг.; реже встречаются ссылки на В. П. Недошивину.

Идеи В. П. Левашевой и М. В. Седовой в своей типологии развил Ю. М. Лесман. На материале Новгорода он разработал систему датирующих типов для браслетов и перстней X–XIV вв. [12, с. 29].

К. В. Моряхина разработала классификационную схему для перстней и браслетов Предуралья, которая позволила выявить технологические особенности изготовления украшений рук и эволюцию их формы. В основе классификации – форма изделий и техника изготовления [13, с. 58].

Для белорусской археологии важными стали региональные исследования племенных союзов. Примером применения классификации к конкретным археологическим культурам можно считать работы о племенном союзе радимичей. Одной из первых работ стала монография Б. А. Рыбакова «Радимичи». При описании погребального инвентаря, а именно металлических украшений рук, он, создавая свою типологическую схему, скорее всего, опирался на типологию А. В. Арциховского, но в отличие от него отказывается от разделения украшений на группы по материалу изготовления [14, с. 82]. Б. А. Рыбаков выделил 6 типов перстней и 5 типов браслетов [14, с. 95–97].

Позже В. В. Богомольников в монографии «Радимичи (по материалам курганов X–XII вв.)», опираясь на типологию Б. А. Рыбакова, снова вернулся к принципу А. В. Арциховского и разделил все украшения на группы по материалу [15].

Важным вкладом в изучение украшений конкретного региона Беларуси стала монография П. Ф. Лысенко «Дреговичи», в которой автор подробно описывает погребальный инвентарь племенного союза дреговичей. П. Ф. Лысенко рассматривает распространение находок металлических украшений рук на территории дреговичей, анализирует количество находок перстней и браслетов в каждом захоронении и описывает их основные формы [16, с. 73–80].

Для решения этнокультурных вопросов металлические украшения рук использовал в своей работе «Кривичи» Г. В. Штыхов. Автор на примере звериноголовых браслетов показал сохранение балтских традиций на севере Беларуси в X–XI вв., а также отметил, что обычно рядом с таким типом браслетов встречаются спиралевидные перстни [17, с. 69].

Кроме этого, Г. В. Штыхов описывает расположение украшений рук в погребениях, что дает информацию об особенностях ношения перстней и браслетов у племенного союза кривичей.

В 2010 г. вышла в свет монография Я. Г. Риера, в которой исследователь, основываясь на материале погребальных памятников и поселений X–XIII вв. сельского населения Могилевского Поднепровья, разработал типологию для перстней и браслетов [18, с. 24–26].

Литература, посвященная костюму населения в X–XVIII вв., затрагивает и вопросы о металлических украшениях рук. Рассматривая костюм населения Беларуси в X–XIII вв., Л. В. Дуциц упоминает перстни и браслеты [19, с. 23–24]. Однако исследовательница упоминает только основные типы украшений, хотя и разделяет их по материалу на характерный для города и сельской местности. Интересная деталь: Л. В. Дуциц упоминает о возможном ношении браслетов и на ноге, но, к сожалению, не приводит конкретных примеров.

Ю. В. Степанова рассматривает наиболее распространенные типы перстней и браслетов, но наряду с археологическим материалом анализирует документы, например, списки приданого, духовные грамоты [20, с. 95]. Кроме этого, она выделяет для каждого типа хронологию распространения.

Н. И. Наркевич анализирует браслеты и перстни, бытовавшие на территории Беларуси в XII–XIV вв., обнаруженные в ходе археологических исследований, выделяет отличительные особенности украшений по форме, материалу, технологии изготовления и орнаментике и систематизирует основные типы древнерусских украшений рук [21].

В другой работе Н. И. Наркевич рассматривала влияние Западной Европы в XVII – XVIII вв. на ювелирные украшения Беларуси [22]. Однако в своем исследовании она опиралась не на археологический материал, а на портреты и мемуары.

Вместе с созданием типологических и классификационных схем исследователи поднимают вопросы о способах ношения украшений. Наиболее полную информацию о традициях ношения металлических украшений на руках дают нам погребальные комплексы. Изучение погребального инвентаря позволяет выявить закономерности в количестве украшений и способах их ношения (браслеты могли носить как на запястье, так и у локтя, надевали их под одежду или поверх нее). Кроме того, анализ захоронений

позволяет связать типы украшений с полом и возрастом погребенных.

При изучении перстней X–XIII вв. все исследователи сходятся во мнении, что данную категорию украшений могли носить как на одной, так и на обеих руках, а количество украшений могло быть от 1 до 10. Однако в вопросах половой принадлежности есть разногласия: А. В. Арциховский считает, что перстни – исключительно женский атрибут, а Н. Г. Недошивина, Б. А. Рыбаков, М. В. Седова говорят о перстнях как преимущественно женском украшении, поскольку в редких случаях зафиксировано ношение перстней мужчинами и детьми. В. В. Богомольников считал, что перстни – это та категория украшений, которая достаточно часто встречается не только в женских, но и в мужских погребениях, однако допускал, что в мужском погребении эта категория украшений могла являться ритуальным подношением [15, с. 94].

Для периода XIV–XVII вв. Ю. В. Степанова отмечает, что перстни оставались преимущественно женским украшением, хотя их могли носить и знатные мужчины (князя или бояре) [20, с. 95].

Аналогичная дискуссия существует и о браслетах. М. В. Седова пишет, что браслеты на территории Новгородской земли носили только женщины [11, с. 93], однако Е. А. Рябинин говорит, что браслеты на кистях мужчин встречаются и приводит пример богатого захоронения (предположительно, дружинника), но делает оговорку, что чаще браслеты в мужских захоронениях встречаются в ногах или у бедра из-за ритуального характера. В. П. Левашева также признает, что находки браслетов в мужских погребениях встречаются, хоть и очень редко.

Такие расхождения во взглядах могут объясняться различием традиций на разных территориях или же ограниченной выборкой материала. Стоит отметить, что на территории современной Беларуси браслеты встречаются в инвентаре мужских погребений; например, в курганных могильниках Могилевского Поднепровья они были зафиксированы в следующих погребениях: Восход (курган № 18), Горбовичи (курган № 2), Кулешовка (курган № 4).

Значительный вклад в исследование погребальных комплексов на территории Беларуси внесли белорусские специалисты

Т. Н. Коробушкина, А. В. Квятковская, И. А. Марзалюк, А. В. Войцехович, в чьих работах подробно анализируется сопровождающий инвентарь, включая и металлические украшения рук [23–26].

По вопросам особенностей реконструкции древнерусского костюма можно выделить работу Г. Ф. Корзухиной «Русские клады IX–XIII вв.». Она создала типологию кладов, датировала находки по монетам, провела их искусствоведческий анализ. Все это позволило понять, как выглядел убор княжеско-боярской знати и как менялись формы браслетов (от простых кованых до витых с чернью) [27, с. 62]. Г. Ф. Корзухина, основываясь на материалах кладов, в т. ч. белорусских, впервые показала, что украшения делились по социальному статусу их владельцев: дорогие – для элиты, простые – для обычных людей) и что их формы долго не менялись. Это стало важным вкладом в изучение социальной истории на основании археологических находок.

Б. А. Рыбаков подробно реконструировал техники и технологии ювелиров X–XIII вв., например, технологию производства форм для литья и последующее производство браслетов-наручей [28, с. 264]. Кроме этого, Б. А. Рыбаков проанализировал назначение данного типа украшений: женские браслеты-наручи использовались для охвата узкого рукава. По орнаментации ему удалось разделить браслеты на группы по географическому признаку. Он описал технику чернения, в частности контурную чернь, которую использовали для украшения перстней [28, с. 321].

Изучению инструментария ювелиров на территории Беларуси в X–XIII вв. посвящена работа Ф. Д. Гуревич. Она не только проанализировала инструментарий ювелиров Новогрудка, но и выделила распространенные типы украшений в X–XI вв.: пластинчатые перстни с завязанными концами и пластинчатые браслеты с несомкнутыми расширенными концами [29].

Важным этапом в изучении металлических украшений рук стало использование естественнонаучных методов. Исследование И. В. Магалинского посвящено изучению химического анализа сплавов находок из

Полоцка X–XVII вв. [30]. Такой подход позволяет сделать выводы о производстве, ввозе и культурных связях конкретного региона. Работа И. В. Магалинского основана на переходе от описания украшений к комплексному исследованию, которое объединяет археологию, историю ремесла и естественнонаучный метод.

Заключение

Таким образом, историография металлических украшений рук демонстрирует переход от первых описательных публикаций к более детальному и комплексному анализу перстней и браслетов.

В развитии исследований можно выделить пять основных этапов. В *дореволюционный период* (до 1917 г.) происходило зарождение научного интереса к проблематике и накопление археологического материала (Е. Р. Романов, В. З. Завитневич). Для этого этапа характерен описательный подход и ограничение материала отдельными памятниками, а также отсутствие единой терминологии. В *межвоенный период* (1920-е – 1930-е гг.) начинали разрабатываться первые методологические основы исследования металлических украшений рук, общепринятым в научном обороте становится термин «перстень» (Н. И. Лебедева, А. В. Арциховский), а украшения начинают рассматриваться в общей классификационной (типологической) системе. В *послевоенный период* начинался переход от региональных к межрегиональным исследованиям, расширялась источниковая база (В. П. Левашева, Н. Г. Недошивина), поднимались вопросы о социальной дифференциации украшений (Г. Ф. Корзухина). Для *1990-х гг.* характерен рост интереса к этнокультурной интерпретации украшений, развивается изучение городских центров, выходят монографии, в которых упоминаются ювелирные изделия древнерусских городов (П. Ф. Лысенко, Г. В. Штыхов). *Современный этап* характеризуется активным внедрением междисциплинарных подходов и естественнонаучных методов (Ю. В. Степанова, И. В. Магалинский), а украшения рук рассматриваются как источник информации об истории культуры, социальных связях и этнических процессах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Лебедева, Н. И. Перстни Рязанских курганов / Н. И. Лебедева. – Рязань : Ряз. гос. обл. музей, 1928. – 15 с.
2. Степанова, Ю. В. Перстни из сельских погребальных памятников Тверского Верхневолжья XI–XIII вв. / Ю. В. Степанова // «На одно крыло – серебряная, На другое – золотая...» : сб. ст. памяти Светланы Рябцевой / сост. Р. А. Рабинович, Н. П. Тельнов. – Кишинев : Stratum Plus, 2020. – С. 191–200.
3. Данич, А. В. Украшения рук (кольца и перстни) из раскопок могильника Питер (Степаново Плотбище) / А. В. Данич // Вестник МАЭ. – 2017. – № 7. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ukrasheniya-ruk-koltsa-i-perstni-iz-raskopok-mogilnika-piter-stepanovo-plotbische> (дата обращения: 24.02.2026).
4. Романов, Е. Р. Старина доисторическая Северо-Западного края / Е. Р. Романов // Виленский календарь на 1908 год. – Вильна, 1908. – С. 65–110.
5. Завитневич, В. З. Археологические розыскания в бассейне реки Березины / В. З. Завитневич // Отчет Императорской Археологической комиссии за 1892 год. – СПб., 1894. – С. 124–153.
6. Арциховский, А. В. Курганы вятичей / А. В. Арциховский. – М. : РАНИОН, 1930. – 223 с.
7. Левашова, В. П. Браслеты / В. П. Левашова // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. – М. : Наука, 1967. – Вып. 43. – С. 207–247.
8. Недошивина, Н. Г. Перстни / Н. Г. Недошивина // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. – М. : Наука, 1967. – Вып. 43. – С. 253–264.
9. Сумина, И. А. Металлические перстни средневекового Белозерья / И. А. Сумина // Труды ГИМ. – 1999. – Вып. 111. – С. 167–189.
10. Рябинин, Е. А. Водская земля Великого Новгорода = The vot'land of Novgorod the great : результаты археол. исслед. 1971–1991 гг.) / Е. А. Рябинин ; Рос. акад. наук, Ин-т истории материал. культуры. – СПб. : ДБ, 2001. – 259 с.
11. Седова, М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода X–XV вв. / М. В. Седова. – М. : Наука, 1981. – 196 с.
12. Лесман, Ю. М. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) / Ю. М. Лесман // Материалы по археологии Новгорода. – М., 1990. – С. 29–98.
13. Моряхина, К. В. Украшения рук средневекового населения Пермского Предуралья : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06 / Моряхина Кристина Викторовна. – Пермь, 2018. – 746 л.
14. Рыбакоў, Б. А. Радзімічы / Б. А. Рыбакоў // Працы секцыі археалогіі. – Мн., 1932. – Т. 3. – С. 81–153.
15. Богомольников, В. В. Радимичи (по материалам курганов X–XII вв.) / В. В. Богомольников ; под научн. ред. О. А. Макушникова ; ГГУ им. Ф. Скорины, Науч.-исслед. ин-т восточнославян. народов при ГГУ им. Ф. Скорины. – Гомель : УО «ГГУ им. Ф. Скорины», 2004. – 226 с.
16. Лысенко, П. Ф. Дреговичи / П. Ф. Лысенко. – Мн. : Наука и техника, 1991. – 244 с.
17. Штыхаў, Г. В. Крывічы (па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі) / Г. В. Штыхаў. – Мн. : Навука і тэхніка, 1992. – 191 с.
18. Риер, Я. Г. Сельское общество Могилевского Поднепровья X–XIII вв. по археологическим данным : моногр. / Я. Г. Риер. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2010. – 176 с.
19. Дучыц, Л. У. Касцюм жыхароў Беларусі X–XIII стст. (паводле археалагічных звестак) / Л. У. Дучыц. – 3-е выд. – Мн. : Беларус. навука, 2005. – 78 с.
20. Степанова, Ю. В. Костюм населения Верхневолжья XIV–XVII вв.: опыт комплексного исследования : моногр. / Ю. В. Степанова. – М. ; Тверь : Изд-во Твер. гос. ун-та, 2024. – 320 с.
21. Наркевіч, Н. І. Упрыгажэнні рук жыхароў Беларусі XII–XIV стст. (паводле археалагічных звестак) / Н. І. Наркевіч // Труды БГТУ. – 2011. – № 5. – С. 12–14.
22. Наркевич, Н. И. Ювелирные украшения Беларуси и Западной Европы XVII–XVIII вв.: к вопросу художественного влияния / Н. И. Наркевич // Научный поиск в сфере современной культуры и искусства : материалы науч. конф. профессорско-преподават. состава Белорус. гос. ун-та культуры и искусств, Минск, 25 нояб. 2021 г. ; редкол.: Н. В. Карчевская (пред.) [и др.]. – Мн., 2022. – С. 261–266.

23. Коробушкина, Т. Н. Курганы Белорусского Побужья. X–XIII вв. / Т. Н. Коробушкина ; под ред. Э. М. Загорюльского. – Мн. : Наука і тэхніка, 1993. – 133 с.
24. Квятковская, А. В. Ятвяжские могильники Беларуси (конец XI – XVII в.) / А. В. Квятковская. – Vilnius : Diemezio Leidykla, 1998. – 238 с.
25. Марзалюк, І. А. Археалагічнае вывучэнне курганнага могільніка Усход / І. А. Марзалюк. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2017.
26. Войтехович, А. В. Погребальный обряд населения Полоцкой земли в X–XII вв. / А. В. Войтехович. – Мн. : Беларус. навука, 2019. – 269 с.
27. Корзухина, Г. Ф. Русские клады IX–XIII вв. / Г. Ф. Корзухина. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1954. – 156 с.
28. Рыбаков, Б. А. Ремесло Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М. : Изд-во АН СССР, 1948. – 792 с.
29. Гуревич, Ф. Д. Ювелиры древнего Новогрудка : докл., прочитанный на заседании группы славяно-рус. археологии ЛОИА АН СССР 24 нояб. 1964 г. / Ф. Д. Гуревич. – М. : Наука, 1967. – 7 с.
30. Магалінскі, І. У. Вырабы з каляровых металаў у кантэксте культурна-эканамічных кантактаў Полацка ў X–XVII стст. / І. У. Магалінскі // МАБ. – 2013. – Вып. 24. – С. 113–119.

REFERENCES

1. Lebedeva, N. I. Perstni Ryazanskikh kurganov / N. I. Lebedeva. – Ryazan' : Ryaz. gos. obl. muzej, 1928. – 15 s.
2. Stepanova, Yu. V. Perstni iz sel'skikh pogrebal'nykh pamyatnikov Tverskogo Verkhnevolzhya XI–XIII vv. / Yu. V. Stepanova // «Na odno krylo – serebryanaya, Na drugoe – zolotaya...» : sb. st. pamyati Svetlany Ryabcevoj / sost. R. A. Rabinovich, N. P. Telnov. – Kishinev : Stratum Plus, 2020. – S. 191–200.
3. Danich, A. V. Ukrasheniya ruk (kol'ca i perstni) iz raskopok mogil'nika Piter (Stepanovo Plotbishche) / A. V. Danich // Vestnik MAE. – 2017. – № 7. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ukrasheniya-ruk-koltsa-i-perstni-iz-raskopok-mogilnika-piter-stepanovo-plotbische> (data obrashcheniya: 24.02.2026).
4. Romanov, E. R. Starina doistoricheskaya Severo-Zapadnogo kraja / E. R. Romanov // Vilenskij kalendar' na 1908 god. – Vil'na, 1908. – S. 65–110.
5. Zavitnevich, V. Z. Arkheologicheskiye rozyskaniya v bassejne reki Bereziny / V. Z. Zavitnevich // Otchet Imperatorskoj Arkheologicheskoy komissii za 1892 god. – SPb., 1894. – S. 124–153.
6. Arcikhovskij, A. V. Kurgany vyatichyej / A. V. Arcikhovskij. – M. : RANION, 1930. – 223 s.
7. Levashova, V. P. Braslety / V. P. Levashova // Oчерki po istorii russkoj derevni X–XIII vv. – M. : Nauka, 1967. – Вып. 43. – S. 207–247.
8. Nedoshivina, N. G. Perstni / N. G. Nedoshivina // Oчерki po istorii russkoj derevni X–XIII vv. – M. : Nauka, 1967. – Вып. 43. – S. 253–264.
9. Sumina, I. A. Metallicheskie perstni srednevekovogo Belozerya / I. A. Sumina // Trudy GIM. – 1999. – Вып. 111. – S. 167–189.
10. Ryabinin, Ye. A. Vodskaya zemlya Velikogo Novgoroda = The vot'land of Novgorod the great : rezul'taty arkheol. issled. 1971–1991 gg. / Ye. A. Ryabinin ; Ros. akad. nauk, In-t istorii material. kul'tury. – SPb. : DB, 2001. – 259 s.
11. Sedova, M. V. Yuvelirnye izdeliya drevnego Novgoroda X–XV vv. / M. V. Sedova. – M. : Nauka, 1981. – 196 s.
12. Lesman, Yu. M. Khronologiya yuvelirnykh izdelij Novgoroda (X–XIV vv.) / Yu. M. Lesman // Materialy po arkheologii Novgoroda. – M., 1990. – S. 29–98.
13. Moryakhina, K. V. Ukrasheniya ruk srednevekovogo naseleniya Permskogo Preduralya : dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.06 / Moryakhina Kristina Viktorovya. – Perm', 2018. – 746 l.
14. Rybakou, B. A. Radzimichy / B. A. Rybakou // Pracy sekcyi arkheologii. – Mn., 1932. – T. 3. – S. 81–153.
15. Bogomol'nikov, V. V. Radimichi (po materialam kurganov X–XII vv.) / V. V. Bogomol'nikov ; pod nauchn. red. O. A. Makushnikova ; GGU im. F. Skoriny, Nauch.-issled. in-t vostochnoslavjan. narodov pri GGU im. F. Skoriny. – Gomel' : UO «GGU im. F. Skoriny», 2004. – 226 s.

16. Lysenko, P. F. Dregovichy / P. F. Lysenko. – Mn. : Nauka i tekhnika, 1991. – 244 s.
17. Shtykhau, G. V. Kryvichy (pa materyyalakh raskopak kurganou u Paunochnaj Belarusi / G. V. Shtykhau. – Mn. : Navuka i tekhnika, 1992. – 191 s.
18. Rier, Ya. G. Sel'skoye obshchestvo Mogilevskogo Podneprovya X–XIII vv. po arkeologicheskim dannym : monogr. / Ya. G. Rier. – Mogilev : MGU im. A. A. Kuleshova, 2010. – 176 s.
19. Duchyts, L. U. Kastsyum zhykharow Belarusi X–XIII stst. (pavodle arkhealogichnykh zvestak) / L. U. Duchyts. – 3-e vyd. – Mn. : Belarus. navuka, 2005. – 78 s.
20. Stepanova, Yu. V. Kostyum naseleniya Verkhnevolzhya XIV–XVII vv.: opyt kompleksnogo issledovaniya : monogr. / Yu. V. Stepanova. – M. ; Tver' : Izd-vo Tver. gos. un-ta, 2024. – 320 s.
21. Narkevich, N. I. Uprygazhenni ruk zhykharou Belarusi XII–XIV stst. (pavodle arkhealogichnykh zvestak) / N. I. Narkevich // Trudy BGTU. – 2011. – № 5. – S. 12–14.
22. Narkevich, N. I. Yuvelirnye ukrasheniya Belarusi i Zapadnoj Evropy XVII–XVIII vv.: k voprosu khudozhestvennogo vliyaniya / N. I. Narkevich // Nauchnyj poisk v sfere sovremennoj kul'tury i iskusstva : materialy nauch. konf. professorsko-prepodavat. sostava Belorus. gos. un-ta kul'tury i iskusstv, Minsk, 25 noyab. 2021 g. ; redkol.: N. V. Karchevskaya (pred.) [i dr.]. – Mn., 2022. – S. 261–266.
23. Korobushkina, T. N. Kurgany Belorusskogo Pobuzhya. X–XIII vv. / T. N. Korobushkina ; pod red. E. M. Zagorulskogo. – Mn. : Navuka i tekhnika, 1993. – 133 s.
24. Kvyatkovskaya, A. V. Yatvyazhskie mogil'niki Belarusi (konets XI – XVII v.) / A. V. Kvyatkovskaya. – Vilnius : Diemezio Leidykla, 1998. – 238 s.
25. Marzalyuk, I. A. Arkhealogichnaye vyvuchenne kurgannaga mogil'nika Uskhod / I. A. Marzalyuk. – Magilyow : MDU imya A. A. Kulyashova, 2017.
26. Vojtekhovich, A. V. Pogrebalnyj obryad naseleniya Polockoj zemli v X–XII vv. / A. V. Vojtekhovich ; Nac. akad. nauk Belarusi, In-t istorii. – Mn. : Belarus. navuka, 2019. – 269 s.
27. Korzukhina, G. F. Russkie klady IX–XIII vv. / G. F. Korzukhina. – M. ; L. : Izd-vo AN SSSR, 1954. – 156 s.
28. Rybakov, B. A. Remeslo Drevnej Rusi / B. A. Rybakov. – M. : Izd-vo AN SSSR, 1948. – 792 s.
29. Gurevich, F. D. Yuveliry drevnego Novogrudka : dokl., pročitanny na zasedanii grupy slavyanorus. arkeologii LOIA AN SSSR 24 noyab. 1964 g. / F. D. Gurevich. – M. : Nauka, 1967. – 7 s.
30. Magalinski, I. U. Vyraby z kalyarovykh metalaw u kanteksce kul'turna-ekanamichnykh kantakta Polacka u X–XVII stst. / I. U. Magalinski // MAB. – 2013. – Vyp. 24. – S. 113–119.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 17.03.2026

Ольга Анатольевна Лабейко

канд. экон. наук, доц.,

докторант каф. экономического развития и менеджмента

Академии управления при Президенте Республики Беларусь

Olga Labeyko

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,

*Doctoral Student of the Department of Economic Development and Management
of Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus*

e-mail: Olgalabeyko@bk.ru

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РЕАБИЛИТАЦИЕЙ И АБИЛИТАЦИЕЙ ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ: ОПЫТ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН*

Рассматривается практика управления реабилитацией и абилитацией людей с инвалидностью в России, Казахстане и Германии. Показаны приоритетные направления и инструменты реализации политики российского государства по формированию системы комплексной реабилитации и абилитации инвалидов. Систематизированы инструменты правозащитной модели реабилитации лиц с инвалидностью в Казахстане, которые направлены на устранение барьеров, снятие ограничений и создание инклюзивных условий в главных сферах жизни общества. Особое внимание уделено различным аспектам управления медицинской, профессиональной и социальной реабилитацией, а также интеграцией людей с инвалидностью в Германии (в исследовании используются понятия «инвалиды», «лица с инвалидностью», «люди с инвалидностью» применительно к той части населения страны, которая имеет устойчивые нарушения здоровья). На основе проведенного научного исследования выделены организационно-правовые и экономические инструменты государственного управления реабилитацией и абилитацией людей с инвалидностью. Представленная авторская классификация позволит выработать комплекс практических мер по совершенствованию функций управления на каждом этапе реабилитационного процесса.

Ключевые слова: *инвалидность, реабилитация и абилитация, государственная политика, инструменты, восстановление здоровья, интеграция.*

Features of State Management of Rehabilitation and Abilitation of People with Disabilities: Experience of Foreign Countries

The article examines the practice of managing rehabilitation and habilitation of people with disabilities in Russia, Kazakhstan and Germany. The priority directions and tools for the implementation of the policy of the Russian state on the formation of a system of comprehensive rehabilitation and habilitation of the disabled are shown. The tools of the human rights model of rehabilitation of persons with disabilities in Kazakhstan are systematized, which are aimed at removing barriers, removing restrictions and creating inclusive conditions in the main spheres of society. Special attention is paid to various aspects of the management of medical, professional and social rehabilitation, as well as the integration of people with disabilities in Germany (the study uses the concepts of «disabled people», «persons with disabilities», «people with disabilities» in relation to that part of the country's population that has persistent health problems). Based on the conducted scientific research, the organizational, legal and economic instruments of state management of rehabilitation and habilitation of people with disabilities are highlighted. The presented author's classification will make it possible to develop a practical set of measures to improve management functions at each stage of the rehabilitation process.

Key words: *disability, rehabilitation and habilitation, public policy, instruments, health restoration, integration.*

**Работа выполнена при финансовой поддержке БРФФИ (НИР «Комплексная оценка человеческого потенциала людей с инвалидностью в Республике Беларусь: теория и практика», договор № Г25-011 от 02.05.2025)*

Введение

В стратегических документах Организации Объединенных Наций, Всемирной организации здравоохранения, Международ-

ной организации труда экспертное сообщество призывает страны к выработке целенаправленной государственной политики по реабилитации и абилитации людей с инвалидностью, ее реализации через национальные планы, программы социально-экономического развития. При этом в одних странах (Беларусь, Казахстан, Россия, Узбекистан) еще идет процесс формирования отдельных направлений и институтов реабилитации людей с инвалидностью; другие страны (Германия, Израиль, Франция, Швеция) находятся на этапе развития уже действующего механизма реализации государственной политики реабилитации и абилитации. В этой связи научный и практический интерес представляет анализ зарубежного опыта решения актуальных проблем социальной защиты социально уязвимых групп населения и применения современных инструментов управления реабилитацией и абилитацией людей с инвалидностью.

Основная часть

В России, по данным Федеральной службы статистики, проживает 11 123 тыс. инвалидов (это 7,6 % населения страны). Уровень занятости среди данной социально-демографической группы в возрасте 15 лет и старше составляет 10,1 % (среди всего населения страны значение показателя – 61,4 %); уровень безработицы находится в пределах 14,6 % (среди всего населения значение показателя составляет 2,5 %). В стационарных организациях социального обслуживания в 2022 г. проживали 246 тыс. человек пожилого возраста и инвалидов, что ниже уровня 2013 г. на 0,4 п. п. Согласно доступным статистическим данным в России наблюдается устойчивая тенденция к сокращению количества детей с инвалидностью, проживающих в учреждениях социального обслуживания – на 13,6 п. п., или 3 тыс. человек [1].

Целями государственной политики социальной защиты инвалидов в России являются обеспечение условий для преодоления, замещения (компенсации) возникающих ограничений жизнедеятельности, а также создание равных с другими гражданами возможностей участия в жизни общества. К приоритетным направлениям государственной политики в данной сфере относится формирование системы комплексной реабилита-

ции и абилитации инвалидов, включая медицинскую реабилитацию, санаторно-курортное лечение, протезирование, профессиональную, социальную, социокультурную, физическую реабилитацию и абилитацию, протезно-ортопедическую помощь и обеспечение техническими средствами реабилитации [2]. В 2021 г. была утверждена Концепция развития в Российской Федерации системы комплексной реабилитации и абилитации инвалидов, в т. ч. детей-инвалидов, на период до 2025 г. [3].

В соответствии с указанным выше документом формирование системы комплексной реабилитации и абилитации в России опирается на следующие принципы: раннее начало оказания реабилитационных услуг, их доступность, последовательность, преемственность и непрерывность; реализация научно обоснованных и эффективных реабилитационных мероприятий; междисциплинарный и персонифицированный подходы к организации реабилитационного процесса; максимальная включенность инвалидов в общественную жизнь [4, с. 54]. Организационная структура комплексной реабилитации и абилитации включает федеральные органы исполнительной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере социальной защиты инвалидов, а также подведомственные реабилитационные организации.

Реализация комплексной реабилитации и абилитации инвалидов в России осуществляется с использованием следующих методов и инструментов:

1. Совершенствование нормативной правовой базы, касающейся оказания ранней помощи детям с инвалидностью и их семьям, сопровождаемого проживания; комплексной реабилитации и абилитации в сфере социальной защиты, образования, культуры, физической культуры и спорта; разработка подзаконных актов по вопросам расширения перечня услуг по реабилитации и абилитации, их внедрение в субъектах Российской Федерации.

2. Развитие организационных форм оказания реабилитационных услуг, предоставления технических средств реабилитации. Для это предполагается увеличить количество организаций, реализующих услуги по направлениям комплексной реабилита-

ции и абилитации, расширить сеть многопрофильных центров, а также ресурсных реабилитационных центров. Важное значение имеет внедрение стационарозамещающих технологий, в т. ч. сопровождаемого проживания, мобильных реабилитационных служб, инновационных ассистивных технологий [5, с. 138]. Особое внимание уделено расширению пунктов проката технических средств реабилитации, центров по их демонстрации, подбору и обучению пользования, введение электронных сертификатов обеспечения и др.

3. Государственное финансирование ресурсного обеспечения (научного, методического, информационного, кадрового) комплексной реабилитации и абилитации. Кадровое обеспечение формируется за счет развития системы профессиональной подготовки кадров и создания профессиональных сообществ; разработки и актуализации профессиональных стандартов специалистов; проведения обучающих, научно-практических мероприятий, в т. ч. по международному обмену опытом по всем направлениям комплексной реабилитации и абилитации.

4. Использование современных информационных технологий в системе комплексной реабилитации и абилитации.

5. Введение стандартов оказания услуг по основным направлениям комплексной реабилитации и абилитации.

6. Реализация мероприятий по интеграции инвалидов в главные сферы жизни общества, в т. ч. путем проведения информационно-разъяснительной работы по вопросам формирования толерантного отношения к людям с инвалидностью, культурно-массовых мероприятий с участием данной группы населения, расширение практики использования жестового языка, организации социальной занятости и др.

В настоящее время 73 субъекта Российской Федерации реализуют подпрограммы по развитию системы комплексной реабилитации и абилитации, 85 субъектов охвачены научно-методической помощью Федерального центра научно-методического и методологического обеспечения развития системы комплексной реабилитации и абилитации инвалидов и детей-инвалидов [6, с. 15]. Решение задачи по интеграции людей с инвалидностью в общественную жизнь обеспе-

чивается путем реализации комплекса мероприятий Государственной программы Российской Федерации «Доступная среда».

В Казахстане 3,7 % населения страны, или 737,4 тыс. человек, имеют группу инвалидности. Уровень занятости среди населения с инвалидностью в Казахстане составляет 28,9 %, что в 3 раза ниже, чем показатель в целом по республике, или на 66,5 п. п. [7].

За десять лет (с 2015 по 2024 г.) численность престарелых и лиц с инвалидностью, проживающих в медико-социальных и психоневрологических учреждениях, снизилась на 2,4 п. п. В детских домах и интернатах страны на конец 2024 г. проживали 1 580 детей с инвалидностью, что ниже уровня 2015 г. на 42,2 п. п. [8].

Обращаясь к опыту организации реабилитации людей с инвалидностью в Казахстане, следует указать, что в стране на государственном уровне поставлены задачи по решению проблем инвалидизации населения. Концептуальные и институциональные аспекты реабилитации людей с инвалидностью отражены в Социальном кодексе Республики Казахстан, Национальном плане по обеспечению прав и улучшению качества жизни лиц с инвалидностью до 2025 г., Концепции социального развития Республики Казахстан до 2030 г.

С целью перехода от медицинской к социальной правозащитной модели реабилитации утверждена Концепция инклюзивной политики в Республике Казахстан на 2025–2030 гг., которая сконцентрирована на защите и обеспечении прав угнетенной группы населения [9].

Инструментами реализации инклюзивной политики определены:

- 1) совершенствование национального законодательства в контексте перехода к социальной правозащитной модели;
- 2) формирование инклюзивного рынка труда на основе обеспечения полноценного доступа к профессиональному обучению;
- 3) профилактика инвалидности;
- 4) введение национальных стандартов доступности, в т. ч. услуг реабилитации и абилитации, и др.

Социальная защита людей с инвалидностью в стране реализуется по трем ключевых направлениям:

- 1) осуществляются социальные выплаты и пособия по инвалидности;

2) реализуется комплекс мер по социальной реабилитации, направленных на компенсацию ограничений жизнедеятельности;

3) оказываются специальные социальные услуги.

Государство обеспечивает нуждающихся протезно-ортопедическими изделиями, сурдотифлотехническими и обязательными гигиеническими средствами, креслами-колясками, санаторно-курортным лечением, предоставляет услуги специалиста жестового языка, индивидуального помощника, оплачивает услуги такси при доставке в учреждения образования, здравоохранения, на вокзалы, в аэропорты и другие жизненно важные объекты социальной инфраструктуры [10, с. 145]. По всей стране реализуются меры по созданию доступной среды и обеспечению доступности объектов здравоохранения, образования, культуры и спорта, социальной защиты и др. Введена в действие интерактивная карта доступности социально значимых объектов Казахстана, запущен портал по оказанию социальных услуг.

В Германии накоплен богатейший успешный опыт реабилитации как взрослого, так и детского населения с разными формами инвалидности. Это одна из передовых стран, где сформирована целостная многокомпонентная система реабилитации людей с инвалидностью [11, с. 48]. По данным Федерального бюро статистики, 9,4 % населения Германии, или 7,8 млн человек, имеют тяжелую степень инвалидности (нарушение функций и структур организма человека составляет более 50 %) [12].

С целью предотвращения нетрудоспособности или потери независимости в повседневной жизни реабилитационными мерами в Германии охвачены люди, имеющие инвалидность, а также люди, страдающие хроническими заболеваниями более 6 месяцев. Около 25 % всех реабилитационных услуг предоставляются населению после серьезного медицинского вмешательства, но большая часть таких услуг (а это свыше 70 %) оказывается в профилактических целях, что направлено на снижение вероятности потери трудоспособности и выхода на пенсию.

Система реабилитации в Германии в значительной степени (около 60 % всех расходов) финансируется из фонда обязательного пенсионного страхования; 33 % затрат

компенсирует государственное страхование по болезни, 7 % – государственное страхование от несчастных случаев [13]. В стране принято, что предупреждение раннего выхода на пенсию, связанное с потерей трудоспособности на 3–4 месяца, уже компенсирует расходы на четырехнедельную стационарную реабилитацию.

Развитие национальной системы реабилитации Германии осуществляется в соответствии с положениями Амманско-Берлинской декларации о глобальной инклюзии людей с инвалидностью, принятой в 2025 г. на третьем Глобальном саммите по вопросам инвалидности, который прошел в Берлине [14]. Там были определены приоритетные направления государственной политики реабилитации людей с инвалидностью:

1) сокращение пересекающейся дискриминации женщин, девушек, детей и молодых людей с инвалидностью;

2) снятие всех возможных барьеров получения помощи, оказания защиты и поддержки людей с инвалидностью при вооруженных конфликтах, стихийных бедствиях, чрезвычайных ситуациях;

3) заключение партнерства между организациями, осуществляющими инклюзию людей с инвалидностью, частным сектором, профсоюзами, научным и гражданским сообществами с целью увеличения исследований, многостороннего финансирования мероприятий, направленных на расширение возможностей участия людей с инвалидностью в главных сферах жизни;

4) поддержка научных подходов при сборе и обработке фактических материалов и данных о положении людей с инвалидностью во всех секторах общественной жизни.

Реализация указанных направлений государственной политики реабилитации людей с инвалидностью в Германии осуществляется с помощью широкого спектра мер и инструментов. Услуги медицинской реабилитации могут оказываться сразу же после стационарного лечения. Пациентам предоставляется комплексная помощь, которая включает медицинские, физиотерапевтические, психотерапевтические услуги.

С целью недопущения социального иждивенчества и обеспечения занятости даже при тяжелых формах инвалидности в Германии принимаются меры по профес-

сиональной реабилитации. На законодательном уровне закреплена обязанность нанимателей, численность штата которых более 20 человек, принимать на работу лиц с тяжелыми формами инвалидности. Так, в 2021 г. 39 % нанимателей полностью выполнили требования по трудоустройству указанной группы населения, 35 % нанимателей выполнили требования частично, 26 % их не выполнили [15].

Для достижения стратегической цели по обеспечению инклюзивности производственной среды и рынка труда государственными органами Германии для людей с инвалидностью расширяется спектр инструментов трудоустройства.

Основными из них являются инклюзивные предприятия, поддерживаемая занятость, предоставление финансовой помощи при трудоустройстве или обучении, помощь и поддержка в трудовой деятельности от интеграционных бюро (консультационные, психологические, финансовые и другие виды услуг).

Поддерживаемая занятость предоставляется работникам с инвалидностью на рабочих местах, а также в форме профессионального обучения [15]. Помощь может оказываться также в переоборудовании и благоустройстве жилых помещений под нужды и потребности граждан с инвалидностью, в амбулаторных отделениях, дневных клиниках и стационарных учреждениях.

Гериатрическая реабилитация нацелена на то, чтобы люди преклонного возраста могли жить самостоятельно, частично или полностью независимо от посторонней помощи [16, с. 15–16].

Заключение

Проведенный анализ показал, что в Российской Федерации приоритетными направлениями государственной политики социальной защиты инвалидов являются формирование и внедрение в практическую деятельность системы комплексной реабилитации и абилитации.

Для этого совершенствуется национальное законодательство, развиваются организационные методы оказания реабилитационных услуг; государство обеспечивает ресурсную базу для создания комплексной реабилитации и абилитации в субъектах и

регионах России, реализуется государственная программа «Доступная среда».

Государственная инклюзивная политика Казахстана строится на правозащитной модели инвалидности: государство уделяет особое внимание защите и обеспечению прав угнетенной группы населения с помощью внедрения информационных и ассистивных технологий в национальную правовую систему, формирования инклюзивной системы образования и рынка труда, введения новых стандартов доступности физических объектов и услуг и др.

Особенностью государственной политики реабилитации и абилитации в Германии является ее профилактический характер. Весь комплекс инструментов социальной защиты лиц с устойчивым нарушением здоровья направлен на недопущение или сокращение потерь трудоспособности, обеспечение максимальной независимости и их полной инклюзии во все сферы жизни общества.

Архитектура управления реабилитацией и абилитацией людей с инвалидностью в каждой стране имеет свои национальные отличительные признаки, которые определяются целями и приоритетами государственной политики в социальной сфере.

По содержательному принципу современные инструменты управления реабилитацией и абилитацией людей с инвалидностью предлагается разделить на организационно-правовые и экономические. Организационно-правовые инструменты включают нормативные правовые акты; национальные стратегии, государственные целевые программы, национальные планы действий; государственные стандарты.

К экономическим инструментам следует отнести финансирование мероприятий по трудовой реабилитации; налоговое регулирование субъектов хозяйствования, использующих труд инвалидов; финансирование расходов на производство технических средств реабилитации; финансирование работ по обеспечению доступности среды жизнедеятельности, услуг для людей с инвалидностью и др.

Такая классификация инструментов отражает основные функции управления, включающие планирование, организацию, мотивацию и контроль каждого этапа реабилитационного процесса. На ее основе воз-

можно выработка практических мер по дальнейшему развитию различных аспектов управления реабилитацией и абилитацией

людей с инвалидностью, способствующих решению актуальных задач социальной защиты данной группы населения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Положение инвалидов // Федеральная служба государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964> (дата обращения: 10.11.2025).
2. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации : Федер. закон от 24 нояб. 1995 г. № 181-ФЗ : в ред. от 31 июля 2025 г. № 353-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 10.11.2025).
3. Об утверждении Концепции развития в Российской Федерации системы комплексной реабилитации и абилитации инвалидов, в том числе детей-инвалидов, на период до 2025 года : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 18 дек. 2021 г. № 3711-р // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 10.11.2025).
4. Концептуальный подход к развитию в Российской Федерации системы комплексной реабилитации и абилитации инвалидов / Ж. В. Порохина, А. А. Ярков, Е. В. Морозова [и др.] // Медико-социальные проблемы инвалидности. – 2020. – № 2. – С. 52–60.
5. Летуновская, С. С. Формирование и развитие системы комплексной реабилитации в Российской Федерации / С. С. Летуновская // Аудиторские ведомости. – 2025. – № 3. – С. 136–142.
6. Андреева, О. С. Актуальные проблемы создания в Российской Федерации системы реабилитации инвалидов / О. С. Андреева // Медико-социальные проблемы инвалидности. – 2011. – № 1. – С. 82–90.
7. Более 25 тыс. лицам с инвалидностью оказаны меры содействия занятости // Единая платформа интернет-ресурсов государственных органов. – URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/enbek/press/news/details/1101588> (дата обращения: 05.11.2025).
8. Статистика здравоохранения и социального обеспечения // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. – URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/stat-medicine> (дата обращения: 10.11.2025).
9. Об утверждении Концепции инклюзивной политики в Республике Казахстан на 2025–2030 годы : постановление Правительства Респ. Казахстан от 30 дек. 2024 г. № 1143 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2400001143> (дата обращения: 05.11.2025).
10. Казизова, Г. С. Проблемы и пути социальной реабилитации инвалидов в Республике Казахстан / Г. С. Казизова // Проблемы современной экономики. – 2010. – № 2-1. – С. 142–146.
11. Смычек, В. Б. Организация медицинской реабилитации в Федеративной Республике Германия / В. Б. Смычек // Медицинские новости. – 2004. – № 9. – С. 48–51.
12. Federal Statistical Office [website]. – [Wiesbaden], 2025. – URL: https://www.destatis.de/EN/Home/_node.html (date of access: 10.11.2025).
13. Gerdes, N. The system of rehabilitation in Germany / N. Gerdes, C. Zwingmann, W. H. Jäckel // Research in rehabilitation. Results from a research network in Southwest Germany, 2006. – P. 3–19.
14. Amman-Berlin Declaration // Global Disability Summit. – URL: <https://www.globaldisabilitysummit.org/ammen-berlin-declaration/downloads> (date of access: 10.11.2025).
15. Status Report on the National Action Plan for the UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities // Bundesministerium für Arbeit und Soziales. – URL: https://www.gemeinsam-einfach-machen.de/GEM/DE/AS/NAP/Statusbericht_NAP_2023/statusbericht_nap_2023_node.html (date of access: 10.11.2025).
16. Современные подходы к формированию систем реабилитации: обзор зарубежного опыта : экспертный обзор / Е. И. Аксенова [и др.]. – Электрон. текстовые дан. – М. : ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ», 2024. – URL: <https://niiioz.ru/moskovskaya-medsina/izdaniya-nii/obzory/>. – Загл. с экрана. – 47 с. (дата обращения: 05.11.2025).

REFERENCES

1. Polozhenie invalidov // Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964> (data obrashcheniya: 10.11.2025).
2. O sotsial'noi zashchite invalidov v Rossiiskoi Federatsii : Feder. zakon ot 24 noyab. 1995 g. № 181-FZ : v red. ot 31 iyulya 2025 g. № 353-FZ // Konsul'tantPlyus. Rossiya : sprav. pravovaya sistema (data obrashcheniya: 10.11.2025).
3. Ob utverzhdenii Kontseptsii razvitiya v Rossiiskoi Federatsii sistemy kompleksnoi reabilitatsii i abilitatsii invalidov, v tom chisle detei-invalidov, na period do 2025 goda : rasporyazhenie Pravitel'stva Ros. Federatsii ot 18 dek. 2021 g. № 3711-r // Konsul'tantPlyus. Rossiya : sprav. pravovaya sistema (data obrashcheniya: 10.11.2025).
4. Kontseptual'nyi podkhod k razvitiyu v Rossiiskoi Federatsii sistemy kompleksnoi reabilitatsii i abilitatsii invalidov / Zh. V. Porokhina, A. A. Yarkov, E. V. Morozova [i dr.] // Mediko-sotsial'nye problemy invalidnosti. – 2020. – № 2. – S. 52–60.
5. Letunovskaya, S. S. Formirovanie i razvitie sistemy kompleksnoi reabilitatsii v Rossiiskoi Federatsii / S. S. Letunovskaya // Auditorskie vedomosti. – 2025. – № 3. – S. 136–142.
6. Andreeva, O. S. Aktual'nye problemy sozdaniya v Rossiiskoi Federatsii sistemy reabilitatsii invalidov / O. S. Andreeva // Mediko-sotsial'nye problemy invalidnosti. – 2011. – № 1. – S. 82–90.
7. Bolee 25 tys. litsam s invalidnost'yu okazany mery sodeistviya zanyatosti // Edinaya platforma internet-resursov gosudarstvennykh organov. – URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/enbek/press/news/details/1101588> (data obrashcheniya: 10.11.2025).
8. Statistika zdavookhraneniya i sotsial'nogo obespecheniya // Byuro natsional'noi statistiki Agentstva po strategicheskomu planirovaniyu i reformam Respubliki Kazakhstan. – URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/stat-medicine> (data obrashcheniya: 10.11.2025).
9. Ob utverzhdenii Kontseptsii inklyuzivnoi politiki v Respublike Kazakhstan na 2025–2030 gody : postanovlenie Pravitel'stva Resp. Kazakhstan ot 30 dek. 2024 g. № 1143 // Informatsionno-pravovaya sistema normativnykh pravovykh aktov Respubliki Kazakhstan. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2400001143> (data obrashcheniya: 05.11.2025).
10. Kazizova, G. S. Problemy i puti sotsial'noi reabilitatsii invalidov v Respublike Kazakhstan / G. S. Kazizova // Problemy sovremennoi ekonomiki. – 2010. – № 2-1. – S. 142–146.
11. Smychek, V. B. Organizatsiya meditsinskoj reabilitatsii v Federativnoi Respublike Germaniya / V. B. Smychek // Meditsinskie novosti. – 2004. – № 9. – S. 48–51.
12. Federal Statistical Office [website]. – [Wiesbaden], 2025. – URL: https://www.destatis.de/EN/Home/_node.html (date of access: 10.11.2025).
13. Gerdes, N. The system of rehabilitation in Germany / N. Gerdes, C. Zwingmann, W. H. Jäckel // Research in rehabilitation. Results from a research network in Southwest Germany, 2006. – P. 3–19.
14. Amman-Berlin Declaration // Global Disability Summit. – URL: <https://www.globaldisabilitysummit.org/ammen-berlin-declaration/downloads> (date of access: 10.11.2025).
15. Status Report on the National Action Plan for the UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities // Bundesministerium für Arbeit und Soziales. – URL: https://www.gemeinsam-einfach-machen.de/GEM/DE/AS/NAP/Statusbericht_NAP_2023/statusbericht_nap_2023_node.html (date of access: 10.11.2025).
16. Sovremennye podkhody k formirovaniyu sistem reabilitatsii: obzor zarubezhnogo opyta : ekspertnyi obzor / E. I. Aksenova [i dr.]. – Elektron. tekstovye dan. – M. : GBU «NIIOZMM DZM», 2024. – URL: <https://niioz.ru/moskovskaya-meditsina/izdaniya-nii/obzory/>. – Zagl. s ekrana. – 47 s. (data obrashcheniya: 05.11.2025).

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 17.11.2025

Татьяна Сергеевна Силук¹, Мария Дмитриевна Горбач²

¹канд. экон. наук, доц., доц. каф. экономики и гуманитарных дисциплин

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

²студент 2-го курса юридического факультета

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

Tatyana Silyuk¹, Maria Gorbach²,

¹Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,

Associate Professor of the Department of Economics and Humanities

of Brest State A. S. Pushkin University

²2-nd Year Student of the Faculty of Law of Brest State A. S. Pushkin University

e-mail: ¹silyukts@mail.ru; ²gorbachmaria327@gmail.com

КОММУНИКАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПОМЕСТЬЯ БЕЛОРУССКОГО ДЕДА МОРОЗА

Обобщен опыт реализации коммуникационной политики и систематизированы ее инструменты в Вотчине российского Деда Мороза и в Поместье белорусского Деда Мороза, которые направлены на установление взаимовыгодных отношений с потребителями, партнерами по бизнесу, сотрудниками. Особое внимание уделено определению позитивных практик и инструментов коммуникационной политики Вотчины российского Деда Мороза, которые целесообразно использовать в белорусском Поместье. Определены практические мероприятия по совершенствованию коммуникационной политики Поместья белорусского Деда Мороза, среди которых создание официального сайта Поместья и аккаунтов в различных социальных сетях, разработка нового прайс-листа в соответствии с уровнем сезона, расширение косвенных видов рекламы и методов стимулирования персонала, занимающегося сбытом, разработка «Календаря событий» для привлечения потока туристов круглый год, размещение рекламы Поместья на билбордах во всех областях Республики Беларусь и развитие международного сотрудничества в сфере туризма для продвижения бренда белорусского Деда Мороза в стране и за рубежом.

Ключевые слова: коммуникационная политика, личные продажи, стимулирование сбыта, реклама, связи с общественностью, официальный сайт, социальные сети.

Communication Policy as a Factor in Increasing the Competitiveness of the Belarusian Father Frost Estate

The article summarizes the experience of implementing communication policies and systematizes their tools at the «Residence of the Russian Father Frost» and the «Estate of the Belarusian Father Frost», which are aimed at establishing mutually beneficial relationships with consumers, business partners, and employees. Particular attention is paid to identifying positive practices and tools of the communication policy of the Russian Father Frost's Residence, which could be effectively applied in the Belarusian Estate. Practical measures to improve the communication policy of the Belarusian Father Frost's Estate have been outlined, including: creating an official website for the Estate and accounts on various social media platforms, developing a new price list according to seasonal levels, expanding indirect advertising methods and incentives for sales personnel, creating an «Event Calendar» to attract tourists year-round, placing Estate advertisements on billboards across all regions of the Republic of Belarus, and fostering international tourism cooperation to promote the brand of the Belarusian Father Frost domestically and abroad.

Key words: communication policy, personal selling, sales promotion, advertising, public relations, official website, social media.

Введение

В современных условиях рыночной экономики обеспечение конкурентоспособности предприятия возможно только при наличии эффективной коммуникационной политики, которая является одним из важнейших факторов ведения конкурентной борьбы.

Главной целью коммуникационной политики любого предприятия является удовлетворение нужд и потребностей клиента, ведущее к увеличению его прибыли. В связи с этим постоянное совершенствование коммуникационной политики предприятия

и расширение инструментов ее реализации являются весьма актуальными.

Объектом исследования в статье выступают Помесье белорусского Деда Мороза и Вотчина российского Деда Мороза, предметом – коммуникационная политика этих объектов.

Цель статьи – разработка мероприятий по совершенствованию коммуникационной политики Помесья белорусского Деда Мороза.

В качестве теоретической базы исследования были привлечены белорусские и зарубежные источники по проблемам коммуникационной политики. Общие вопросы теории маркетинговых коммуникаций представлены в работах Ф. Котлера, К. Л. Келлера, М. Ю. Горштейна, Н. Н. Павловой, Г. А. Короленка [1–6]. Роль интернет-маркетинга в коммуникациях, способы продвижения товаров и услуг через социальные сети, осуществление продаж через формат коротких видео и стримов, трансляцию ценностей компаний с помощью искусственного интеллекта, слияние цифрового и физического миров, рассчитанного на поколения Z и Альфа, исследовали С. Бадылевич, М. Е. Константинов, Ф. Котлер, Х. Картаджайя, А. Сетиаван [7–11]. Необходимость разработки бренда территории, создание фирменного стиля туристического предприятия, стимулирование развития событийного и внутреннего туризма исследовали В. Духневич, А. В. Колик, О. Ю. Осташко, С. Дворецкая, Ф. Котлер, К. Асплунд, И. Рейн, Д. Хайдер [12–16].

Основная часть

Коммуникационная политика – один из важных элементов комплекса маркетинга. Она включает различные виды рекламы, средства стимулирования сбыта, сервисную политику, персональные продажи, участие в выставках и ярмарках, разработку товарного знака, фирменного стиля, дизайна помещений и упаковки, формирование благоприятных отношений между производителями, потребителями и широкой общественностью, работу со средствами массовой информации, продвижение через Интернет [1–16].

Реклама – любая оплаченная односторонняя форма обезличенного представления и продвижения товаров, услуг, идей, мероприятий.

Личная продажа – непосредственный контакт между продавцом и одним или несколькими покупателями с целью представления товара и совершения продажи.

Стимулирование сбыта – кратковременные побудительные меры поощрения покупателей к увеличению покупок, посредников – к наращиванию объемов сбыта, сотрудников – к росту продаж.

Пропаганда (связи с общественностью, PR) – распространение коммерчески и социально важных сведений с целью создания благоприятного общественного мнения о товаре или его производителе.

Имидж (бренд) – образ, целенаправленно созданный для формирования в массовом сознании определенного отношения к объекту [2, с. 434, 446, 452, 495].

Исследуем, как данные инструменты коммуникационной политики используются в Помесье белорусского Деда Мороза и Вотчине российского Деда Мороза.

Российский проект «Великий Устюг – родина Деда Мороза» был основан в ноябре 1998 г. и действует по настоящее время. Вотчина Деда Мороза располагается в 11 км от г. Великий Устюг. За годы своего существования она превратилась в общероссийский национальный бренд. Основные задачи Вотчины – это сохранение культурного наследия и природного потенциала города, возрождение экономики Великоустюгского района посредством увеличения потоков туристов.

На территории Вотчины находится офис Деда Мороза, тронный зал, мастерские, морозная лавка, музей новогодних игрушек, почта (в 2025 г. Деду Морозу пришло 5 млн писем, из них 30 % написаны взрослыми с просьбами о здоровье для родителей и благополучии), ледяная пещера, зимний сад, кузница, зоопарк, тропа сказок. Туристы имеют возможность побеседовать и сфотографироваться с хозяином Вотчины, отправить праздничные открытки и письма родным и друзьям с печатью и автографом Деда Мороза, приобрести оригинальные сувениры или самостоятельно изготовить поделку в местной мастерской. Коммуникационная политика Вотчины деда Мороза включает в себя все ее основные инструменты: рекламу, личные продажи, связи с общественностью, стимулирование сбыта, интернет-продвижение.

В рекламной деятельности чаще всего используют следующие ее разновидности: телевизионная, аудиореклама по радио и в общественном транспорте.

Стимулирование сбыта осуществляется посредством поощрения *посредников, персонала и потребителей*.

Стимулирование посредников направлено на туристические фирмы, которые непосредственно работают на территории Великого Устюга и Вотчины (ООО «Великоустюгское бюро путешествий», ООО «Устюг-тур», ООО «Вотчина», ОАО «Дед Мороз», ООО «Устюг Великий» и др.) и занимаются продвижением туристического продукта и бренда Вотчины. Для них предусмотрено предоставление специальных скидок за определенное количество продаж экскурсий в Вотчину. Огромным плюсом в работе Вотчины является то, что на ее территории расположено 9 гостевых домов с комнатами различной ценовой категории для проживания туристов.

Стимулирование потребителей, проживающих на территории туристического объекта, заключается в бронировании билетов в Вотчину, предоставление скидок на услуги туристам, проживающим там более трех суток.

Для *стимулирования персонала* используются материальные и нематериальные методы: выплата премий, корпоративные мероприятия, конкурс на определение лучшего работника и др.

Широко используется *личная продажа*. Билеты в Вотчину реализуются в кассах и онлайн (на официальном сайте). Особенностью *личных продаж* является то, что

цена билета изменяется в течение года (в зависимости от сезона) [17].

У Вотчины налажены широкие *связи с общественностью*: Дед Мороз снимается в рекламе, новогодних программах и выпусках новостей на таких каналах, как Первый канал, НТВ, Россия 1 и др., посещает различные пресс-конференции, особенно в предновогодние дни. У Деда Мороза есть собственный официальный сайт [17] и телевизионный онлайн-канал «Мороз ТВ».

Для формирования у посетителей позитивного имиджа Вотчины и Деда Мороза им предлагаются экскурсии по дому и кузнице Деда Мороза, почте (там проводится акция «Напиши письмо Деду Морозу»), аттракцион «Горка», путешествие по волшебному лесу, прогулки на лошадях и снегоходах, путешествие по тропе сказок, просмотр театрализованных представлений («Гостю – почет, хозяину – честь», «Посиделки с Бабой Ягой», «Сказки волшебной Вотчины»), участие в игровых программах («Сладкий движ», «Забавы Бабы Жары», «Шишкопрыг»), мастер-классах («Новогоднее чудо», «Подарок для елочки»), семейных программах (обряд для молодоженов в доме Деда Мороза, чествование семейных пар, выездная регистрация свадьбы). Практикуется вручение посетителям подарков и грамот сказочными персонажами, проживающими в Вотчине. Так Вотчина стала признанным центром семейного отдыха [17].

Широко Вотчина представлена в различных социальных сетях и онлайн-ресурсах, что позволяет сохранять интерес к ней круглый год. Основные каналы продвижения Вотчины в социальных сетях представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Продвижение Вотчины Деда Мороза в социальных сетях

Социальная сеть / количество подписчиков	Содержание
<i>Одноклассники</i> / 26	Одна заметка – адрес для отправления писем Деду Морозу.
<i>Инстаграм</i> (@votchina_dm) / 11,6 тыс.	Праздничное визуальное оформление. Акцент на семейном контенте (фотографии гостей Вотчины, зимних пейзажей, теремов, встреч с Дедом Морозом, видео с фестивалей, программы мероприятий). Обновляется нечасто, максимальная активность отмечается в зимний сезон и во время фестивалей.
<i>Телеграм</i> (несколько каналов) Канал «Российский Дед Мороз» (@russiadm) / 3104	Информация о жизни, работе, визитах и поздравлениях Деда Мороза, расписание работы Вотчины. Обновляется 1–3 раза в неделю.

Окончание таблицы 1

Канал «Зоосад в вотчине Деда Мороза» (@zoosaddm) / 1457	Фото и видео обитателей зоосада, показательные кормления, информация о пополнениях в зоосемьях (зоосад в Вотчине является филиалом Московского зоопарка). Обновляется по мере появления новой информации.
ВКонтакте (несколько каналов) Группа «Вотчина Деда Мороза в Великом Устюге» / 35,2 тыс. Группа «Всероссийский Дед Мороз» / 79,2 тыс.	График работы туристических объектов, скидки, обзоры инфраструктуры, меню кафе, фотоотчеты с праздников. Акцент на сервисе и отдыхе. Обновления выходят регулярно. Личная страница Деда Мороза. Контент более «сказочный»: поздравления, видеообращения от Деда Мороза, новости о визитах важных гостей. Обновляется часто.

Источник – Собственная разработка.

Актуальную информацию о Вотчине можно найти следующих сайтах:

1) *votchina-dm.ru*: можно забронировать гостиницы, бани, получить информацию о ценах на дополнительные услуги (прокат лыж, снегоходов);

2) *dom-dm.ru*: содержит описание объектов Вотчины, перечень экскурсионных программ для групп, правила посещения для индивидуальных туристов;

3) *pochta-dm.ru*: можно заказать поздравление, сувениры, награды и сладкие подарки от Деда Мороза.

Анализ коммуникационной политики Вотчины российского Деда Мороза показал, что она имеет широкий спектр инструментов и является весьма эффективной благодаря длительному сроком функционирования и богатому опыту в продвижении своего туристического продукта, наличию собственного сайта и аккаунтов в социальных сетях (более 130 тыс. подписчиков), дифференциации цен в разные периоды (увеличение стоимости посещения в «высокий» (зимний) сезон), прямому сотрудничеству с туристическими фирмами, работающими непосредственно в Вотчине, наличию на территории Вотчины возможности размещения посетителей.

Поместье Деда Мороза в Национальном парке «Беловежская пуща», которое принимает гостей круглогодично – одна из знаменитых туристических достопримечательностей Беларуси. Свою работу Поместье начало в декабре 2003 г. и вскоре стало одним из самых посещаемых мест в Беларуси: в 2013 г. здесь приняли миллионного гостя [18].

Общая площадь поместья – 15 га. Здесь расположены дом Деда Мороза с тронным залом, терем Снегурочки, скарбница с ценными сокровищами (там хранятся письма, рисунки и подарки детей), волшебная мельница, превращающая плохие поступки в черную муку, поляна двенадцати месяцев, мастерская Матушки Зимы, оригинальные деревянные скульптуры героев сказок, Дуб-Дубович и Вяз-Вязович – деревянные рыцари, охраняющие вход на территорию, аллея знаков восточного календаря, музей ледяного быта. В Поместье курсирует новогодний поезд, для отдыха оборудованы беседки, столы и скамейки под навесами и сенью деревьев. В разные месяцы в Поместье проходят праздники с участием сказочных персонажей: встреча Снегурочки и Матушки Зимы, церемония пропуски Нового года через границу, Коляды, Масленица, призыв Весны, проводы Снегурочки, Купалье [18].

Коммуникационная политика Поместья белорусского Деда Мороза включает в той или иной степени все ее основные инструменты.

Реклама. Чаще всего в Поместье используют видеорекламу в коротких новостных репортажах на таких телевизионных каналах, как ОНТ, Беларусь 1, Беларусь 4, СТВ. В общественном транспорте и на радио транслируется аудиореклама. В местах продаж реализуется рекламно-подарочная продукция (магниты, брелоки, ручки) и рекламно-каталожные издания (листовки, календари и проч.).

Личные продажи осуществляются непосредственно в Поместье или в кассе у главных ворот Национального парка (НП)

«Беловежская пуца». Продажа билетов онлайн осуществляется через официальный сайт НП «Беловежская пуца».

Связи с общественностью устанавливаются посредством организации выездных пресс-конференций с участием Деда Мороза.

Стимулирование сбыта осуществляется по нескольким направлениям.

Стимулирование посредников (это белорусские туроператоры «Винополь» и «Дор-Тур», санатории «Белая Вежа» и «Надзея») предусматривает бронирование даты посещения Поместья их туристами в «пик» сезона в декабре–январе.

Симулирование потребителей осуществляется при проведении традиционных однодневных акций и велоквестов «Еду в гости к Деду».

Поместье Деда Мороза, являясь составной частью инфраструктуры НП «Беловежская Пуца», собственного официального сайта и аккаунтов в социальных сетях не имеет. Вся информация о Поместье содержится на официальном сайте и в социальных сетях Беловежской Пуцы. Основные каналы продвижения Поместья в социальных сетях представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Продвижение Поместья Деда Мороза в социальных сетях

Социальная сеть / количество подписчиков	Содержание
<i>Инстаграм</i> (@belovezhskaya pushcha) / 14,7 тыс.	Оперативные новости, записи с видеокамер в пуце, анонсы мероприятий, акции, режим работы туристических объектов, сторис из Поместья Деда Мороза (фотографии, анонсы встреч с Дедом Морозом, маршруты к Поместью). Сеть обновляется ежедневно. Сторис выходят несколько раз в день. Посты появляются 3-4 раза в неделю.
<i>Телеграм</i> (@grupbpb) / 1 279	Информация о флоре и фауне НП, записи с онлайн-камер для наблюдения за животными в естественной среде обитания, расписание работы туристических объектов и мероприятий для туристов, оперативные данные о туристическом потоке. Обновляется по мере появления актуальных новостей.
<i>ТикТок</i> (@belovezhskaya pushcha) / 1966	Видеоролики о жизни обитателей пуцы, работе сотрудников НП, мероприятиях с туристами. Обычно выходят 2-3 ролика в неделю, в период зимних праздников видео выходят чаще, поскольку актуальность Поместья Деда Мороза возрастает.
<i>ВКонтакте</i> (НП «Беловежская пуца») / 10,6 тыс.	Сеть в настоящее время не используется (последний пост 27 октября 2021 г.). Страница была сфокусирована на комфорте туристов и инфраструктуре НП. Были представлены обзоры номеров гостиницы, анонсы специальных предложений и мероприятий для туристов. Раздел «Обсуждение» предполагался как площадка для отзывов гостей о посещении Поместья Деда Мороза.

Источник – Собственная разработка.

Сравнительный анализ инструментов коммуникационной политики Поместья белорусского Деда Мороза и Вотчины российского Деда Мороза показал, что коммуникационная политика Поместья по ряду показателей является менее эффективной и имеет ряд недостатков, среди которых можно отметить ее несколько хаотичный и несистемный характер; незначительное количество косвенных видов рекламы; отсутствие собственного сайта и аккаунтов в социальных сетях (есть только вкладки на сайте и в аккаунтах в социальных сетях НП «Беловежская пуца» с ограниченным объемом информации о Поместье; в сумме там 28 тыс. подпис-

чиков, сколько из них подписаны из-за интереса к Поместью неизвестно); недостаточная разработанность методов стимулирования персонала, занятого продажами туристических продуктов Поместья; отсутствие стратегического плана мероприятий на весь год, а не только на «высокий» сезон (зимний, особенно предновогодний и новогодний периоды), чтобы привлекать туристов круглогодично.

Заключение

Для совершенствования коммуникационной политики Поместья белорусского Деда Мороза и устранения указанных выше недостатков целесообразно использовать

полезные практики коммуникаций Вотчины российского Деда Мороза и реализовать следующие мероприятия:

1) создать официальный сайт Поместья, что будет способствовать расширению доступности информации и популяризации Поместья как туристического объекта. На сайте целесообразно предусмотреть размещение таких вкладок, как «Главная», «История», «Новости», «Маршруты», «Напиши письмо Деду Морозу», «Наши соцсети», «Фотогалерея»;

2) зарегистрировать аккаунты Поместья и Деда Мороза в различных социальных сетях, чтобы обеспечить эффективную обратную связь с общественностью и продвигать бренд Деда Мороза среди молодого поколения;

3) разработать новый прайс-лист на посещение Поместья в различные туристические сезоны в «высокий» (зимний) сезон (15 декабря – 15 января);

4) расширить использование косвенных видов рекламы (в новостных лентах в Интернете, на телевидении, в газетах и журналах в течение всего года освещать события в Поместье Деда Мороза, а не только в зимний период);

5) разнообразить формы стимулирования персонала, занимающегося сбытом туристического продукта Поместья. В качестве таких форм можно использовать предоставление сотрудникам за счет организации абонементов на посещение бассейна гостиничного комплекса «Каменюки», льгот на питание в кафе «Хатка Дзеда Мароза», организацию корпоративных праздников и спортивных мероприятий, присуждение звания «Работник месяца (года)». Такие меры будут способствовать росту эффективности работы персонала и корпоративной лояльности;

б) разработать «Календарь событий» на год, чтобы привлекать поток туристов не только в «высокий» (предновогодний и новогодний) сезон, но и круглый год. Например, январь – Международный день «Спасибо», Всемирный день снега и снеговика, День эскимо, фестиваль «Очумелые ручки» к Международному дню детских изобретений; февраль – День сказок, благотворительная акция ко Дню спонтанного проявления доброты, День родного языка, Новый год по лунному календарю; март – Всемирный день

дикой природы, встреча весны, акция «Бантики счастья» ко Дню счастья, Международный день лесов; апрель – День смеха, фестиваль детской поэзии ко Дню детской книги, День братьев и сестер, открытие велосезона; День подснежника; май – праздник ко Дню семьи, День чистой комнаты; июнь – благотворительная акция ко Дню защиты детей, День молока, День велосипеда, Международный день друзей; июль – День шоколада, День надежды, День Луны; август – Всемирный день озер, велоквест; сентябрь – День знаний, День рождения смайлика, закрытие велосезона, Всемирный день благотворительности, Всемирный день чистоты, Всемирный день туризма; октябрь – День улыбок, Международный день девочек, Всемирный день почты; ноябрь – акция ко Всемирному дню доброты, день рождения Деда Мороза, Всемирный день ребенка; декабрь – день рождения Поместья Деда Мороза, Новый год;

7) обновить туристическую карту Поместья, поскольку некоторые туристические объекты за последние годы были значительно видоизменены, появились новые объекты, и разместить ее на основных маршрутах для улучшения ориентации туристов;

8) разместить рекламу Поместья на билбордах во всех областях Республики Беларусь, чтобы расширить охват потенциальной аудитории и стимулировать продвижение бренда Деда Мороза на туристическом рынке страны;

9) продвигать бренд белорусского Деда Мороза на зарубежном туристическом рынке. Для этого необходимо развивать международное сотрудничество в сфере туризма, участвовать в международных специализированных туристических выставках и ярмарках, расширять круг посредников (туристических операторов и агентов) за рубежом.

Таким образом, реализация предложенных мер в рамках совершенствования коммуникационной политики Поместья белорусского Деда Мороза будет способствовать росту эффективности деятельности данного предприятия, увеличению туристических потоков и прибыли от коммерческой деятельности, формированию и поддержанию положительного имиджа и статуса национального туристического бренда. Воз-

действие всех этих инструментов коммуникационной политики приведет к синергетическому эффекту, который в значительной степени превысит результат, который может

быть получен от использования различных элементов коммуникационной политики по отдельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Котлер, Ф. Маркетинг менеджмент / Ф. Котлер, К. Л. Келлер. – СПб. : Питер, 2021. – 848 с.
2. Kotler, P. Marketing management: global Edition / P. Kotler, A. Chernev, K. L. Keller. – London : Pearson Education Limited – Pearson, 2011. – 608 p.
3. Горнштейн, М. Ю. Современный маркетинг : моногр. / М. Ю. Горнштейн. – 4-е изд. – М. : Дашков и К, 2022. – 404 с.
4. Павлова, Н. Н. Маркетинг в практике современной фирмы / Н. Н. Павлова. – М. : Норма, 2015. – 480 с.
5. Hillmann, M. Das 1 × 1 der Unternehmenskommunikation : Ein Wegweiser für die Praxis / M. Hillmann. – Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, 2025. – 578 s.
6. Продвижение белорусских товаров и услуг на потребительский рынок / Г. А. Короленок [и др.] ; под ред. Г. А. Короленка. – Мн. : РИВШ, 2021. – 288 с.
7. Бадылевич, С. Маркетинг, реклама и санкции. Кто кого? / С. Бадылевич // Дело. – 2022. – № 5. – С. 6–9.
8. Константинов, М. Е. Интернет-маркетинг как средство увеличения объема продаж / М. Е. Константинов. – М. : Инфра-М, 2010. – 224 с.
9. Маркетинг 4.0. Разворот от традиционного к цифровому. Технологии продвижения в интернете / Ф. Котлер, Х. Картаджайя, А. Сетиаван. – М. : Эксмо, 2019. – 244 с.
10. Маркетинг 5.0. Технологии следующего поколения / Ф. Котлер, Х. Картаджайя, А. Сетиаван. – Лондон : Пэнгуин, 2021. – 274 с.
11. Маркетинг 6.0. Будущее за иммерсивностью, слиянием цифрового и физического миров / Ф. Котлер, Х. Картаджайя, А. Сетиаван. – М. : Эксмо, 2024. – 240 с.
12. Дворецкая, С. А нужен ли берег турецкий? В Год исторической памяти модно и правильно путешествовать по Беларуси / С. Дворецкая // Белорусская думка. – 2022. – № 7. – С. 42–48.
13. Духневич, В. Что такое айдентика? / В. Духневич // Дело. – 2025. – № 4 (344). – С. 6–8.
14. Колик, А. В. Медиакоммуникация в процессе организации событий (на примере Республики Беларусь) / А. В. Колик // Журнал Белорусского государственного университета. Журналистика. – 2025. – № 1. – С. 47–52.
15. Маркетинг мест / Ф. Котлер, К. Асплунд, И. Рейн, Д. Хайдер. – М. : Миф, 2008. – 376 с.
16. Осташко, О. Ю. Методика оценки факторов формирования бренда территории / О. Ю. Осташко // Вестник Белорусского государственного экономического университета. – 2025. – № 3. – С. 23–31.
17. Дом Деда Мороза. – URL: <http://www.dom-dm.ru/> (дата обращения: 17.12.2025).
18. Национальный парк Беловежская пуца. – URL: <https://npbr.by/> (дата обращения: 10.10.2025).

REFERENCES

1. Kotler, F. Marketing menedzhment / F. Kotler, K. L. Keller. – SPb. : Piter, 2021. – 848 s.
2. Kotler, P. Marketing management: global Edition / P. Kotler, A. Chernev, K. L. Keller. – London : Pearson Education Limited – Pearson, 2011. – 608 p.
3. Gornshtein, M. Yu. Sovremennyi marketing : monogr. / M. Yu. Gornshtein. – 4-e izd. – M. : Dashkov i K, 2022. – 404 s.
4. Pavlova, N. N. Marketing v praktike sovremennoi firmy / N. N. Pavlova. – M. : Norma, 2015. – 480 s.
5. Hillmann, M. Das 1 × 1 der Unternehmenskommunikation : Ein Wegweiser für die Praxis / M. Hillmann. – Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, 2025. – 578 s.

6. Prodvizhenie belorusskikh tovarov i uslug na potrebitel'skii rynok / G. A. Korolenok [i dr.] ; pod red. G. A. Korolenka. – Mn. : RIVSh, 2021. – 288 s.
7. Badylevich, S. Marketing, reklama i sanktsii. Kto kogo? / S. Badylevich // Delo. – 2022. – № 5. – S. 6–9.
8. Konstantinov, M. E. Internet-marketing kak sredstvo uvelicheniya ob'ema prodazh / M. E. Konstantinov. – M. : Infra-M, 2010. – 224 s.
9. Marketing 4.0. Razvorot ot traditsionnogo k tsifrovomu. Tekhnologii prodvizheniya v internete / F. Kotler, Kh. Kartadzhaiya, A. Setiavan. – M. : Eksmo, 2019. – 244 s.
10. Marketing 5.0. Tekhnologii sleduyushchego pokoleniya / F. Kotler, Kh. Kartadzhaiya, A. Setiavan. – London : Penguin, 2021. – 274 s.
11. Marketing 6.0. Budushchee za immersivnost'yu, sliyaniem tsifrovogo i fizicheskogo mirov / F. Kotler, Kh. Kartadzhaiya, A. Setiavan. – M. : Eksmo, 2024. – 240 s.
12. Dvoret'skaya, S. A nuzhen li bereg turetskii? V God istoricheskoi pamyati modno i pravil'no puteshestvovat' po Belarusi / S. Dvoret'skaya // Belaruskaya dumka. – 2022. – № 7. – S. 42–48.
13. Dukhnevich, V. Chto takoe aidentika? / V. Dukhnevich // Delo. – 2025. – № 4 (344). – S. 6–8.
14. Kolik, A. V. Mediakommunikatsiya v protsesse organizatsii sobytii (na primere Respubliki Belarus') / A. V. Kolik // Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Zhurnalistika. – 2025. – № 1. – S. 47–52.
15. Marketing mest / F. Kotler, K. Asplund, I. Rein, D. Khaider. – M. : Mif, 2008. – 376 s.
16. Ostashko, O. Yu. Metodika otsenki faktorov formirovaniya brenda territorii / O. Yu. Ostashko // Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. – 2025. – № 3. – S. 23–31.
17. Dom Deda Moroza. – URL: <http://www.dom-dm.ru/> (data obrashcheniya: 17.12.2025).
18. Natsional'nyi park Belovezhskaya pushcha. – URL: <https://npbp.by/> (data obrashcheniya: 10.10.2025).

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 16.02.2026

Дмитрий Михайлович Степаненко

канд. экон. наук, канд. юрид. наук, доц., доц. каф. маркетинга и менеджмента
Белорусско-Российского университета

Dmitriy Stepanenko

Candidate of Economic Sciences, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Marketing and Management
of Belarusian-Russian University
e-mail: erstesieger@mail.ru

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ И ПЛАНИРОВАНИЯ В СИСТЕМЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ И ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Исследуется проблема законодательного регулирования государственного прогнозирования и планирования в области охраны окружающей среды и природопользования. Доказывается целесообразность использования инновационной парадигмы развития общества при формировании и совершенствовании законодательства Республики Беларусь в сфере экологии. Выделены базисные характеристики законодательства о государственном прогнозировании и планировании в экологической сфере жизнедеятельности общества, необходимые для повышения эффективности реализации экологической политики Республики Беларусь. Сформулированы и обоснованы авторские рекомендации, направленные на совершенствование законодательства Республики Беларусь о государственном прогнозировании и планировании.

Ключевые слова: государственное прогнозирование, государственное планирование, законодательство, законодательное регулирование, экологическая политика государства, инновационная политика государства, охрана окружающей среды, природопользование, экономический механизм.

The Legislative Regulation of the State Forecasting and Planning in the System of the Realization of the Ecological and Innovation Policy of the Republic of Belarus

The problem of the legislative regulation of the state forecasting and planning in the field of the environmental protection and nature management is investigated. The expediency of using the innovative paradigm of the development of the society in the formation and improvement of the legislation of the Republic of Belarus in the sphere of ecology is proved. The basic characteristics of the legislation on the state forecasting and planning in the ecological sphere of life of society, necessary for increasing the effectiveness of the realization of the ecological policy of the Republic of Belarus, are highlighted. The author's recommendations aimed at improving the legislation of the Republic of Belarus on the state forecasting and planning are formulated and substantiated.

Key words: state forecasting, state planning, legislation, legislative regulation, state ecological policy, state innovation policy, environmental protection, nature management, economic mechanism.

Введение

Государственное прогнозирование и планирование в области охраны окружающей среды, рационального и эффективного использования имеющегося в стране природно-ресурсного потенциала является важной составляющей экономического механизма охраны окружающей среды и природопользования.

При этом сам обозначенный механизм объективным образом призван быть ориентирован на обеспечение максимальной эффективности соответствующей деятельности государства, осуществляемой им в рамках реализации его экологической политики.

Вместе с тем необходимо принимать во внимание, что в современных условиях ключевым инструментом решения не только экономических, но и экологических проблем общества все в большей мере становится научно-технический прогресс.

Возникающие вследствие его объективного воздействия новые технологии производства товаров и оказания услуг, новые технические, организационные, управленческие решения, иные инновации предоставляют социуму возможности для снижения нагрузки на окружающую природную среду, качественного совершенствования внешних условий обитания человека, существенного

повышения полезной отдачи от использования имеющегося в распоряжении общества природно-ресурсного потенциала.

Следовательно, реализуя инновационную политику, ориентированную на стимулирование и поддержку создания и внедрения инноваций в стране, государство объективным образом решает как экономические, так и экологические задачи.

В то же время в рамках реализации государственной инновационной политики большое значение имеет деятельность государства, связанная с прогнозированием тенденций развития научно-технического прогресса, реализацией государственных программ инновационного развития, планов поддержки развития высокотехнологичных отраслей и производств.

Эффективность же государственного прогнозирования и планирования как в экологической сфере жизнедеятельности общества, так и в области создания и внедрения инноваций во многом определяется законодательной базой государства, регулирующей деятельность государственных органов, связанную с разработкой прогнозов, формированием и реализацией соответствующих планов и программ.

Таким образом, актуальным и злободневным в условиях современной Республики Беларусь представляется исследование места и роли государственного прогнозирования и планирования в системе реализации экологической и инновационной политики государства, а также особенностей норм отечественного законодательства, регулирующих соответствующие общественные отношения.

Результаты такого исследования являются важной предпосылкой совершенствования положений экологического законодательства и законодательства об инновационной деятельности в части регулирования процессов государственного прогнозирования и планирования.

Основная часть

Уяснение места и роли государственного прогнозирования и планирования в области охраны окружающей среды, рационального и эффективного использования природных ресурсов в экономическом механизме охраны окружающей среды и природопользования предполагает необходимость

исследования имеющихся в научной литературе подходов к тому, что представляет собой обозначенный механизм.

С. А. Боголюбов, сводя воедино экономический и юридический подходы к пониманию экономического механизма охраны окружающей среды, акцентирует внимание на том, что, по замыслу законодателя, результатом эффективной работы соответствующего механизма должны быть определенные экономические выгоды для субъектов хозяйствования. При этом экономические средства и методы, задействованные в рамках указанного механизма, призваны побуждать субъектов надлежащим образом относиться к вопросам охраны природы [1].

В этом отношении следует отметить, что утвержденные на законодательном уровне государственные планы и программы в области охраны окружающей среды могут предусматривать финансовую поддержку со стороны государства, налоговые и иные льготы в отношении организаций, проводящих природоохранные мероприятия, что естественным образом предполагает получение экономических выгод для субъектов хозяйствования. Более того, соответствующие государственные планы и программы могут предусматривать дифференциацию экономических выгод, получаемых хозяйствующими субъектами, в зависимости от уровня и качества проводимых ими природоохранных мероприятий.

С. А. Балашенко и М. М. Бринчук указывают на то, что экономический механизм охраны окружающей среды и природопользования призван при помощи экономических инструментов обеспечивать эколого-экономическую согласованность между общественными и частными интересами, а также стимулировать лиц, ведущих хозяйственную деятельность, к осуществлению природоохранных мероприятий [2; 3].

Разрабатываемые на государственном уровне прогнозы, планы и программы в области охраны окружающей среды, рационального и эффективного использования природных ресурсов являются важными экономическими инструментами обеспечения эколого-экономической согласованности между общественными и частными интересами. Такая эколого-экономическая согласованность может обеспечиваться как за счет планирования в течение определенного

периода мер стимулирования для организаций, внедряющих наилучшие доступные технические методы и иные инновации, позволяющие снизить нагрузку на окружающую природную среду, так и за счет ужесточения в плановом порядке мер ответственности за нарушение природоохранного законодательства.

А. Г. Ахатов определяет экономический механизм охраны окружающей среды и природопользования как инструмент финансового обеспечения экологически ориентированной деятельности во всем многообразии ее форм, иерархии уровней, объектов и субъектов. При этом он подчеркивает, что в основе законодательного регулирования указанного механизма призван лежать императив совместимости и необходимости увязывания экономической политики государства с его экологической политикой [4; 5].

Иерархичность в процессе реализации на практике государственного прогнозирования и планирования в экологической сфере жизнедеятельности общества способна находить свое проявление в разработке прогнозов, планов и программ в области охраны окружающей среды, рационального и эффективного использования природных ресурсов как на общенациональном, так и на региональном уровнях, а также применительно к развитию отдельных отраслей национальной экономики.

В свою очередь, императив совместимости и необходимости увязывания экономической и экологической политики государства может быть обеспечен посредством нормативного закрепления в текстах всех общенациональных программ социально-экономического развития Республики Беларусь, программ социально-экономического развития ее административно-территориальных образований и программ развития отраслей экономики Беларуси мероприятий экологической направленности.

Более того, развивая тезис об обозначенном императиве в контексте все более возрастающей с течением времени роли научно-технического прогресса и инновационной деятельности в деле решения как экономических, так и экологических задач развития общества, при формулировании в Республике Беларусь на законодательном уровне подходов к совершенствованию процессов государственного прогнозирования и

планирования, представляется целесообразным вести речь не о двуедином, а о триедином императиве. Соответствующий триединый императив должен предполагать совместимость и необходимость тесной увязки между собой экологической, экономической и инновационной политики государства.

А. В. Егоров акцентирует внимание на системном характере экономического механизма охраны окружающей среды и природопользования, рассматривая при этом указанный механизм как организационную и институциональную инфраструктуру, необходимую для обеспечения экономических показателей в целях достижения разумного баланса экологических и экономических интересов общества [6].

Учет на законодательном уровне системного характера экономического механизма охраны окружающей среды и природопользования при разработке и совершенствовании норм, регулирующих процессы государственного прогнозирования и планирования в сфере экологии, должен находить свое проявление в увязке положений соответствующих прогнозов, планов и программ с реализацией на практике иных элементов обозначенного экономического механизма. Речь в данном случае идет об использовании имеющихся в распоряжении общества экологических фондов, законодательном установлении платежей за природопользование и экологических льгот, возмещении вреда, причиненного действиями субъектов хозяйствования окружающей среде, использовании инструментов экологического мониторинга и экологического страхования.

А. С. Кривецкая и В. В. Шумак, анализируя экономический механизм рационального природопользования, обращают внимание на то, что указанный механизм в обязательном порядке должен включать в себя организацию безотходного производства, что позволяет значительно уменьшить загрязнение окружающей среды [7].

Следует отметить, что в настоящее время в нашей стране на программном уровне утверждена и реализуется Национальная стратегия развития экономики замкнутого цикла (циркулярной экономики) Республики Беларусь на период до 2035 г.

Экономика замкнутого цикла предполагает массовое безотходное производство,

поскольку в рамках указанного типа экономики принцип «добывай, производи, выбрасывай» трансформируется в принцип «добывай, производи, повторно используй» [8].

В свою очередь, комплексный подход к реализации в Беларуси на практике вышеупомянутой стратегии предполагает необходимость установления мероприятий, ориентированных на поддержку развития безотходных производств, во всех утверждаемых на законодательном уровне документах программного характера, формулирующих цели и задачи в области его социально-экономического, экологического и инновационного развития.

Р. А. Дурнев, А. И. Пономарев и С. П. Чумак особо отмечают важную роль экономического механизма управления охраной окружающей среды в деле предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций экологического характера.

Так, в рамках реализации обозначенной роли разрабатываемые и утверждаемые на законодательном уровне государственные планы и программы могут предусматривать ужесточение с течением времени экологических ограничений по территориальному и эколого-системному признакам, экономической и административной ответственности природопользователей за нарушение экологических норм, совершенствование системы платежей за природопользование [9].

Таким образом, по результатам проведенного логического анализа могут быть выделены следующие базисные характеристики законодательства о государственном прогнозировании и планировании в экологической сфере жизнедеятельности общества, обеспечение которых позволит максимизировать эффективность реализации экологической политики государства:

1) направленность на обеспечение получения экономических выгод для субъектов хозяйствования, реализующих природоохранные мероприятия, с дифференциацией соответствующих выгод в зависимости от уровня и качества проводимых субъектами хозяйствования природоохранных мероприятий;

2) направленность на обеспечение совместимости и тесной увязки между собой экологической, экономической и инновационной политики государства;

3) учет и эффективное использование системных взаимосвязей государственного прогнозирования и планирования в сфере экологии с иными элементами экономического механизма охраны окружающей среды и природопользования;

4) направленность на поддержку создания и развития безотходных производств в различных отраслях экономики;

5) направленность на обеспечение предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций экологического характера.

Необходимо отметить, что государственное прогнозирование и планирование играют важную роль в системе реализации инновационной политики белорусского государства. В 2025 г. была завершена реализация Государственной программы инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 гг. В настоящее время утверждена и реализуется Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь на 2026–2030 гг., которая, в частности, предусматривает реализацию инновационных проектов по созданию и внедрению инновационных проектных и конструктивно-технологических решений для строительства жилых и общественных зданий, основанных на принципах «зеленого» строительства [10; 11].

В рамках деятельности по совершенствованию законодательства Республики Беларусь, регулирующего процессы государственного прогнозирования и планирования в сфере экологии, представляется целесообразным исходить из инновационной парадигмы функционирования экономического механизма охраны окружающей среды и природопользования. Эта парадигма является важной предпосылкой достижения синергетического эффекта от комплексного и системного правового регулирования общественных отношений в экологической сфере жизнедеятельности общества, а также в области инноваций и инновационной деятельности.

Закон Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» выделяет в качестве важных элементов экономического механизма охраны природы и природопользования разработку государственных прогнозов и программ социально-экономического развития Республики Беларусь в части рационального (устойчивого) использования

природных ресурсов и охраны окружающей среды, а также финансирование программ и мероприятий по рациональному (устойчивому) использованию природных ресурсов и охране окружающей среды [12].

Совершенствование законодательной базы Республики Беларусь, регулирующей экономической механизм охраны окружающей среды и природопользования исходя из инновационной парадигмы функционирования указанного механизма, должно обеспечить повышение эффективности реализации как всего соответствующего механизма, так и каждого из составляющих его элементов. Законодатель в данном случае призван обеспечивать максимум возможностей для реализации того положительного потенциала, который предоставляют научно-технический прогресс и обусловленные им инновации, в ходе осуществления на практике каждой из системных составляющих экономического механизма охраны окружающей среды и природопользования.

Системная интеграция экологической и инновационной политики Республики Беларусь предполагает комплексный подход к формированию и реализации государственной инновационной политики в области охраны окружающей среды и природопользования. В частности, разработанные и утвержденные на законодательном уровне государственные прогнозы и программы социально-экономического развития Республики Беларусь в части рационального (устойчивого) использования природных ресурсов и охраны окружающей среды в обязательном порядке должны включать в себя:

1) прогнозы развития технологий, позволяющих снизить нагрузку на окружающую среду и обеспечить улучшение ее качества;

2) прогнозы развития технологий, позволяющих повысить эффективность использования имеющегося в стране природно-ресурсного потенциала;

3) прогнозы развития технологий, позволяющих использовать в интересах Республики Беларусь природно-ресурсные потенциалы зарубежных государств;

4) программы и планы научных исследований, ориентированных на поиск новых решений, позволяющих снизить нагрузку на окружающую среду и обеспечить улучшение ее качества;

5) программы и планы внедрения в практику результатов научных исследований и иных инноваций, позволяющих снизить нагрузку на окружающую среду и обеспечить улучшение ее качества;

6) программы и планы научных исследований, ориентированных на разработку новых решений, позволяющих повысить эффективность использования имеющегося в стране природно-ресурсного потенциала;

7) программы и планы внедрения в практику результатов научных исследований и иных инноваций, позволяющих повысить эффективность использования имеющегося в стране природно-ресурсного потенциала.

Объединение интересов экономического, социального, экологического и инновационного развития Республики Беларусь требует комплексной настройки законодательной базы, регулирующей вопросы государственного прогнозирования и планирования. Такого рода настройка является важным условием эффективной работы экономического механизма охраны окружающей среды и природопользования в контексте реализации на практике инновационной парадигмы функционирования указанного механизма.

При этом следует обратить внимание на то, что в тексте Закона Республики Беларусь «О государственном прогнозировании и государственном планировании» при определении таких терминов, как «государственное планирование», «государственное прогнозирование», «программа» и «план», обозначенные термины сопряжены исключительно с социально-экономическим развитием Республики Беларусь [13].

В то же время очевидно, что указанные выше термины применимы не только к социально-экономическому развитию общества, но и к его экологическому и научно-техническому прогрессу, развитию иных сфер и областей жизнедеятельности социума. И соответствующая законодательная база в области государственного прогнозирования и планирования должна в полном объеме отражать смысловое содержание данных терминов, что важно, в частности, для разработки и реализации государственных прогнозов, планов и программ в сфере экологии.

В целях обеспечения тесной системной интеграции социально-экономической, экологической и инновационной политики государства представляется целесообразным сформулировать в Законе Республики Беларусь «О государственном прогнозировании и государственном планировании» термины «государственное планирование», «государственное прогнозирование», «программа» и «план» в следующей редакции:

1) государственное планирование – деятельность по определению целей, приоритетов, задач, показателей и параметров социально-экономического, экологического и инновационного развития Республики Беларусь, ее административно-территориальных единиц, отраслей экономики (видов экономической деятельности) и иных сфер и областей жизнедеятельности общества на определенный временной период, а также комплекса механизмов, способов, инструментов и необходимых ресурсов, обеспечивающих достижение поставленных целей;

2) государственное прогнозирование – деятельность по формированию системы представлений о целях, приоритетах, направлениях, ожидаемых результатах и прогнозных параметрах социально-экономического, экологического и инновационного развития Республики Беларусь, ее административно-территориальных единиц, отраслей экономики (видов экономической деятельности) и иных сфер и областей жизнедеятельности общества с учетом вероятностного воздействия внешних и внутренних условий и иных факторов;

3) программа, план – документы государственного планирования, определяющие цели, приоритеты, задачи, показатели и параметры социально-экономического, экологического и (или) инновационного развития, развития иных сфер и областей жизнедеятельности общества на определенный временной период и содержащие комплекс механизмов, способов, инструментов и необходимых ресурсов, обеспечивающих достижение поставленных целей.

Заключение

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. В качестве базисных характеристик законодательства о государственном про-

гнозировании и планировании в экологической сфере жизнедеятельности общества, обеспечение которых позволит максимизировать эффективность реализации экологической политики государства, следует выделить:

1) направленность на обеспечение получения экономических выгод для субъектов хозяйствования, реализующих природоохранные мероприятия, с дифференциацией соответствующих выгод в зависимости от уровня и качества проводимых субъектами хозяйствования природоохранных мероприятий;

2) направленность на обеспечение совместимости и тесной корреляции экологической, экономической и инновационной политики государства;

3) учет и эффективное использование системных взаимосвязей государственного прогнозирования и планирования в сфере экологии с иными элементами экономического механизма охраны окружающей среды и природопользования;

4) направленность на поддержку создания и развития безотходных производств в различных отраслях экономики;

5) направленность на обеспечение предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций экологического характера.

2. Разработанные и утвержденные на законодательном уровне государственные прогнозы и программы социально-экономического развития Республики Беларусь в части рационального (устойчивого) использования природных ресурсов и охраны окружающей среды должны включать в себя:

1) прогнозы развития технологий, позволяющих снизить нагрузку на окружающую среду и обеспечить улучшение ее качества;

2) прогнозы развития технологий, дающих возможность повысить эффективность использования имеющегося в стране природно-ресурсного потенциала;

3) прогнозы развития технологий, позволяющих использовать в интересах Республики Беларусь природно-ресурсные потенциалы зарубежных государств;

4) программы и планы научных исследований, ориентированных на нахождение новых решений, позволяющих снизить нагрузку на окружающую среду и обеспечить улучшение ее качества;

5) программы и планы внедрения в практику результатов научных исследований и иных инноваций, позволяющих снизить нагрузку на окружающую среду и обеспечить улучшение ее качества;

6) программы и планы научных исследований, ориентированных на поиск новых решений, позволяющих повысить эффективность использования природно-ресурсного потенциала страны;

7) программы и планы внедрения в практику результатов научных исследований и иных инноваций, позволяющих повысить эффективность использования имеющегося в стране природно-ресурсного потенциала.

3. В Законе Республики Беларусь «О государственном прогнозировании и государственном планировании» термины «государственное планирование», «государственное прогнозирование», «программа» и «план» целесообразно сформулировать таким образом, чтобы в полном объеме отразить их смысловое содержание применительно не только к социально-экономическому развитию общества, но и его экологическому и научно-техническому развитию, развитию иных сфер и областей жизнедеятельности социума.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Боголюбов, С. А. Экологическое право / С. А. Боголюбов. – М. : Высш. образование, 2008. – 485 с.

2. Экологическое право : учебник / С. А. Балашенко [и др.]. – Мн. : БГУ, 2013. – 501 с.

3. Бринчук, М. М. Экологическое право : учебник / М. М. Бринчук. – М. : Моск. психол.-соц. ин-т. ; Воронеж : МОДЭК, 2011. – 624 с.

4. Ахатов, А. Г. Альтернатива экологическому шоку / А. Г. Ахатов // ЭКО. – 1990. – № 1. – С. 167–171.

5. Ахатов, А. Г. Экологическое страхование как базовый элемент экономического механизма охраны окружающей среды и природопользования в контексте обеспечения экологической безопасности: проблемы правового регулирования / А. Г. Ахатов // Евразийский юридический журнал. – 2009. – № 10. – С. 103–109.

6. Егоров, А. В. Структура экономического механизма охраны окружающей природной среды / А. В. Егоров // Известия Таганрогского государственного радиотехнического университета имени В. Д. Калмыкова. – 2004. – № 4. – С. 114–118.

7. Кривецкая, А. С. Критерии формирования организационно-экономического механизма рационального природопользования / А. С. Кривецкая, В. В. Шумак // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. – 2016. – № 13. – С. 39–46.

8. О Национальной стратегии развития экономики замкнутого цикла (циркулярной экономики) Республики Беларусь на период до 2035 года : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 29 мая 2024 г. № 393 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь. – Мн., 2026.

9. Дурнев, Р. А. Экономический механизм управления охраной окружающей среды как один из методов регулирования охраны природы / Р. А. Дурнев, И. Пономарев, С. П. Чумак // Технологии гражданской безопасности. – 2009. – Т. 7, № 3–4. – С. 72–81.

10. О Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы : Указ Президента Респ. Беларусь, 15 сент. 2021 г. № 348 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь. – Мн., 2026.

11. О Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2026–2030 годы : Указ Президента Респ. Беларусь, 21 дек. 2025 г. № 448 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь. – Мн., 2026.

12. Об охране окружающей среды : Закон Республики Беларусь, 26 нояб. 1992 г. № 1982-XII // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь. – Мн., 2026.

13. О государственном прогнозировании и государственном планировании : Закон Республики Беларусь, 5 мая 1998 г. № 157-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь. – Мн., 2026.

REFERENCES

1. Bogolyubov, S. A. *Ekologicheskoe parvo* / S. A. Bogolyubov. – M. : Vyssh. obrazovanie, 2008. – 485 s.

2. *Ekologicheskoe parvo : uchebnik* / S. A. Balashenko [i dr.]. – Mн. : BГУ, 2013. – 501 s.

3. Brinchuk, M. M. *Ekologicheskoe parvo : uchebnik* / M. M. Brinchuk. – M. : Mosk. psikholog. sots. in-t. – Voronezh : MODEK, 2011. – 624 s.

4. Akhatov, A. G. Al'ternativa ekologicheskomu shoku / A. G. Akhatov // EKO. – 1990. – № 1. – S. 167–171.

5. Akhatov, A. G. *Ekologicheskoe strakhovanie kak bazovyi element ekonomicheskogo mekhanizma okhrany okruzhayushchei sredy i prirodopol'zovaniya v kontekste obespecheniya ekologicheskoi bezopasnosti: problemy pravovogo regulirovaniya* / A. G. Akhatov // *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal*. – 2009. – № 10. – S. 103–109.

6. Egorov, A. V. *Struktura ekonomicheskogo mekhanizma okhrany okruzhayushchei prirodnoi sredy* / A. V. Egorov // *Izvestiya Taganrogskogo gosudarstvennogo radiotekhnicheskogo universiteta imeni V. D. Kalmykova*. – 2004. – № 4. – S. 114–118.

7. Krivetskaya, A. S. *Kriterii formirovaniya organizatsionno-ekonomicheskogo mekhanizma ratsional'nogo prirodopol'zovaniya* / A. S. Krivetskaya, V. V. Shumak // *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya D. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*. – 2016. – № 13. – S. 39–46.

8. *O Natsional'noi strategii razvitiya ekonomiki zamknutogo tsikla (tsirkulyarnoi ekonomiki) Respubliki Belarus' na period do 2035 goda : postanovlenie Soveta Ministrov Resp. Belarus', 29 maya 2024 g. № 393* // ЭТАЛОН. *Zakonodatel'stvo Respubliki Belarus' / Nats. tsentr zakonodatel'stva i pravovoi inform. Resp. Belarus'*. – Мн., 2026.

9. Durnev, R. A. *Ekonomicheskii mekhanizm upravleniya okhranoi okruzhayushchei sredy kak odin iz metodov regulirovaniya okhrany prirody* / R. A. Durnev, I. Ponomarev, S. P. Chumak // *Tekhnologii grazhdanskoi bezopasnosti*. – 2009. – T. 7, № 3–4. – S. 72–81.

10. *O Gosudarstvennoi programme innovatsionnogo razvitiya Respubliki Belarus' na 2021–2025 gody : Ukaz Prezidenta Resp. Belarus', 15 sent. 2021 g. № 348* // ЭТАЛОН. *Zakonodatel'stvo Respubliki Belarus' / Nats. tsentr zakonodatel'stva i pravovoi inform. Resp. Belarus'*. – Мн., 2026.

11. *O Gosudarstvennoi programme innovatsionnogo razvitiya Respubliki Belarus' na 2026–2030 gody : Ukaz Prezidenta Resp. Belarus', 21 dek. 2025 g. № 448* // ЭТАЛОН. *Zakonodatel'stvo Respubliki Belarus' / Nats. tsentr zakonodatel'stva i pravovoi inform. Resp. Belarus'*. – Мн., 2026.

12. Об охране окружающей среды : Закон Республики Беларусь, 26 нояб. 1992 г. № 1982-XII // ЭТАЛОН. *Zakonodatel'stvo Respubliki Belarus' / Nats. tsentr zakonodatel'stva i pravovoi inform. Resp. Belarus'*. – Мн., 2026.

13. *O gosudarstvennom prognozirovanii i gosudarstvennom planirovanii* : Закон Республики Беларусь, 5 мая 1998 г. № 157-З // ЭТАЛОН. *Zakonodatel'stvo Respubliki Belarus' / Nats. tsentr zakonodatel'stva i pravovoi inform. Resp. Belarus'*. – Мн., 2026.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 18.01.2026

Валерий Михайлович Карпенко¹, Линь Кунь²

¹канд. техн. наук, доц., доц. каф. инноватики и предпринимательской деятельности
Белорусского государственного университета

²аспирант 4-го года обучения каф. международного менеджмента
Белорусского государственного университета

Valeri Karpenka¹, Lin Kun²

¹Candidate of Technical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Innovation and Entrepreneurship
of Belarusian State University

²2-nd Year Postgraduate Student of the Department of International Management
of Belarusian State University

e-mail: ¹vmkarpenka@gmail.com; ²79393047@qq.com

МОДЕЛИРОВАНИЕ СЦЕНАРИЕВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА РЕГИОНОВ ВДОЛЬ «ПОЯСА И ПУТИ»

Инициатива «Пояс и путь», предложенная в 2013 г., стала крупнейшей международной платформой для сотрудничества и важным инструментом продвижения устойчивого развития. Однако страны, расположенные вдоль «Пути», значительно различаются по уровню экономического развития, институциональной среде, природным ресурсам и социальной структуре. В работе сначала на основе классической производственной функции Кобба – Дугласа строится теоретическая модель экономического роста, затем с учетом таких переменных, как открытость торговли, прямые иностранные инвестиции, человеческий капитал и энергетическая эффективность, разрабатывается улучшенная модель. Для эмпирического анализа использованы панельные данные по Польше, Казахстану и Таиланду за 2010–2022 гг. На основе полученных результатов разработаны три сценария: базовый, кооперационный и инновационный – с прогнозом экономического роста на 2025–2035 гг. Результаты показывают, что кооперационный и инновационный сценарии могут значительно повысить потенциал роста, а улучшение человеческого капитала и энергетической эффективности являются ключевыми факторами устойчивого развития. В заключение предложены дифференцированные политические рекомендации для разных стран, что обеспечит методологическую поддержку реализации инициативы «Пояс и путь».

Ключевые слова: инициатива «Один пояс – один путь», экономический рост, методологическое обеспечение, производственная функция Кобба – Дугласа, панельные данные, сценарное моделирование.

Modeling of Economic Growth Scenarios for Regions Along the Belt and Road

The Belt and Road Initiative, proposed in 2013, has become the largest international platform for cooperation and an important tool for promoting sustainable development. However, the countries located along the «Path» vary significantly in terms of economic development, institutional environment, natural resources, and social structure. In this paper, a theoretical model of economic growth is first constructed based on the classical Cobb – Douglas production function, then an improved model is developed taking into account variables such as openness to trade, foreign direct investment, human capital, and energy efficiency. Panel data for Poland, Kazakhstan, and Thailand for 2010–2022 were used for empirical analysis. Based on the results obtained, three scenarios have been developed: basic, cooperative, and innovative, with a forecast of economic growth for 2025–2035. The results show that cooperative and innovative scenarios can significantly increase growth potential, and improvements in human capital and energy efficiency are key factors for sustainable development. In conclusion, differentiated policy recommendations for different countries are proposed, which will provide methodological support for the implementation of the «Belt and Road» initiative.

Key words: Belt and Road Initiative, economic growth, methodological support, Cobb – Douglas production function, panel data, scenario modeling.

Введение

Инициатива «Пояс и путь», предложенная Китаем, является глобальной стратегией сотрудничества, направленной на содействие межрегиональному сотрудничеству

и экономическому развитию через строительство инфраструктуры, облегчение торговли и инвестиций, а также политическое взаимодействие.

За десять лет эта инициатива привлекла более 150 стран и 30 международных

организаций, охватив две трети населения мира и более 40 % мирового экономического объема [1]. Ее влияние не ограничивается только экономической сферой, но также оказывает глубокое воздействие на политические, культурные и экологические процессы.

Тем не менее страны, расположенные вдоль «Пояса и пути», значительно различаются по стадиям развития и институциональным условиям.

Государства Центральной и Восточной Европы обычно обладают высокими институциональными стандартами, но испытывают дефицит капитала [8]; страны Центральной Азии богаты природными ресурсами, но их экономика сильно зависит от одного сектора; в странах Юго-Восточной Азии развиты многие отрасли хозяйства, но здесь часто сталкиваются с проблемой «ловушки среднего дохода».

Эти различия приводят к неравномерным результатам реализации инициативы «Пояс и путь» в разных странах, что требует разработки научной методологической основы для выявления и оценки путей развития каждой страны.

Исследования по инициативе «Пояс и путь» в академической среде в основном сосредоточены на геополитике, международных отношениях и макроэкономических эффектах, в то время как вопросы методологии остаются относительно малоизученными.

В статье предлагается улучшенная модель экономического подъема стран и регионов на основе производственной функции Кобба – Дугласа, в которую вводятся такие переменные, как открытость, человеческий капитал и энергетическая эффективность.

На основе панельных данных проводится эмпирический анализ, а с помощью моделирования сценариев прогнозируются пути роста, чтобы дать рекомендации для высококачественного развития инициативы «Пояс и путь».

Производственная функция Кобба – Дугласа была предложена Чарльзом Коббом и Полом Дугласом в 1928 г. и считается прорывом в теории производства [3].

Ее первоначальная форма была следующей:

$$Y = A * K^{\alpha} * L^{\beta},$$

где Y – экономический выпуск, ВВП, K – запас капитала, L – трудовые затраты, A – технологический прогресс, или общий коэффициент производительности факторов, а параметры α и β отражают эластичность выпуска относительно труда.

Эта функция является простой и понятной, но ее ограниченность заключается в том, что она не учитывает таких ключевых факторов, как открытость для развития, человеческий капитал и устойчивое развитие.

В отличие от этого модель Солоу (1956) акцентирует внимание на долгосрочной роли накопления капитала и технологического прогресса, в то время как эндогенная модель роста (Romer, 1990) рассматривает технологические инновации и улучшение человеческого капитала как источники роста [4; 5]. По сравнению с этими моделями преимущество функции Кобба – Дугласа заключается в ее простоте и удобстве использования, особенно для анализа панельных данных между странами. Однако традиционные модели не учитывают таких важных факторов, как открытость для развития и устойчивость, что создает разрыв с реальными потребностями инициативы «Пояс и путь».

Для того чтобы более точно соответствовать реальным потребностям в рамках инициативы «Пояс и путь», в данной статье была расширена основная модель: введен человеческий капитал ННН, измеряемый через индекс образования; с учетом того, что «Пояс и путь» в значительной степени зависит от трансграничной торговли и притока иностранных инвестиций, добавлены переменные открытости торговли (TRADE) и прямых иностранных инвестиций (FDI); введена энергетическая эффективность (ENERGY) как ограничивающий фактор, который используется для измерения устойчивости.

Модифицированная модель выглядит следующим образом:

$$Y = A * K^{\alpha} * L^{\beta} * H^{\gamma} * TRADE^{\delta_1} * FDI^{\delta_2} * ENERGY^{\delta_3},$$

где γ – эластичность выпуска относительно человеческого капитала, δ_1 , δ_2 и δ_3 – эластичности для открытости торговли, ПИИ и энергетической эффективности соответственно.

Поскольку низкая энергетическая эффективность может подавлять рост, то ожидается, что ее коэффициент будет иметь отрицательное значение.

Для удобства количественного анализа в статье используется логарифмическая линейная трансформация, в результате чего получается следующая модифицированная регрессионная модель:

$$\ln Y_{it} = \alpha + \beta_1 \ln TRADE_{it} + \beta_2 \ln FDI_{it} + \beta_3 \ln EDU_{it} + \beta_4 \ln ENERGY_{it} + \mu_i + \lambda_t + \varepsilon_{it},$$

где i – это страна, t – год, μ_i – индивидуальные эффекты, λ_t – временные эффекты, ε_{it} – ошибка модели.

Эта формула позволяет полноценно учитывать многомерные факторы, влияющие на экономический рост стран, расположенных вдоль «Пояса и пути».

Эмпирические исследования

В работе в качестве объектов исследования выбраны Польша, Казахстан и Таиланд, что обусловлено следующим.

Польша. Будучи представителем стран Центральной и Восточной Европы, Польша является одной из первых в Европейском Союзе, кто присоединился к инициативе «Пояс и путь».

Географически она занимает стратегическое положение в центре Европы и является важным конечным пунктом Средне-европейского железнодорожного маршрута [2].

Ее институциональная среда достаточно развита, а уровень человеческого капитала высок.

Казахстан. Являясь крупнейшей экономикой среди стран Центральной Азии и важным стратегическим коридором, Казахстан стал одним из первых, подписавших документы о сотрудничестве после предложения инициативы «Пояс и путь».

Экономика Казахстана в значительной степени зависит от экспорта природных ресурсов, однако страна активно пытается диверсифицировать свою промышленность, что делает ее подходящим объектом исследования, ведь «Пояс и путь» может способствовать трансформации экономики ресурсных стран [6].

Таиланд. Как центральная страна Юго-Восточной Азии, Таиланд занимает важное место в региональных цепочках поставок и производства, а также является транспортным хабом на полуострове Индокитай.

Страна сталкивается с проблемой «ловушки среднего дохода» и в рамках инициативы «Пояс и путь» активно ищет возможности для повышения уровня промышленного производства и развития цифровой экономики.

Таким образом, эти три страны представляют собой три категории регионов вдоль «Пояса и пути»: институционально развитую страну Центрально-Восточной Европы, ресурсную страну Центральной Азии и страну с многоотраслевой экономикой Юго-Восточной Азии.

Сравнительное исследование этих стран (таблицы 1–3) поможет выявить эффекты инициативы «Пояс и путь» в разных моделях развития [7].

Таблица 1 – Результаты моделирования для Польши

Переменная	Коэффициент, β	Стандартная ошибка, SE	t-значение	p-значение
Константа (α)	3,471	0,251	13,84	0,000
TRADE	0,228	0,037	6,16	0,000
FDI	0,143	0,041	3,49	0,001
EDU	0,186	0,030	6,20	0,000
ENERGY	-0,097	0,025	-3,88	0,000
Фиксированные эффекты	Да			
Временные эффекты	Да			
R^2	0,91			
Статистика F	38,23			0,000

Таблица 2 – Результаты моделирования для Казахстана

Переменная	Коэффициент, β	Стандартная ошибка, SE	t-значение	p-значение
Константа (α)	5,026	0,276	18,20	0,000
TRADE	0,261	0,031	8,40	0,000
FDI	0,116	0,040	2,90	0,004
EDU	0,132	0,027	4,89	0,000
ENERGY	-0,142	0,031	-4,58	0,000
Фиксированные эффекты	Да			
Временные эффекты	Да			
R^2	0,88			
Статистика F	41,68			0,000

Таблица 3 – Результаты моделирования для Таиланда

Переменная	Коэффициент, β	Стандартная ошибка, SE	t-значение	p-значение
Константа (α)	2,860	0,228	12,55	0,000
TRADE	0,204	0,029	7,03	0,000
FDI	0,126	0,034	3,71	0,000
EDU	0,215	0,035	6,14	0,000
ENERGY	-0,084	0,028	-3,00	0,003
Фиксированные эффекты	Да			
Временные эффекты	Да			
R^2	0,89			
Статистика F	35,72			0,000

Результаты анализа показывают, что открытость торговли оказывает значительное положительное влияние на экономический рост во всех трех странах, при этом коэффициент для Казахстана (0,261) является наибольшим, что свидетельствует о высокой зависимости его экономического роста от внешней торговли.

Роль человеческого капитала наиболее заметна в Таиланде (0,215), что указывает на то, что образование и качество рабочей силы являются ключом к преодолению «ловушки среднего дохода».

Прямые иностранные инвестиции (FDI) способствуют росту во всех трех странах, но их предельный эффект относительно ограничен.

Энергоэффективность оказывает существенное отрицательное влияние на экономический рост, особенно в ресурсозависимом Казахстане, где этот эффект наиболее выражен.

Сценарии развития

Для дальнейшего анализа влияния инициативы «Пояс и путь» на страны-участницы в данной работе рассматриваются три сценария: базовый (BAU), сценарий сотруд-

ничества (COOP) и инновационный сценарий (INNO). Базовый сценарий (BAU) – это сохранение существующих тенденций развития; предполагается, что среднегодовые темпы роста капитала, труда и человеческого капитала составят 3, 0,5 и 1 % соответственно. Сценарий сотрудничества (COOP): предполагается, что инициатива «Пояс и путь» существенно повысит уровень инвестиций в инфраструктуру, упростит торговлю и увеличит приток прямых иностранных инвестиций; при этом темпы роста капитала возрастут до 5 %, а труда и человеческого капитала – до 1 и 1,5 % соответственно. Инновационный сценарий (INNO): предполагается, что инновации и «зеленый переход» будут дополнительно усилены на основе сценария сотрудничества; увеличатся расходы на НИОКР, темпы роста капитала достигнут 6 %, труда – 1,2%, а человеческого капитала – 2 %.

Согласно результатам моделирования, влияние инициативы «Пояс и путь» существенно различается в зависимости от страны и выбранного сценария, что отражает воздействие особенностей региональной модели развития, структуры ресурсов и институциональной среды на эффективность политики (таблица 4).

Таблица 4 – Результаты моделирования (2025–2035 гг.)

Страна	Рост ВВП, %		
	BAU	COOP	INNO
Польша	2,8	3,6	4,2
Казахстан	3,3	4,8	6,1
Таиланд	2,5	4,0	5,2

Во-первых, в сценарии сотрудничества особенно ярко проявляется стимулирующая роль капитальных инвестиций и развития инфраструктуры. В Казахстане и Таиланде среднегодовые темпы роста ВВП увеличились в базовом сценарии с примерно 3 % до 4,8 и 4,0 % соответственно. Это подтверждает, что в рамках «Пояса и пути» взаимосвязанность инфраструктуры и трансграничные инвестиции способны эффективно снижать транзакционные издержки, улучшать деловую среду и тем самым способствовать более быстрому экономическому росту. В Польше также наблюдается положительный эффект (рост ВВП с 2,8 до 3,6 %), однако, поскольку ее инфраструктура уже относительно развита, а внутренний рынок ЕС достаточно зрелый, предельный эффект здесь меньше, чем у ресурсозависимых и развивающихся экономик.

Во-вторых, в инновационном сценарии проявляется дополнительное воздействие инноваций и роста человеческого капитала. Наиболее заметные результаты показывают Польша и Таиланд: темпы роста ВВП повышаются до 4,2 и 5,2 % соответственно. Это свидетельствует о том, что в странах с развитой институциональной средой (Польша) или с более диверсифицированной экономикой (Таиланд) инвестиции в НИОКР и повышение уровня образования способны существенно стимулировать экономический рост. В Казахстане рост в инновационном сценарии также усиливается (до 6,1 %), однако его прирост относительно сценария сотрудничества невелик. Это свидетельствует о структурных ограничениях ресурсозависимой экономики: полагаться исключительно на инновации недостаточно для преодоления узкой специализации и ограничений промышленного развития.

В-третьих, с точки зрения масштабного эффекта возрастающая отдача от масштаба особенно ярко проявляется в инновационном сценарии. При синхронном росте капитала, труда и человеческого капитала, а

также при одновременном технологическом прогрессе и «зеленой трансформации» совокупное производство растет быстрее, чем сумма факторов производства. Это подтверждает, что инициатива «Пояс и путь» не только приносит краткосрочные выгоды за счет инфраструктурных инвестиций и упрощения торговли, но и способна через сотрудничество и инновации раскрывать долгосрочный потенциал устойчивого развития.

Наконец, сравнительный анализ трех стран показывает: Польша, обладая преимуществами институциональной среды и человеческого капитала, более всего подходит для инновационного пути развития; Казахстан в большей степени нуждается в сотрудничестве в развитии инфраструктуры и трансграничных инвестиций, одновременно стремясь к диверсификации экономики; Таиланд демонстрирует хорошие результаты и в сценарии сотрудничества, и в инновационном сценарии, что указывает на его высокий потенциал в рамках региональной интеграции стран Юго-Восточной Азии и развития цифровой экономики.

Таким образом, результаты моделирования сценариев экономического роста регионов не только выявляют дифференцированные эффекты инициативы «Пояс и путь» для различных типов стран, но и предоставляют эмпирическую основу для выработки адаптированных стратегий сотрудничества и развития.

Заключение

В статье на основе модифицированной производственной функции Кобба – Дугласа был проведен эмпирический анализ и сценарное прогнозирование для трех типичных стран, расположенных вдоль инициативы «Пояс и путь»: Польши, Казахстана и Таиланда. Исследование в результате включения таких факторов, как капитал, труд, человеческий капитал, открытость торговли, ПИИ и энергоэффективность, выявило дифференцированное влияние инициативы

«Пояс и путь» на экономический рост в различных моделях развития.

1. Методологическая поддержка является необходимым условием для высококачественного развития инициативы «Пояс и путь». Классическая функция Кобба – Дугласа предоставляет простую основу для международных сравнений, но без включения таких переменных, как человеческий капитал, открытость и энергоэффективность, невозможно в полной мере объяснить движущие силы роста. Результаты исследования показывают, что открытость торговли и человеческий капитал выступают ключевыми факторами роста, тогда как недостаточная энергоэффективность становится ограничивающим элементом. Следовательно, формирование научно обоснованной методологической базы имеет решающее значение для выявления и использования потенциала развития каждой страны.

2. Влияние инициативы на экономический рост разных стран значительно различается. Польша выигрывает благодаря развитой институциональной среде и высокому уровню человеческого капитала, что обеспечивает ей лучшие показатели в инновацион-

ном сценарии. В Казахстане в сценарии сотрудничества особенно заметна роль инвестиций в инфраструктуру, однако инновационные эффекты ограничены, что отражает структурные проблемы ресурсозависимой экономики. Таиланд демонстрирует значительный рост и в сценарии сотрудничества, и в инновационном сценарии, что свидетельствует о его потенциале в региональной интеграции и цифровом развитии. Таким образом, инициатива «Пояс и путь» не может реализовываться по принципу «одного решения для всех», а должна учитывать особенности каждой страны.

3. Сотрудничество и инновации позволяют раскрыть скрытый потенциал роста. В базовом сценарии темпы роста остаются низкими, тогда как в сценариях сотрудничества и инноваций они значительно увеличиваются. Особенно в инновационном сценарии проявляется эффект возрастающей отдачи от масштаба, что подтверждает: инициатива «Пояс и путь» является не только платформой для инфраструктурных проектов, но и важным инструментом стимулирования региональных инноваций и «зеленой трансформации».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. World Bank. Belt and Road Economics: Opportunities and Risks of Transport Corridors. – 2019. – URL: <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/5ebc10e0-36bb-518a-8f21-980202176558/content> (дата обращения: 20.12.2025).
2. Chinese Academy of Social Sciences. Belt and Road Construction Development Report. – 2023. Access mode: https://casseng.cssn.cn/sky_research/programs/202311/t20231124_5698777.shtml (дата обращения: 20.12.2025).
3. Cobb, C. W. A Theory of Production / C. W. Cobb, P. H. Douglas // American Economic Review. – 1928. – Nr 1 (18). – P. 139–165.
4. Solow, R. M. A Contribution to the Theory of Economic Growth / R. M. Solow // The Quarterly Journal of Economics. – 1956. – Nr 1 (70). – P. 65–94.
5. Romer, P. M. Endogenous Technological Change / P. M. Romer // Journal of Political Economy. – 1990. – Nr 5 (98). – P. S71–S102.
6. Yiping Huang. Understanding China's Belt and Road Initiative: Motivation, Framework, and Assessment / Yiping Huang // China Economic Review – 40. – Peking University, July 2016. – DOI: 10.1016/j.chieco.2016.07.007.
7. Intarakumnerd, P. Thailand's Middle-Income Trap: Firms' Technological Upgrading and Innovation, and Government Policies / P. Intarakumnerd // Seoul Journal of Economics. – 2019. – Nr 1 (32). – P. 109–129.
8. Liu, W. A Geographical Perspective on the Belt and Road Initiative / W. Liu // Acta Geographica Sinica. – 2020. – Nr 4 (75). – P. 669–682.
9. Рассеко, Ю. Ю. Региональный темп жизни: методика оценки и инструменты управления : моногр. / Ю. Ю. Рассеко, Е. М. Карпенко. – Мн. : БГУ, 2023. – 215 с.

REFERENCES

1. World Bank. Belt and Road Economics: Opportunities and Risks of Transport Corridors. – 2019. – URL: <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/5ebc10e0-36bb-518a-8f21-980202176558/content> (data obrashcheniya: 20.12.2025).
2. Chinese Academy of Social Sciences. Belt and Road Construction Development Report. – 2023. Access mode: https://casseng.cssn.cn/sky_research/programs/202311/t20231124_5698777.shtml (data obrashcheniya: 20.12.2025).
3. Cobb, C. W. A Theory of Production / C. W. Cobb, P. H. Douglas // American Economic Review. – 1928. – Nr 1 (18). – P. 139–165.
4. Solow, R. M. A Contribution to the Theory of Economic Growth / R. M. Solow // The Quarterly Journal of Economics. – 1956. – Nr 1 (70). – P. 65–94.
5. Romer, P. M. Endogenous Technological Change / P. M. Romer // Journal of Political Economy. – 1990. – Nr 5 (98). – P. S71–S102.
6. Yiping Huang. Understanding China’s Belt and Road Initiative: Motivation, Framework, and Assessment / Yiping Huang // China Economic Review – 40. – Peking University, July 2016. – DOI: 10.1016/j.chieco.2016.07.007.
7. Intarakumnerd, P. Thailand’s Middle-Income Trap: Firms’ Technological Upgrading and Innovation, and Government Policies / P. Intarakumnerd // Seoul Journal of Economics. – 2019. – Nr 1 (32). – P. 109–129.
8. Liu, W. A Geographical Perspective on the Belt and Road Initiative / W. Liu // Acta Geographica Sinica. – 2020. – Nr 4 (75). – P. 669–682.
9. Rasseko, Yu. Yu. Regional’nyi temp zhizni: metodika otsenki i instrumenty upravleniya : monogr. / Yu. Yu. Rasseko, E. M. Karpenko. – Mn. : BГУ, 2023. – 215 s.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 20.01.2026

Анатолий Васильевич Радцевич

аспирант 3-го года обучения каф. налогов и налогообложения
Белорусского государственного экономического университета

Anatoly Radtsevich

3-d Year Postgraduate Student of the Department of Taxes and Taxation
of Belarusian State Economics University

e-mail: radtsevich@mail.ru

ФИСКАЛЬНЫЕ МЕРЫ

КАК ИНСТРУМЕНТ СТАБИЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Рассматриваются налоговые меры, применяемые в Республике Беларусь в условиях экономических кризисов, как ключевой инструмент стабилизации национальной экономики. Проведен анализ восьми кризисных периодов современной истории страны с учетом кризисов 2015–2022 гг. На основе макроэкономических данных исследуется взаимосвязь между динамикой налоговых показателей, бюджетной устойчивостью и эффективностью фискальной политики. Обосновывается, что в условиях повторяющихся кризисов налоговая система приобрела институциональные особенности: опора на государственный сектор, административное перераспределение и налоговый контроль как основной стабилизатор. Это формирует фискальный неинституционализм, где государство выступает как центральный актор экономической адаптации. Цифровизация налогового администрирования усилила устойчивость системы к кризисам, снизив трансакционные издержки и повысив прозрачность.

Ключевые слова: налогообложение, налоговая система, бюджетная система, налоговая политика, налоговые меры, налоговые льготы, фискальная консолидация, налоговый контроль, фискальный неинституционализм.

Fiscal Measures as a Tool to Stabilize the Economy in a Crisis

The article considers the tax measures applied in the Republic of Belarus in the context of economic crises as a key instrument for stabilizing the national economy. The analysis of eight crisis periods in the modern history of the country, taking into account the crises of 2015–2022, is carried out. Based on macroeconomic data, the relationship between the dynamics of tax indicators, fiscal sustainability and the effectiveness of fiscal policy is investigated. It is proved that in the conditions of recurring crises, the tax system has acquired institutional features: reliance on the public sector, administrative redistribution and tax control as the main stabilizer. This forms fiscal neo-institutionalism, where the state acts as the central actor of economic adaptation. Digitalization of tax administration has strengthened the system's resilience to crises, reducing transaction costs and increasing transparency.

Key words: taxation, tax system, budget system, tax policy, tax measures, tax incentives, fiscal consolidation, tax control, fiscal neo-institutionalism.

Введение

Современные кризисные явления в экономике Республики Беларусь выявили необходимость проведения анализа роли налоговой политики в экономических инструментах антикризисного регулирования. Одним из ключевых инструментов налоговой политики являются налоговые меры по смягчению кризисных явлений и угроз. Они представляют собой комплекс инструментов фискальной политики государства, направ-

ленных на стабилизацию бюджетной системы в периоды экономической нестабильности и минимизацию масштабов негативных экономических последствий кризисных явлений и угроз (финансовых, социально-политических, технологических или природных), восстановление экономического роста. Теоретическую основу исследования составляют концепции неокейнсианской фискальной политики, неинституционализма Д. Норт [1], О. Уильямсона [2]), а также теории контрциклического регулирования (Й. Шумпетер [3], М. Калеки [4]).

Научная новизна исследования заключается в комплексной оценке налоговых мер

Научный руководитель – Ирина Аркадьевна Лукьянова, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры налогов и налогообложения Белорусского государственного экономического университета

в условиях кризисов 2015–2024 гг. с использованием макроэкономического и институционального подходов.

Основная часть

История становления независимости Республики Беларусь отмечена чередой экономических и социальных кризисов, которые существенно повлияли и продолжают оказывать воздействие на траекторию развития страны и уровень благосостояния населения.

В развитии государства можно выделить восемь ключевых кризисных этапов, обусловленных как внешними факторами (российская экономическая политика, глобальные финансовые потрясения, международные санкции), так и внутренним дисбалансом (ограниченный уровень доходов домохозяйств, низкая эффективность государственного сектора, инфляционные перекосы, неустойчивость бюджетной политики).

Дополнительным источником уязвимости выступает структурная специфика экономики: недостаточная диверсификация, высокая зависимость от сырьевых потоков и внешних субсидий, ограниченные возможности для модернизации и технологического обновления. В этих условиях одним из ос-

новных инструментом регулирования экономического дисбаланса выступают налоговые меры.

В научной литературе нет единой классификации налоговых мер для преодоления экономической нестабильности. Некоторые классификации ориентированы на теорию налогов (прямые и косвенные налоги и их различие), но не охватывают мер, принимаемых во время кризисов (например, меры льгот, отсрочки, налоговые каникулы, мораторий проверок).

Другие классификации (например, IMF-TPRD [5]), более эмпирические охватывают кризисные меры [6], но могут быть ограничены по странам или времени, или по степени детализации [7]: классификация мер, примененных правительствами по цели (поддержка бизнеса и домохозяйств, фискальная устойчивость), по времени действия (временные, постоянные), объекту воздействия (НДС, подоходный, социальные взносы и др.) [8]. С учетом направления воздействия налоговые меры, применяемые в кризисных условиях, можно сгруппировать как стимулирующие, временные антикризисные, социально-ориентированные, секторальные, структурные и фискально-стабилизационные (таблица 1).

Таблица 1 – Налоговые меры по смягчению кризисных явлений и угроз

Меры	Цель	Примеры инструментов
Стимулирующие	Поддержка спроса, инвестиций, предпринимательства	Временное (постоянное) снижение ставок (налог на прибыль, подоходный налог, НДС на отдельные товары); инвестиционные вычеты; ускоренная амортизация; налоговые кредиты на НИОКР.
Временные антикризисные	Быстрое реагирование на шоки, снижение давления на бизнес	Отсрочка (рассрочка) уплаты налогов; налоговые каникулы; мораторий на проверки; заморозка роста ставок.
Социально ориентированные	Поддержка населения и уязвимых групп	Увеличение необлагаемого минимума; налоговые вычеты; временные освобождения от подоходного налога.
Секторальные	Поддержка наиболее пострадавших отраслей	Льготы для МСП; снижение налогов для туризма, транспорта, агросектора; льготы для ИТ и экспорта.
Структурные	Долгосрочная устойчивость экономики, модернизация	Создание специальных налоговых режимов (СЭЗ, технопарки); «зеленые» налоговые стимулы; налоговые реформы. Реформы НДС, введение прогрессивного налогообложения, реформа корпоративного налогообложения, изменение систем трансфертного ценообразования

Меры	Цель	Примеры инструментов
Фискально-стабилизационные	Сохранение бюджетного баланса, контроль госфинансов	Отсрочки (рассрочки) платежей; налоговые каникулы; мораторий на штрафы; ускоренные возвраты НДС. Сверхналоги (временные надбавки, повышение акцизов, расширение налоговой базы), отмена льгот.

Источник – Собственная разработка автора.

Проходя через череду кризисов, экономика Республики Беларусь выработала специфическую модель преодоления негативных последствий, которая сформировала ее институциональную особенность. Ключевыми элементами этой модели стали усиление роли государства в регулировании экономики, доминирующая опора на государственный сектор [9] и централизованное перераспределение ресурсов [10].

Такая модель (во многом гибридная между советским наследием и рыночной экономикой) позволяет обеспечивать стабильность и управляемость в условиях кризисов, исполнение социальных обязательств и минимизировать социальные потери, поддерживать высокую занятость, быстро «мобилизовать» ресурсы для точечной поддержки в периоды внешних потрясений.

В итоге институциональная траектория страны получила черты «государственно-ориентированного капитализма» [11] с ограниченной ролью частного сектора и низкой гибкостью в условиях глобальных шоков. Сегодня эта особенность проявляется в том, что каждый новый кризис ведет не к институциональной либерализации, а, напротив, к дальнейшему укреплению государственного контроля и углублению зависимости от

внешних доноров. Особенностью модели является и то, что цифровизация стала структурным элементом антикризисной налоговой политики Республики Беларуси, особенно начиная с 2018–2020 гг. (на этот период пришлось бурное развитие цифровых платформ МНС (ЭСЧФ, риск-ориентированного налогового контроля, СККО, СКТА, различных электронных сервисов (е-НДС, е-УСН, система прослеживаемости товаров и др.). Это обеспечило не только оперативность и прозрачность, но и управляемость фискальными процессами, что позволило сохранить устойчивость доходов бюджета. Результатом стало существенное сокращение трансакционных издержек взаимодействия плательщиков и государства.

Такие эффекты подтверждают положения теории неоинституционализма, согласно которой цифровизация выступает механизмом оптимизации институциональных связей и уменьшения потерь от информационной асимметрии.

Особого внимания заслуживает эволюция фискальной политики государства в 2020–2025 гг., которая выходит за рамки простого циклического реагирования (таблица 2).

Таблица 2 – Налогово-экономические меры Республики Беларуси в 2020–2025 гг.

Кризис / период	Принятые меры
Пандемия COVID-19 / политический кризис (2020–2021)	<ol style="list-style-type: none"> 1. Предоставление отсрочек, рассрочек и налоговых кредитов по уплате налогов и сборов, полностью уплачиваемых в местные бюджеты, а также арендной платы за землю для субъектов хозяйствования, наиболее пострадавших от пандемии (транспорт, туризм, общепит и др.). 2. Возможность для местных органов власти изменять сроки уплаты налоговых платежей. 3. Индивидуальные предприниматели, уплатившие единый налог в 2020 г., получили право перейти на иные режимы налогообложения. 4. Период временного неосуществления деятельности мог превышать 30 календарных дней. 5. Упрощение лицензирования для производства дезинфицирующих средств. 6. Разрешение на оптовую торговлю дезинфицирующими средствами без лицензии на торговлю алкогольной и табачной продукцией для субъектов с фармацевтической лицензией. 7. Затраты на проведение санитарно-противоэпидемических мероприятий разрешено включать в состав внереализационных расходов при налогообложении прибыли.

Кризис / период	Принятые меры
	8. Освобождение от подоходного налога доходов в виде стоимости средств индивидуальной защиты, антисептиков и питания, полученных в связи с проведением противоэпидемических мероприятий. 9. Увеличение стандартных налоговых вычетов по подоходному налогу для отдельных категорий плательщиков. 10. Повышение ставки налога на прибыль для операторов сотовой связи и микрофинансовых организаций в 2021–2022 гг. (до 30 %). 11. Снижение ставки налога на прибыль до 5 % для высокотехнологичных товаров. 12. Корректировка перечня товаров, облагаемых по сниженной ставке НДС (10 %). 13. Мораторий на проведение проверок.
Санкционное давление (2022 – настоящее время)	1. Предприятиям, пострадавшим от санкций, предоставлялись отсрочки по уплате налогов, таможенных пошлин и иных обязательных платежей. 2. Сохранение повышенной ставки налога на прибыль для операторов сотовой связи и микрофинансовых организаций. 3. Сохранение пониженной ставки налога на прибыль до 5 % для высокотехнологичных товаров. 4. Увеличение ставки подоходного налога для физических лиц до 25 % на сверхдоходы. 5. Повышение налогообложения иностранных компаний из «недружественных стран» (налога на доходы от дивидендов иностранных организаций, которые не имеют представительства в стране 25 %). 6. Временно приостановлено действие соглашений об избежании двойного налогообложения с «недружественными странами». 7. Введен механизм параллельного импорта ряда товаров для уменьшения зависимости от санкционных поставок и диверсификации источников поставок. 8. Ограничение вывода капитала собственниками-иностранцами из страны. 9. Введен институт государственного управления предприятиями из «недружественных стран». 10. Введены меры по компенсации части затрат на экспорт, включая возмещение НДС для компаний, переориентировавших поставки с рынков ЕС на другие направления. 11. Запрет на ввоз и реализацию товаров из «недружественных стран». 12. Переориентация экспорта и развитие импортозамещения. 13. Введение жесткого государственного контроля за ценообразованием. 14. Ограничение на проведение проверок.

Источник – Собственная разработка автора на основании анализа НПА.

Из таблицы 3 видно: в 2020–2021 гг. налоговые меры были направлены на сохранение ликвидности бизнеса, поддержку наиболее пострадавших отраслей и обеспечение социальной защиты населения.

В 2022 г. такие меры уже были направлены на сохранение экономической стабильности, поддержку экономики в целом и адаптацию к новым геэкономическим условиям. В этот период комбинируется фискальное ужесточение (для иностранных компаний) с адаптационными мерами внутреннего характера (контроль цен, импортозамещение, переориентация экспорта).

Эффективность налоговых мер зависит, во-первых, от адресности, во-вторых, от долгосрочности последствий, в-третьих, от поставленных целей.

В реальности правительства часто комбинируют виды мер, одновременно применяя т. н. пакет мер, например, короткие меры по ликвидности, меры по стимулированию и меры по доходам бюджета.

Однотипная мера (например, отсрочка платежей) может иметь различный эффект в зависимости от структуры бизнеса, глубины кризиса и состояния финансовой системы государства.

Для выявления причинно-следственных связей экономических кризисов и эффективности принимаемых налоговых мер построим график сопоставления динамики макроэкономических показателей с вводимыми налоговыми мерами.

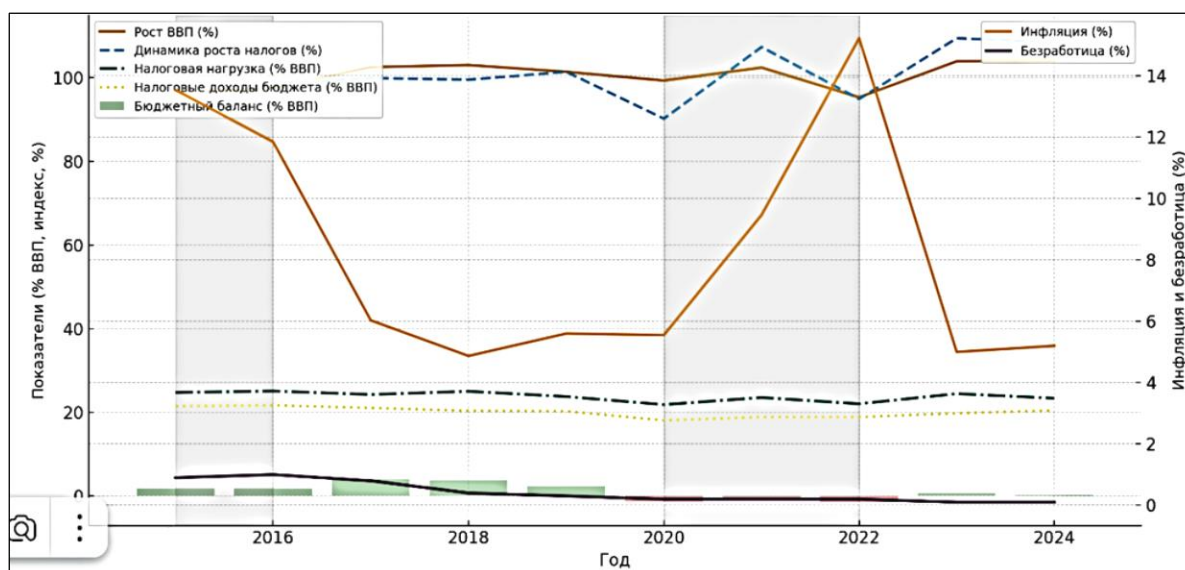

Рисунок – Налоговые меры в кризисные периоды в экономике Республики Беларусь (2015–2024 гг.)

Как видно из анализа кризисных зон (2015–2016 и 2020–2022 гг.), в эти периоды наблюдается падение темпов роста ВВП и динамики налогов (в 2020 г. падение роста налогов до минимума (90,2 %, 2016 г. – 98,4 %), дефицит бюджета (–1,29 % ВВП, 2016 г. – профицит 1,8 % от ВВП), снижение налоговой нагрузки (до минимального значения – 21,87 %, 2016 г. – 25,12 %)). В ответ правительство целенаправленно снижает налоговую нагрузку (путем введения отсрочек, рассрочек и целевых льгот для наиболее пострадавших секторов) и допускает ослабление фискальной дисциплины – дефицит бюджета (2020–2022 гг.), что указывает на использование налогово-бюджетных инструментов поддержки. Особенно ярко это проявилось в период 2020–2022 гг., когда рост государственных расходов на поддержку экономики и населения не был покрыт текущими доходами. Это прямо указывает на сознательное использование бюджетного дефицита в качестве антикризисного стабилизатора.

В 2015–2016 гг. налоговые меры носили в основном стабилизационный характер: повышение ставок и усиление администрирования.

После каждого кризиса наблюдается рост налоговых доходов и ВВП (в 2017–2019 и 2023–2024 гг.), что подтверждает контрциклический характер фискальной политики государства. Пик инфляции в 2022 г. совпадает с повышением динамики налогов, что

указывает в основном на номинальный рост доходов бюджета из-за роста цен. Вместе с тем с 2020 по 2025 г. наблюдается также постепенное расширение налоговой базы по налогу на прибыль (отдельно выделилось пять объектов налогообложения с повышенными ставки налога на прибыль (25–30 %), с 2023 г. увеличена основная ставка налога с 18 до 20 %). Это является мерой фискальной консолидации, направленной на укрепление доходной базы бюджета в долгосрочной перспективе и компенсацию предыдущих антикризисных расходов. Вместе с тем уровень безработицы остается стабильно низким (<1 %) в течение всего анализируемого периода, что отражает административные методы удержания занятости в кризисы.

Заключение

Республика Беларусь демонстрирует высокую институциональную устойчивость налоговой системы, основанную на сильной роли государства. Принимаемые налоговые меры в кризисные периоды направлены на баланс между фискальной стабильностью и поддержкой реального сектора. Они носили корректирующий, а не реформаторский характер: смягчали текущие последствия, но не изменяли институциональные основы налогообложения; налоговая политика стремилась сохранить социальную стабильность, избегая резких изменений для граждан (например, отсутствие массового повышения подоходного налога или НДС).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. North, D. Institutions / D. North // *Journal of Economic Perspectives*. – 1991. – Vol. 5, nr 1. – P. 97–112. – DOI: 10.1257/jep.5.1.97.
2. Уильямсон, О. И. Экономические институты капитализма: фирмы, рынки, «отношенческая контрактация» / О. И. Уильямсон. – СПб. : Лениздат, 1996. – 583 с. – URL: <https://knigogid.ru/books/109125-ekonomicheskie-instituty-kapitalizma-firmy-rynki-otnoshencheskaya-kontraktaciya> (дата обращения: 25.06.2025).
3. Шумпетер, Й. История экономического анализа : в 3 т. / Й. Шумпетер ; пер. с англ. под ред. В. С. Автономова. – СПб. : Экон. шк., 2004. – Т. 2. – С. 495–988.
4. Kalecki, M. Selected essays on the dynamics of the capitalist economy, 1930–1970 / M. Kalecki. – Cambridge : University Press, 1971. – URL: https://www.researchgate.net/publication/368632720_Selected_Essays_on_the_Dynamics_of_Capitalist_Economy_1933-1970 (date of access: 25.06.2025).
5. Tax Policy Measures in Advanced and Emerging Economies: A Novel Database / D. Amaglobeli [et al.] // *IMF Working Papers*. – 2018. Vol. 110, A001. – URL: <https://doi.org/10.5089/9781484354865.001.A001> (date of access: 25.06.2025).
6. Налоговая и бюджетная политика после кризиса, вызванного COVID-19. Меры реагирования ОЭСР на коронавирус (COVID-19). – Париж : Изд-во ОЭСР, 2021. – URL: <https://doi.org/10.1787/5a8f24c3-en>. (дата обращения: 25.06.2025).
7. Wright, A. Policy lessons from health taxes: a systematic review of empirical studies / A. Wright, K. E. Smith, M. Hellowell. – URL: https://bmcpublichealth.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12889-017-4497-z?utm_source=chatgpt.com (date of access: 25.06.2025).
8. Mooij, R. A. Tax Policy and Inclusive Growth / R. A. Mooij // *IMF Working Papers*. – 2020. – Vol. 271, A001. – URL: https://www.elibrary.imf.org/view/journals/001/2020/271/article-A001-en.xml?utm_source=chatgpt.com (date of access: 25.06.2025).
9. Александров, А. Госсектор: последствия низкой эффективности. Госпредприятия должны банкам вдвое больше, чем частные / А. Александров // *Экономическая газета*. – 2020. – 13 нояб. – URL: https://neg.by/novosti/otkrytj/gossektor-posledstviya-nizkoj-effektivnosti/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 26.06.2025).
10. Kozarzewski, P. The Belarusian Development Path: From Command Economy to State Capitalism? / P. Kozarzewski, A. Papko // *researchgate*. – URL: https://www.researchgate.net/publication/349746598_The_Belarusian_Development_Path_From_Command_Economy_to_State_Capitalism (date of access: 26.06.2025).
11. The Belarus Economy: The Challenges of Stalled Reforms // WIIW. Research Report 413. – 2016. – NOVEMBER. – URL: <https://wiiw.ac.at/the-belarus-economy-the-challenges-ofstalled-reforms-dlp-4032.pdf> (date of access: 26.06.2025).

REFERENCES

1. North, D. Institutions / D. North // *Journal of Economic Perspectives*. – 1991. – Vol. 5, nr 1. – P. 97–112. – DOI: 10.1257/jep.5.1.97.
2. Uil'yamson, O. I. Ekonomicheskie instituty kapitalizma: firmy, rynki, «otnoshencheskaya kontraktatsiya» / O. I. Uil'yamson. – SPb. : Lenizdat, 1996. – 583 s. – URL: <https://knigogid.ru/books/109125-ekonomicheskie-instituty-kapitalizma-firmy-rynki-otnoshencheskaya-kontraktaciya> (data obrashcheniya: 25.06.2025).
3. Shumpeter, I. Istoriya ekonomicheskogo analiza : v 3 t. / I. Shumpeter ; per. s angl. pod red. V. S. Avtonomova. – SPb. : Ekon. shk., 2004. – Т. 2. – S. 495–988.
4. Kalecki, M. Selected essays on the dynamics of the capitalist economy, 1930–1970 / M. Kalecki. – Cambridge : University Press, 1971. – URL: https://www.researchgate.net/publication/368632720_Selected_Essays_on_the_Dynamics_of_Capitalist_Economy_1933-1970 (date of access: 25.06.2025).

5. Tax Policy Measures in Advanced and Emerging Economies: A Novel Database / D. Amaglobeli [et al.] // IMF Working Papers. – 2018. Vol. 110, A001. – URL: <https://doi.org/10.5089/9781484354865.001.A001> (date of access: 25.06.2025).
6. Nalogovaya i byudzhetnaya politika posle krizisa, vyzvannogo COVID-19. Mery reagirovaniya OEHSR na koronavirus (COVID-19). – Parizh : Izd-vo OESR, 2021. – URL: <https://doi.org/10.1787/5a8f24c3-en>. (data obrashcheniya: 25.06.2025).
7. Wright, A. Policy lessons from health taxes: a systematic review of empirical studies / A. Wright, K. E. Smith, M. Hellowell. – URL: https://bmcpublihealth.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12889-017-4497-z?utm_source=chatgpt.com (date of access: 25.06.2025).
8. Mooij, R. A. Tax Policy and Inclusive Growth / R. A. Mooij // IMF Working Papers. – 2020. – Vol. 271, A001. – URL: https://www.elibrary.imf.org/view/journals/001/2020/271/article-A001-en.xml?utm_source=chatgpt.com (date of access: 25.06.2025).
9. Aleksandrov, A. Gossektor: posledstviya nizkoi effektivnosti. Gospredpriyatiya dolzhny bankam vdvoe bol'she, chem chastnye / A. Aleksandrov // Ekonomicheskaya gazeta. – 2020. – 13 noyab. – URL: https://neg.by/novosti/otkrytj/gossektor-posledstviya-nizkoj-effektivnosti/?utm_source=chatgpt.com (data obrashcheniya: 26.06.2025).
10. Kozarzewski, P. The Belarusian Development Path: From Command Economy to State Capitalism? / P. Kozarzewski, A. Papko // researchgate. – URL: https://www.researchgate.net/publication/349746598_The_Belarusian_Development_Path_From_Command_Economy_to_State_Capitalism (date of access: 26.06.2025).
11. The Belarus Economy: The Challenges of Stalled Reforms // WIIW. Research Report 413. – 2016. – NOVEMBER. – URL: <https://wiiw.ac.at/the-belarus-economy-the-challenges-ofstalled-reforms-dlp-4032.pdf> (date of access: 26.06.2025).

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 23.10.2025

Guo Jinhao

*3-d Year Postgraduate Student of the Department of Economics Security
of Belarusian State University*

Го Цзиньхань

*аспірант 3-го года обучения каф. экономической безопасности
Белорусского государственного университета
e-mail: xiaohanjiejie@gmail.com*

AN EMPIRICAL STUDY ON THE EVALUATION AND DRIVING FACTORS OF CHINA'S GREEN FINANCE DEVELOPMENT

This study constructs a comprehensive evaluation system for provincial-level green finance development, encompassing four dimensions: supply scale, market activity, investment efficiency, and policy environment. The Green Finance Development Index (GFDI) for 30 provinces in China from 2015 to 2023 was calculated. The study finds that while the overall level of green finance development in China shows an upward trend, significant spatial clustering and regional differentiation exist. This is manifested in the coexistence of «high-high» clustering in the east and «low-low» clustering in the west, exhibiting clear spatial positive autocorrelation and polarization trends. This provides important quantitative evidence for subsequent empirical research on driving factors and policy optimization.

Key words: *Green Finance Development Index, comprehensive evaluation, spatial clustering, regional differences, provincial panel data.*

Эмпирическое исследование оценки и факторов, определяющих развитие «зеленого» финансирования в Китае

Разработана комплексная система оценки развития «зеленого» финансирования на провинциальном уровне, охватывающая четыре измерения: масштаб предложения, рыночная активность, эффективность инвестиций и политическая среда. Был рассчитан Индекс развития «зеленого» финансирования (ИПЗ) для 30 провинций Китая за период с 2015 по 2023 г. Исследование показало, что, хотя общий уровень развития «зеленого» финансирования в Китае демонстрирует тенденцию к росту, существуют значительные пространственные кластеры и региональные различия. Это проявляется в существовании кластеров «высокий – высокий» на востоке и кластеров «низкий – низкий» на западе, демонстрируя четкую пространственную положительную автокорреляцию и тенденции поляризации. Это предоставляет важные количественные данные для последующих эмпирических исследований движущих факторов и оптимизации государственной политики.

Ключевые слова: *Индекс развития «зеленого» финансирования, комплексная оценка, пространственные кластеры, региональные различия, панельные данные по провинциям.*

Introduction

The emergence of green finance is an inevitable response to global environmental challenges and the pursuit of sustainable development. Its theoretical foundation integrates environmental economics, finance, and public policy, aiming to internalize environmental externalities through financial instruments and market mechanisms, thereby redirecting capital from high-pollution and energy-intensive sectors toward green and low-carbon activities [1, p. 8222]. At its core,

green finance focuses on supporting environmental improvement, addressing climate change, and promoting resource efficiency as economic objectives. It establishes a multi-stakeholder system involving governments, financial institutions, enterprises, and third-party organizations, and employs a series of innovative tools – such as green credit, green bonds, green insurance, and carbon finance – to systematically advance the green transformation of the economy and society [2, p. 19].

Existing research has developed a multi-level framework for measuring development levels. At the macro level, methods often combine qualitative assessments of policy systems with quantitative statistics on the scale

Научный руководитель – Иван Николаевич Дорошкевич, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической безопасности Белорусского государственного университета

of green credit and bonds [3, p. 2688–2701]. At the meso- and micro-levels, attention is directed toward the proportion of green business in financial institutions, corporate environmental information disclosure, and the market activity of green finance [4, p. 175]. However, current measurements generally suffer from weak data foundations, inconsistent statistical standards, an overemphasis on «scale» at the expense of «efficiency», and insufficient consideration of regional heterogeneity. These gaps highlight the need for and direction of this study to develop a more refined and comparable provincial-level evaluation system for China.

Regarding the impact of green finance, research has delineated a three-dimensional spectrum encompassing environmental, economic, and financial effects. Studies on environmental effects confirm its positive role in reducing pollution emissions and facilitating energy structure transformation [5, p. 19]. These findings collectively indicate that the efficacy of green finance is systemic, ultimately contributing to the coordinated development of the environment, economy, and finance.

Constructing a Comprehensive Evaluation System for China's Green Finance Development Level

In terms of its philosophy, the system aims to deeply reflect the strategic essence of «finance serving the green transformation of the real economy». It not only statically describes the «quantity» of green finance activities but also dynamically measures their «quality» and «effectiveness», adhering to a dual orientation: first, a «status assessment» orientation, which objectively captures the market scale, product structure, and the degree of policy framework perfection in each province at a specific point in time; second, a «trend and potential» orientation, which reflects the growth momentum and future potential of various regions in promoting the in-depth development of green finance through forward-looking indicators, such as green finance innovation activity and support for low-carbon technologies [6, p. 101312]. This approach ensures that the evaluation results can serve both horizontal comparisons – identifying regional disparities – and vertical tracking – revealing development trajectories, thereby providing policymakers with decision support that is both diagnostic and predictive.

In terms of construction principles, the system follows four core criteria: systematicity, representativeness, operability, and dynamism. Systematicity requires comprehensive coverage of key aspects of the green finance ecosystem, including the funding supply side (bank credit, bond markets), market operation and demand side (corporate green investment, project reserves), and the institutional and policy environment side (local government support, regulatory standards) [7, p. 12194]. All indicators in the system are derived from official statistical yearbooks (China Financial Yearbook, China Environmental Statistical Yearbook), publicly available data from national ministries and financial regulatory agencies (the People's Bank of China, the National Financial Regulatory Administration, the Ministry of Ecology and Environment), and authoritative commercial databases such as Wind and CNRDS, the Five-Year Plans for National Economic and Social Development. For the few data points without direct statistics, internationally accepted proxy variables or scientifically sound estimation methods are employed and explicitly explained, ensuring that the entire evaluation process is quantifiable, verifiable, and comparable across provinces [8, p. 637–668]. By focusing on trends in indicators over time, the system can effectively capture the phased characteristics and evolutionary path of China's green finance development.

Construction of the Comprehensive Evaluation Indicator System

To comprehensively, objectively, and scientifically assess the development level of green finance at the provincial level in China, this study constructs a comprehensive evaluation indicator system based on the aforementioned design philosophy and principles. The system consists of four core dimensions, focusing not only on the «quantity» of funding supply but also on the «vitality» of market operations, the «efficiency» of resource allocation, and the «stability» of institutional safeguards as a specific composition of the indicator system (Table 1). It aims to form a multi-angle, multi-layered, and three-dimensional measurement framework.

Table 1 – Comprehensive Evaluation Indicator System for China's Provincial Green Finance Development Level

Criterion Layer (Dimension)	Indicator Layer	Indicator Attribute	Data Source / Calculation Notes
1. Scale of Green Fund Supply	1.1 Ratio of Green Credit Balance to Total Loan Balance (Core)	Positive	Local branches of the People's Bank of China, reports from the China Banking and Insurance Regulatory Commission
	1.2 Ratio of Annual Green Bond Issuance to Total Credit Bond Issuance (Core)	Positive	Wind database, ChinaBond website
	1.3 Depth of Green Insurance (Supplementary)	Positive	China Insurance Yearbook, local statistical bureaus
2. Market Activity of Green Finance	2.1 Proportion of Green Enterprises Among Listed Companies (Core)	Positive	CSRC industry classification of listed companies, environmental protection directories
	2.2 Proportion of Investment in Environmental Protection PPP Projects (Core)	Positive	PPP project management database of the Ministry of Finance
	2.3 Carbon Market Trading Activity (Supplementary)	Positive	Public data from carbon emissions trading exchanges
3. Efficiency of Green Investment and Resource Allocation	3.1 Energy Conservation and Emission Reduction Supported per Unit of Green Credit (Core)	Positive	Estimated based on green credit data and environmental statistical bulletins
	3.2 Financing Cost Advantage of Green Bonds (Core)	Positive (when the interest rate spread is negative)	Wind bond issuance interest rate data
4. Policy Support and Institutional Environment	4.1 Green Finance Policy Intensity Index of Local Governments (Core)	Positive	Textual analysis of publicly available documents from provincial governments
	4.2 Dummy Variable for Green Finance Reform and Innovation Pilot Zones (Core)	Positive	Approval documents from the State Council and relevant ministries
	4.3 ESG Report Disclosure Rate of Listed Companies (Supplementary)	Positive	Official websites of Shanghai and Shenzhen Stock Exchanges, company annual reports

Note – All quantitative indicators have been subjected to dimensionless processing. An indicator attribute labeled as «Positive» indicates that a larger indicator value represents a higher level of development in that dimension.

A linear weighted comprehensive model, as shown in Equation 1, was used to calculate the annual Green Finance Development Index (GFDI) and its sub-dimension indices for each province.

Equation 1: Green Finance Development Index Calculation Model

$$GFDI_{it} = \sum_{j=1}^4 W_j^{sub} \times (\sum_{k=1}^{m_j} W_{jk}^{com} \times X_{ijkt})$$

GFDI_{it} represents the comprehensive development index for province i in year t. W_j^{sub} denotes the subjective weight for criterion layer (dimension) j, determined via the Analytic Hierarchy Process (AHP) m_j is the number of indicators within dimension j. W_{jk}^{com} represents

the final combined weight for the k-th indicator within dimension j. X_{ijkt} is the standardized value of the corresponding indicator.

The measurement results for the provincial levels are presented in the form of the comprehensive index and its four sub-dimension indices: Scale of Fund Supply Index, Market Activity Index, Investment Efficiency Index, and Policy Environment Index. To visually display the evaluation results for provinces, Table 2 lists the provinces in terms of their comprehensive index ranking, along with their performance across the main dimensions.

Table 2 – Green Finance Development Index (GFDI) and Sub-Dimension Scores for Selected Chinese Provinces in 2023

Rank	Province	Comprehensive Index (GFDI)	Supply Scale Index	Market Activity Index	Investment Efficiency Index	Policy Environment Index
High-Performance Group						
1	Beijing	0,856	0,912	0,845	0,801	0,898
2	Zhejiang	0,812	0,843	0,821	0,784	0,795
3	Guangdong	0,803	0,831	0,809	0,765	0,802
4	Shanghai	0,791	0,855	0,788	0,721	0,813
5	Jiangsu	0,779	0,802	0,791	0,752	0,773
6	Fujian	0,701	0,723	0,712	0,685	0,692
7	Jiangxi	0,689	0,698	0,674	0,702	0,688
8	Sichuan	0,675	0,682	0,665	0,691	0,673
9	Hubei	0,663	0,671	0,648	0,680	0,662
10	Chongqing	0,652	0,665	0,639	0,667	0,650
11	Tianjin	0,645	0,678	0,632	0,640	0,638
12	Shandong	0,638	0,665	0,625	0,628	0,645
13	Anhui	0,631	0,652	0,618	0,635	0,622
14	Hunan	0,625	0,638	0,612	0,628	0,631
15	Henan	0,618	0,632	0,605	0,622	0,625

Rank	Province	Comprehensive Index (GFDI)	Supply Scale Index	Market Activity Index	Investment Efficiency Index	Policy Environment Index
16	Shanxi	0,601	0,615	0,588	0,605	0,612
17	Liaoning	0,592	0,608	0,581	0,595	0,601
18	Hainan	0,585	0,602	0,571	0,588	0,595
19	Shanxi	0,578	0,595	0,565	0,581	0,588
20	Hebei	0,572	0,588	0,558	0,575	0,582
Low-Performance Group						
21	Heilongjiang	0,423	0,435	0,401	0,445	0,418
22	Jilin	0,412	0,428	0,395	0,432	0,405
23	Neimenggu	0,401	0,445	0,378	0,410	0,388
24	Ningxia	0,398	0,420	0,385	0,405	0,392
25	Gansu	0,385	0,398	0,372	0,398	0,378
26	Qinghai	0,379	0,405	0,361	0,390	0,365
27	Xinjiang	0,365	0,388	0,348	0,381	0,352
28	Yunnan	0,358	0,375	0,342	0,372	0,348
29	Guangxi	0,345	0,362	0,331	0,358	0,336
30	Guizhou	0,332	0,355	0,318	0,345	0,325

Data source – Calculated by this study. Note: The sub-dimension indices have been normalized to the range of 0-1 based on their respective weights to facilitate cross-dimensional comparison.

Preliminary observations indicate a significant tiered distribution in development levels. High-ranking provinces (such as Beijing, Zhejiang, and Guangdong) exhibit relatively balanced and leading performance across all four dimensions, with particularly pronounced advantages in policy environment and supply scale. This suggests that their development is underpinned by solid institutional support and financial foundations. In contrast, low-ranking provinces generally show weaknesses across all dimensions, with the Market Activity Index being the lowest, reflecting insufficient cultivation of their green finance market ecosystems.

Analysis of Temporal Evolution

To analyze the dynamic development, Figure 1 illustrates the evolving trends of the average comprehensive Green Finance Development Index at the national level and across the eastern, central, and western regions from 2015 to 2023. The national average GFDI increased continuously from 0,412 in 2015 to 0,587 in 2023, with an average annual growth rate of approximately 4,5 %, confirming the rapid expansion of China's green finance system.

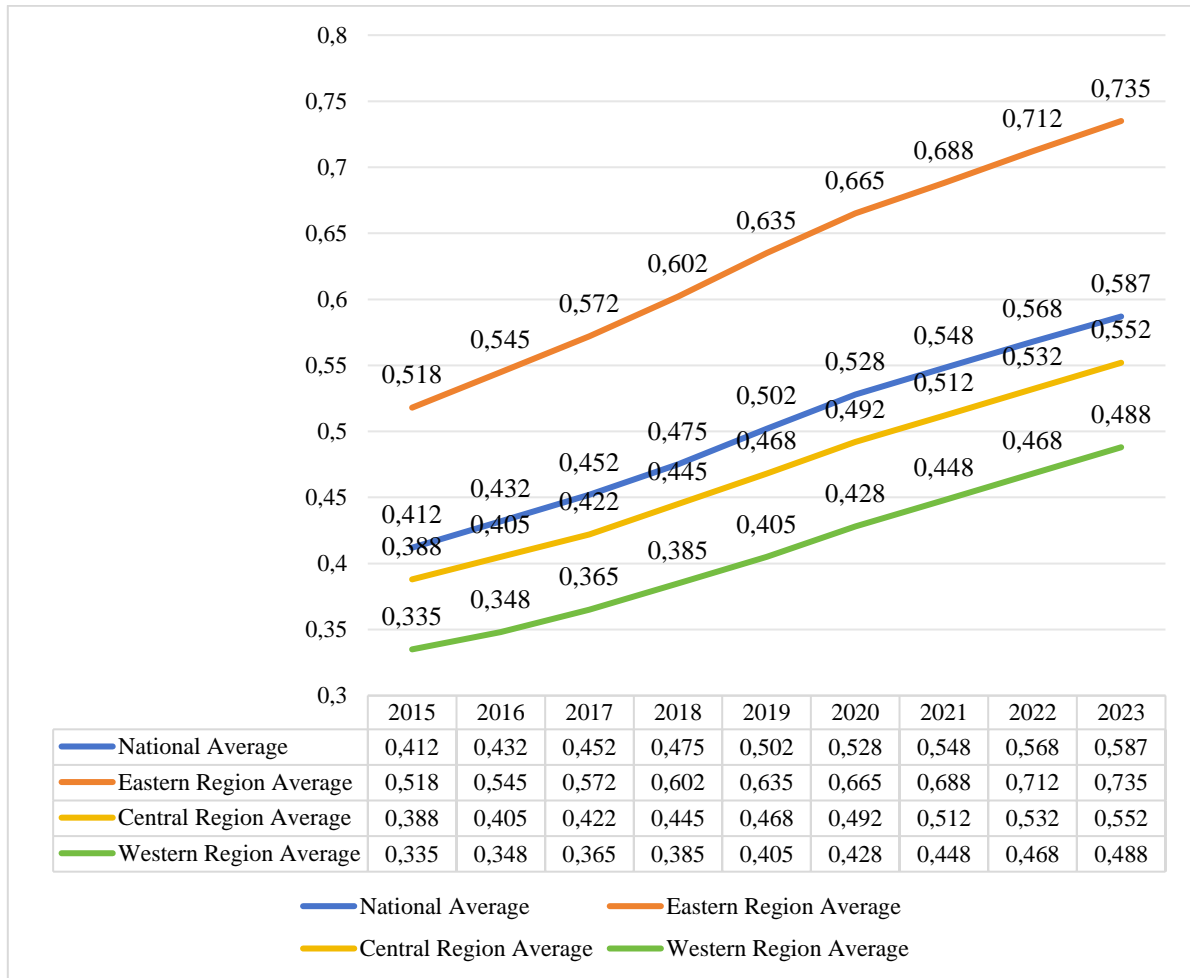

Figure – Trends in the Green Finance Development Index at National and Regional Levels, 2015–2023

Data source – Calculated by this study. Note: The eastern region includes Beijing, Tianjin, Hebei, Liaoning, Shanghai, Jiangsu, Zhejiang, Fujian, Shandong, Guangdong, and Hainan. The central region includes Shanxi, Jilin, Heilongjiang, Anhui, Jiangxi, Henan, Hubei, and Hunan. The western region includes Sichuan, Chongqing, Guizhou, Yunnan, Shaanxi, Gansu, Qinghai, Ningxia, Xinjiang, Guangxi, and Inner Mongolia.

Trend analysis reveals the following characteristics.

The period 2015–2017 was an initial phase with moderate growth rates. Following the full implementation of the Guidance on Building a Green Financial System in 2018, growth accelerated noticeably.

After 2020, driven by the «Dual Carbon» goals, the index exhibited a trend of accelerated increase. It was detected persistent but differentially evolving regional disparities.

Eastern Region: Consistently leading with a steep growth curve. Its early growth was driven by a dual engine of supply scale (pioneering green credit and bonds) and policy environment (taking the lead in issuing local implementation rules).

In later stages, the contributions of market activity and investment efficiency increased significantly, indicating an evolution of its development model from «policy-driven» to «market and innovation-driven».

Central Region: Its growth rate was largely in sync with the national average, but its absolute level remained below that of the eastern region.

Its improvement primarily benefited from actively undertaking the transfer of green industries from the east, which boosted green credit growth and environmental PPP project investment. However, shortcomings remain in green financial product innovation and the utilization of capital markets.

Western Region: Starting from a low base, it experienced slow growth in the early

period, but growth picked up after 2020. Its growth exhibited a typical «policy and project-driven» characteristic.

The Policy Environment Index (benefiting from national strategic support) and the Investment Efficiency Index in specific sectors (relatively high credit environmental benefits supporting large-scale clean energy base construction) performed relatively well.

However, market activity remained persistently low, indicating insufficient endogenous market momentum.

Spatial Pattern Analysis

To explore the spatial correlation of green finance development, ArcGIS software and Geoda spatial analysis tools were used to calculate the Global Moran's I for the period 2015–2023.

The results of the Global Moran's I calculation (Table 3) show that the index values for all years are positive and statistically significant ($p < 0,01$).

This indicates a significant positive spatial autocorrelation in China's provincial green finance development levels, meaning that provinces with similar development levels tend to cluster spatially.

Table 3 – Global Moran's I for the Green Finance Development Index, 2015–2023

Year	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Moran's I	0,352	0,368	0,371	0,385	0,402	0,415	0,428	0,436	0,441
Z	4,125	4,287	4,301	4,456	4,632	4,785	4,901	4,987	5,012

Note – Indicates significance at the 1 % level.

Based on Local Spatial Autocorrelation Analysis (LISA), four typical types of spatial agglomeration can be identified, among which the «High-High» (HH) and «Low-Low» (LL) clusters hold significant policy implications.

Table 4 summarizes the significant agglomeration regions identified by LISA analysis for 2023.

Table 4 – Significant Agglomeration Areas from Local Spatial Autocorrelation (LISA) Analysis of Green Finance Development Level in 2023

Agglomeration Type	Province(s)	Implication
High-High (HH)	Shanghai, Jiangsu, Zhejiang, Guangdong	High local development level, surrounded by other high-level provinces, forming a core area of positive spillover effects.
Low-Low (LL)	Yunnan, Guizhou, Guangxi	Low local development level, surrounded by other low-level provinces, trapped in a low-level equilibrium.
Low-High (LH)	Anhui, Jiangxi, Fujian (in certain years)	Relatively low local development level but surrounded by high-level provinces, indicating potential to receive spillovers and catch up.
High-Low (HL)	Beijing, Tianjin (in specific years)	High local development level but surrounded by low-level provinces, serving as a regional "highland" or "enclave."

The main findings of the spatial pattern analysis are as follows:

Formation and Reinforcement of «High-High» (HH) Clusters. The Yangtze River Delta

region (Shanghai, Jiangsu, Zhejiang) and the Guangdong-Hong Kong-Macao Greater Bay Area (Guangdong) have consistently remained stable and core HH clusters.

These regions, characterized by developed economies, mature financial markets, and strong policy innovation capabilities, generate significant positive spatial spillover effects in green finance, driving development in neighboring provinces (Anhui, Fujian).

Persistence and Contiguity of «Low-Low» (LL) Clusters. The southwestern region (Yunnan, Guizhou, Guangxi) and parts of the northwestern region exhibit contiguous LL clustering characteristics.

These areas face multiple constraints, including a weaker economic foundation, industrial structure, and degree of financial deepening, leading to insufficient momentum for green finance development.

They are at risk of falling into a low-level equilibrium trap due to «siphon effects» or «transmission blockages».

Emergence of a Spatial Polarization Trend. The slight year-on-year increase in the Moran's I index, coupled with the persistent stability of HH and LL clusters, suggests a certain degree of spatial polarization in China's green finance development.

Regional disparities may become entrenched due to agglomeration effects.

Conclusion

The calculated GFDI and its sub-dimension indices clearly and reasonably reflect the relative levels, strengths, and weaknesses of green finance development across provinces, validating the scientific rigor and practical utility of the evaluation system.

This index series constitutes an ideal dependent variable for panel data models.

While the national level shows continuous improvement, the eastern, central,

and western regions exhibit different growth trajectories and driving force structures.

This suggests potential regional heterogeneity in driving factors, which needs to be tested in the empirical model (by introducing interaction terms with regional dummy variables).

Spatial Dimension Exhibits Significant Agglomeration and Spillover Effects. The strong spatial autocorrelation and clear HH/LL clusters indicate that a province's green finance development is not an isolated event but is significantly influenced by the development of neighboring regions.

This strongly suggests that when constructing the econometric model for driving factors, spatial effects must be considered. Spatial econometric models should be employed instead of ordinary panel models to avoid estimation bias and accurately identify the intensity and scope of spatial spillovers.

High-ranking provinces show relatively balanced development across all four dimensions, while low-ranking provinces exhibit clear «shortcomings» in specific dimensions (typically Market Activity and Investment Efficiency).

This implies that different driving factors may have differentiated effects on various dimensions of development.

Subsequent analysis can further explore the specific pathways through which driving factors influence both the comprehensive index and the individual sub-dimension indices.

The ultimate conclusion of this study reveals that the success of green finance lies, in essence, in the systematic and creative integration of a country's ecological endowments, industrial strategy, and financial instruments.

REFERENCES

1. Chen, J. Spatial-Temporal Evolution and Driving Factors of the Synergistic Development of Green Finance and Low-Carbon Innovation. / J. Chen, Y. Luo, J. Fang // *Sustainability*. – 2025. – Vol. 17 (18). – P. 8222.
2. Qamruzzaman, M. Unveiling the synergy: Green finance, technological innovation, green energy, and carbon neutrality / M. Qamruzzaman, S. Karim // *PLoS ONE*. – 2024. – Nr 19. – e0308170.
3. Fatica, S. Green bonds as a tool against climate change? / S. Fatica, R. Panzica // *Bus. Strategy Environ.* – 2021. – Vol. 30. – P. 2688–2701.
4. Bhutta, U. S. Green bonds for sustainable development: Review of literature on development and impact of green bonds / U. S. Bhutta, A. Tariq, M. Farrukh [et al.] // *Technol. Forecast. Soc. Change.* – 2022. – Vol. 175. – P. 121378.

5. J. Ma. Carbon emissions and low-carbon innovation in firms / J. Ma. – PLoS ONE. – 2024. – P. 19, e0312759.
6. Larcker, D. F.; Watts, E.M. Where's the greenium? / D. F. Larcker, E. M. Watts // J. Account. Econ. – 2020. – Vol. 69. – P. 101312.
7. Y. Hu. How does green insurance affect green innovation? / Y. Hu, S. Du, Y. Wang, X. Yang // Evidence from China. Sustainability. – 2023. – Vol. 15. – P. 12194.
8. De Haas, R. Finance and green growth / R. De Haas, F. Popov // Econ. J. – 2023. – Vol. 133. – P. 637–668.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 26.02.2026

Татьяна Валерьевна Телятицкая¹, Сергей Алексеевич Высоцкий²

¹канд. юрид. наук, доц., проф. каф. международного экономического права

Белорусского государственного экономического университета

²канд. юрид. наук, зам. зав. каф. теории государства и права и государственного права

Санкт-Петербургской юридической академии

Tatyana Telyatitskaya¹, Sergey Vysotsky²

¹Candidate of Legal, Associate Professor, Professor of the Department of International Economic Law of Belarusian State Economic University

²Candidate of Legal, Deputy Head of the Department of Theory of State and Law and Public Law of Saint-Petersburg Law Academy

e-mail: ¹tvt@tut.by; ²77sei@mail.ru

ЭФФЕКТИВНОСТЬ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В БЕЛАРУСИ И РОССИИ

Приводится сравнительный анализ эффективности административной ответственности в сфере безопасности дорожного движения в Республике Беларусь и Российской Федерации на основе модели «результат – издержки». Оценка проводится по показателям повторности правонарушений, устойчивости постановлений, собираемости штрафов и профилактического эффекта при учете правовых, организационных и финансовых издержек. Рассматриваются составы правонарушений за управление без права управления, управление в состоянии опьянения, использование подложных и видоизмененных регистрационных знаков и незаконных специальных сигналов, а также применение автоматической фиксации. Показано, что белорусская модель более компактна и жестка по приоритетным составам, тогда как российская система более дифференцирована, но сопряжена с большими издержками и усложнением процедур обжалования. Предложены направления уточнения регламентации и мониторинга эффективности.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, административная ответственность, модель «результат – издержки», автоматическая фиксация административных правонарушений, лица, не имеющие права управления транспортными средствами, незаконные специальные сигналы, повторность административных правонарушений.

Effectiveness of Administrative Liability in the Field of Road Traffic Safety in Belarus and Russia

The article provides a comparative analysis of the effectiveness of administrative liability in the field of road traffic safety in the Republic of Belarus and the Russian Federation based on the «results – costs» model. The assessment is carried out using indicators of repeat offending, the stability of administrative decisions, the collection rate of fines, and the preventive effect, taking into account legal, organizational, and financial costs. The study examines offences related to driving without the right to drive, driving under the influence, the use of counterfeit or altered registration plates and unlawful special signals, as well as the use of automated enforcement. It is shown that the Belarusian model is more compact and stricter with regard to priority offences, whereas the Russian system is more differentiated but involves higher costs and more complex appeal procedures. The article proposes directions for refining regulation and monitoring effectiveness.

Key words: road traffic safety, administrative liability, «result – cost model», automatic recording of administrative offences, persons without the right to drive motor vehicles, unlawful special signals, repeat administrative offences.

Введение

Безопасность дорожного движения для любой страны остается одной из ключевых сфер публичной политики. Число транспортных средств и интенсивность дорожного движения устойчиво растут, усиливая нагрузку на инфраструктуру и систему государственного управления. При этом дорожно-

транспортные происшествия прямо конвертируются в человеческие и экономические потери, оказывают влияние на демографические показатели, на расходы систем здравоохранения и социального обеспечения, на доверие к государственным институтам. По данным официальной статистики и Гос-

автоинспекции, в 2023–2024 гг. в Республике Беларусь ежегодно регистрировалось порядка 3,1–3,5 тыс. дорожно-транспортных происшествий, при этом динамика основных показателей остается противоречивой: если в 2023 г. было зафиксировано 3173 ДТП, в которых погибли 436 и были ранены 3417 человек, то в 2024 г. общее количество аварий выросло до 3453 (+8,8 %), а число погибших сократилось до 434 (–0,5 %) [1]. В Российской Федерации в 2024 г. зарегистрировано около 132 тыс. ДТП, что на 0,3 % меньше, чем годом ранее; в этих происшествиях погибло 14,4 тыс. человек (–0,7 %) и 164,7 тыс. человек получили ранения [2].

В этих условиях административная ответственность остается ключевым инструментом обеспечения безопасности дорожного движения, дополняя уголовно-правовые средства и технические меры. Федеральный закон Российской Федерации от 10.12.1995 № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» и Закон Республики Беларусь от 05.01.2008 № 313-З «О дорожном движении» формируют контуры государственной политики, в которой административная ответственность рассматривается как основное средство профилактики и реагирования на массовые правонарушения невысокой и средней степени общественной опасности.

Актуальность темы усиливается расширением автоматизированных систем контроля и фиксации нарушений. В России это закреплено, прежде всего, в ст. 2.6.1 и ч. 3 ст. 28.6 КоАП РФ, в Беларуси – в ст. 4.8 КоАП Республики Беларусь, предусматривающих особый порядок привлечения к административной ответственности по материалам, сформированным работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами.

Автоматизация контроля, с одной стороны, уменьшает влияние человеческого фактора, повышает неизбежность ответственности и формирует устойчивую дисциплинарную практику, с другой – стимулирует поиск способов обхода, включая использование подложных или измененных государственных регистрационных знаков, незаконные специальные световые и звуковые сигналы, а также эксплуатацию транспортных средств лицами, сознательно игнорирующими установленный порядок до-

пуска к управлению. Российская научная литература фиксирует эти проблемы и подчеркивает, что именно в зоне массовых нарушений (превышение скорости, «бесправие», незаконное переоборудование транспортных средств) находится значительная часть резервов повышения эффективности административной ответственности [3, с. 120].

Для белорусской доктрины также характерен поиск баланса между ужесточением санкций, прежде всего за управление в состоянии опьянения и систематическое управление без прав, и обеспечением процессуальных гарантий лиц, привлекаемых к ответственности, а также защитой интересов потерпевших [4; 5].

Особую значимость имеет сравнительно-правовой анализ подходов Беларуси и России к построению системы составов правонарушений и санкций, к регулированию повторности, дифференциации ответственности за управление транспортными средствами лицами, не имеющими права управления, противодействию обходу автоматизированного контроля, сочетанию штрафов, лишения права управления, административного ареста и иных мер. Обе страны принадлежат к одной правовой традиции, имеют сопоставимые технические и организационные возможности, но по-разному решают вопросы правового закрепления и практической реализации модели «результат – издержки» применительно к административной ответственности в сфере безопасности дорожного движения [6, с. 74; 7, с. 177].

Основная часть

Современные работы по теории административного принуждения предлагают учитывать эффективность административной ответственности через совокупность показателей, выходящих за рамки формальной строгости санкции.

В качестве результата, подлежащего оценке, предлагается рассматривать не столько «арифметику привлечений», сколько устойчивое снижение повторности правонарушений на определенном горизонте наблюдения, стабильность постановлений в вышестоящих инстанциях, реальную собираемость штрафов, а также профилактический и воспитательный эффект [8, с. 283].

Концепция «результат – издержки» в применении к административной ответственности в дорожной сфере предполагает, что результат измеряется через:

1) снижение числа ДТП и тяжелых последствий по ключевым видам нарушений (скоростной режим, управление в состоянии опьянения, управление без права управления, грубые нарушения правил маневрирования);

2) снижение повторности по соответствующим составам;

3) устойчивость постановлений, отсутствие массовой отмены решений по процессуальным основаниям;

4) высокий уровень фактического исполнения назначенных взысканий.

Издержки включают правовые (ограничение прав лица, привлекаемого к ответственности), организационные (нагрузка на органы внутренних дел, суды, службы исполнения) и финансовые (расходы на автоматизированные комплексы, обработку данных, сопровождение производства).

Эффективность санкций в дорожной сфере не может оцениваться исключительно через жесткость штрафов и срок лишения права управления. Чрезмерное ужесточение санкции при сохранении пробелов в процессуальном регулировании и слабой доказательственной базе увеличивает риск произвольного применения, падения доверия к правоприменителю, роста числа обжалований и отмен постановлений [9, с. 29; 10].

В литературе выдвигается сходная идея: результативной может считаться только такая модель ответственности, которая обеспечивает предсказуемость и неизбежность реагирования при приемлемой для общества цене в виде затрат на систему контроля и надзора, а также при сохранении процессуальных гарантий [11, с. 64; 12]. Она задает методологическую рамку для последующего анализа различных моделей административной ответственности в рассматриваемой сфере.

Прежде всего, целесообразно обратиться к белорусской модели регулирования. Правовые и организационные основы обеспечения безопасности дорожного движения в Беларуси закреплены в Законе Республики Беларусь от 05.01.2008 № 313-З «О дорожном движении», Правилах дорож-

ного движения (утверждены Указом Президента Республики Беларусь от 28.11.2005 № 551), а также в гл. 18 КоАП Республики Беларусь «Административные правонарушения против безопасности движения и эксплуатации транспорта» и соответствующих нормах Уголовного кодекса Республики Беларусь.

Особое место в структуре КоАП занимает ст. 18.14, устанавливающая ответственность за управление транспортным средством лицом, не имеющим права управления, а равно за передачу управления такому лицу. Часть первая данной статьи предусматривает штраф в размере от пяти до двадцати базовых величин, в то время как повторное совершение указанного правонарушения в течение года (ч. 2) влечет штраф в размере от 20 до 50 базовых величин и возможность назначения общественных работ или административного ареста, что отражает установку законодателя на жесткое реагирование на систематическое «бесправие».

Статья 18.15 КоАП Республики Беларусь регламентирует ответственность за управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, передачу управления транспортным средством такому лицу, а также отказ от прохождения проверки (освидетельствования). Законодатель дифференцировал состав по степени опьянения, установив минимальный штраф в размере 100 базовых величин с обязательным лишением права заниматься деятельностью по управлению транспортными средствами сроком на 3 года и более строгие последствия при высокой степени опьянения либо употреблении наркотических средств. Важно, что лишение права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, применяется судами и к лицам, фактически не имеющим водительского удостоверения, что блокирует возможность легализации их водительского статуса в течение установленного срока и усиливает превентивный эффект санкций.

Аналогичное усиление ответственности прослеживается и в уголовном законодательстве. Уголовный кодекс Республики Беларусь предусматривает квалифицированный состав за грубые нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспорта, повлекшие тяжкие последствия (чч. 2–5 ст. 317 УК Республики Беларусь),

ответственность за управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, ранее подвергнутым административному взысканию за аналогичное правонарушение (ст. 317-1 УК Республики Беларусь), а также за управление транспортным средством лицом, не имеющим права управления, если это деяние совершено неоднократно (ст. 317-2 УК Республики Беларусь).

В отношении лиц, не имеющих права управления, белорусский законодатель избрал модель, при которой прогрессирующее ужесточение административных санкций сочетается с возможностью квалификации опасных проявлений как преступлений при наличии тяжких последствий либо устойчивой систематичности. Практика показывает, что значительная доля дел о ДТП с тяжкими последствиями связана с управлением в состоянии опьянения и управлением без прав, что подтверждает тезис о высокой криминальной значимости этих категорий правонарушений [13].

Важным элементом белорусской модели является автоматическая фиксация административных правонарушений в сфере безопасности движения и эксплуатации транспорта. Статья 4.8 КоАП Республики Беларусь устанавливает, что в случае фиксации административного правонарушения против безопасности движения и эксплуатации транспорта работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, административной ответственности подлежит собственник (владелец) транспортного средства, если не предусмотрено иное (например, в момент фиксации административного правонарушения соответствующее транспортное средство находилось во владении или в пользовании другого лица).

Для сопоставления подходов представляется необходимым обратиться к российскому регулированию административной ответственности в сфере безопасности дорожного движения.

Глава 12 КоАП РФ содержит развернутую систему составов, дифференцированных по предмету посягательства, степени опасности, наличию последствий, статусу субъекта и форме вины. Особое значение для настоящего исследования имеют ст. 12.7

(управление транспортным средством водителем, не имеющим права управления), ст. 12.8 (управление в состоянии опьянения), ст. 12.2 (управление с нарушением правил установки государственных регистрационных знаков) и ст. 12.5 (нарушения, связанные с незаконными специальными световыми и звуковыми сигналами), а также ст. 2.6.1, закрепляющая ответственность собственников (владельцев) транспортных средств при автоматической фиксации правонарушений.

Статья 12.7 КоАП РФ устанавливает ответственность за управление транспортным средством водителем, не имеющим права управления (ч. 1), за управление лицом, лишенным такого права (ч. 2), а также за передачу управления лицу, не имеющему права управления (ч. 3). В санкциях сочетаются штраф, обязательные работы и административный арест. В российской практике именно сочетание частей 2 и 3 ст. 12.7 с уголовной ответственностью по ст. 264.1 ч. 1 УК РФ образует важный блок реагирования на устойчиво опасное поведение. Уголовная ответственность по ст. 264.1 ч. 1 УК РФ наступает, если лицо управляет транспортным средством в состоянии опьянения после привлечения к административной ответственности за управление в состоянии опьянения либо за невыполнение законного требования о прохождении медицинского освидетельствования по ст. 12.8 или ст. 12.26 КоАП РФ и в течение одного года со дня окончания исполнения соответствующего постановления считается подвергнутым административному наказанию в соответствии со ст. 4.6 КоАП РФ, а также при наличии судимости по ч. 2, 4, 6 ст. 264 или ст. 264.1 УК РФ.

Особое внимание в российской доктрине уделяется стст. 12.2 и 12.5 КоАП РФ, направленным на борьбу с подложными государственными регистрационными знаками, видоизменением регистрационных знаков, их сокрытием, а также с незаконной установкой и использованием специальных световых и звуковых сигналов, предназначенных для оперативных транспортных средств. Дифференциация составов позволяет реагировать как на непосредственное использование подложных знаков при участии в дорожном движении, так и на действия, создающие условия для обхода автоматической

фиксации (установка устройств, затрудняющих идентификацию номера, намеренное загрязнение, изменение формы или цвета символов) [3, с. 121].

Принципиальное значение для российской модели имеет ст. 2.6.1 КоАП РФ, устанавливающая ответственность собственника транспортного средства за административные правонарушения в области дорожного движения, зафиксированные работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, обладающими функциями фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки, видеозаписи. Сочетание этой нормы с ч. 3 ст. 28.6 КоАП РФ, допускающей вынесение постановления по делу в автоматическом режиме без составления протокола, сформировало массовый сегмент «штрафовписем», определяющий структуру административной нагрузки на участников дорожного движения.

Одновременно в России развивается комплекс ведомственных и стратегических документов, ориентированных на повышение эффективности административных мер в системе обеспечения дорожной безопасности, прежде всего Стратегия повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г., утвержденная Указом Президента РФ от 14.11.2025 № 841, являющаяся документом стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности и подчеркивающая необходимость достижения национальных целей развития Российской Федерации.

Применение модели «результат – издержки» к белорусской и российской системам административной ответственности позволяет увидеть их общую направленность на приоритетное воздействие на три группы правонарушений: управление транспортными средствами лицами, не имеющими права управления; управление в состоянии опьянения; использование подложных или видоизмененных регистрационных знаков и незаконных специальных сигналов как способ обхода автоматизированного контроля.

С точки зрения нормативной конструкции в части ответственности за управление без права управления белорусская модель выглядит более концентрированной.

Вся проблематика «бесправия» сосредоточена в ст. 18.14 КоАП Республики Беларусь с достаточно жесткими санкциями и выделением повторности в течение одного года как квалифицирующего признака. Российская модель, напротив, дифференцирует управление без права и управление лицом, лишенным права, а также передачу управления, закрепляя их в разных частях ст. 12.7 КоАП РФ, что позволяет более детально учитывать статус субъекта и характер допущенного нарушения, но делает систему менее компактной.

С позиции эффективности по критерию «результат» в части борьбы с систематическим управлением без прав управления белорусский подход жесткого административного реагирования, сопровождаемый активной профилактической работой Госавтоинспекции, демонстрирует заметное снижение доли «бесправников» в структуре ДТП с тяжкими последствиями. В России, несмотря на серьезные санкции по ст. 12.7 КоАП РФ и наличие уголовной ответственности по ст. 264.1 ч. 1 УК РФ за повторное управление в состоянии опьянения, проблема устойчивых нарушителей сохраняется.

В части противодействия использованию подложных регистрационных знаков и незаконных специальных сигналов российское законодательство выглядит более детализированным. Наличие самостоятельных составов за изготовление и установку подложных регистрационных знаков, управление транспортным средством с такими знаками, незаконную установку и использование специальных световых и звуковых сигналов создает более плотное «правовое сито», перекрывающее различные способы обхода автоматической фиксации. В белорусском КоАП соответствующие нарушения охватываются более общими нормами о нарушении правил регистрации, эксплуатации, использовании транспортных средств и регистрационных знаков, что в ряде случаев приводит к квалификации, не в полной мере отражающей реальный масштаб общественной опасности обхода автоматизированных систем контроля.

Оценка по критерию «издержки» показывает, что более детализированная российская модель сопряжена с большими за-

тратами на правоприменение. Для корректной квалификации требуется более тонкое установление фактических обстоятельств (какая именно манипуляция с регистрационным знаком была проведена, каковы признаки подложности, какова цель использования специального сигнала), повышая требования к подготовке сотрудников ГИБДД и качеству доказательственной базы. В Беларуси более компактная система составов снижает вариативность квалификаций и, соответственно, риск судебных ошибок, но одновременно может оставлять «серые зоны», где обход автоматизированного контроля не получает адекватной правовой оценки.

Автоматическая фиксация и вынесение «постановления в автоматическом режиме» по-разному встроены в белорусскую и российскую системы. В России доминирует модель, при которой значительная часть дел о нарушениях скоростного режима и правил проезда перекрестков рассматривается без непосредственного участия должностного лица, а постановления выносятся на основе данных автоматических комплексов в порядке ч. 3 ст. 28.6 КоАП РФ. Это резко снижает издержки на стадию возбуждения дела и вынесения постановления, повышает неизбежность ответственности, но одновременно создает нагрузку на систему обжалования и требует высоких стандартов технической надежности средств фиксации и защищенности информационных систем.

В Беларуси (хотя автоматическая фиксация также широко используется) законодательный акцент смещен на сочетание автоматического определения события правонарушения с последующей процессуальной обработкой материалов уполномоченными должностными лицами. Это повышает издержки в части затрат трудовых ресурсов, но позволяет лучше учитывать индивидуальные обстоятельства, вовремя выявлять технические ошибки и обеспечивать более гибкий подход к освобождению от ответственности собственника при наличии доказательств, подтверждающих управление транспортным средством другим лицом. При дальнейшем развитии цифровых сервисов и переходе к полноценному электронному документообороту эти издержки могут быть частично компенсированы.

С точки зрения устойчивости постановлений и уровня доверия к автоматизированным решениям в обеих странах сохраняется необходимость дальнейшего совершенствования механизмов обжалования. В российской доктрине обращается внимание на значительный процент жалоб, связанных с неправильной идентификацией транспортного средства или лица, подлежащего ответственности, а также с техническими сбоями, что снижает общий профилактический эффект и требует корректировки как нормативной базы, так и ведомственных регламентов [14, с. 71].

В Беларуси проблематика обжалования «штрафов по почте» также обсуждается в научной и практической литературе, но из-за более ограниченного масштаба автоматизации и централизованной правовой системы риски фрагментации практики несколько ниже [6, с. 76].

Общие и различающиеся элементы в части сочетания административной и уголовной ответственности также позволяют говорить о различиях в стратегиях воздействия на устойчиво опасных нарушителей. В России более явно выражен переход от административной ответственности к уголовной по линии повторного управления в состоянии опьянения (ст. 264.1 УК РФ), тогда как в Беларуси акцент смещен на ужесточение административных санкций и использование уголовного закона прежде всего при наличии тяжких последствий.

С точки зрения модели «результат – издержки» российский подход обеспечивает высокую степень карательного воздействия в отношении узкой группы лиц, но связан с повышенными издержками уголовного судопроизводства; белорусский – ориентирован на широкий массив нарушителей и усиление административного блока, что удешевляет процедуру, но ограничивает возможности индивидуализации наказания на уровне уголовного правосудия.

Сравнительный анализ белорусской и российской моделей административной ответственности в сфере безопасности дорожного движения показывает, что обе правовые системы находятся в стадии активного поиска оптимального баланса между жесткостью санкций, масштабом автоматизации контроля и сохранением процессуальных гарантий.

Беларусь демонстрирует более компактную и жестко ориентированную на приоритетные составы модель ответственности. Упор сделан на управление без прав управления, управление в состоянии опьянения, повторность нарушений, а также на широкое применение автоматической фиксации при возложении ответственности на собственника транспортного средства. Такая модель обеспечивает высокую предсказуемость санкций, сравнительно невысокие организационные издержки и позитивную динамику по ключевым индикаторам смертности и травматизма, но требует дальнейшей детализации норм, направленных на противодействие обходу автоматизированного контроля, прежде всего в части использования подложных или видоизмененных регистрационных знаков и незаконных специальных сигналов.

Российская Федерация выстроила более дифференцированную систему составов и санкций, особенно в части борьбы с подложными регистрационными знаками и незаконными специальными сигналами, а также повторным управлением в состоянии опьянения. Это создает более тонкий инструментарий для индивидуализации ответственности и перекрытия сложных схем уклонения от фиксации, но повышает сложность правоприменения и издержки как для государственных органов, так и для участников дорожного движения. Масштабная автоматизация процесса вынесения постановлений в автоматическом режиме снижает удельные затраты на единицу производства по делу, но остро ставит вопросы о качестве доказательственной базы и механизмах обжалования.

С позиции модели «результат – издержки» российский подход демонстрирует более точечное нормирование отдельных способов обхода автоматического контроля, тогда как белорусская модель обеспечивает более высокую интенсивность воздействия за счет крупного штрафа и длительного лишения права заниматься деятельностью по управлению транспортными средствами, но при этом сопряжена с большими социальными и организационными издержками для правоприменителя.

Заключение

Учитывая выявленные в ходе сравнительного анализа особенности белорусской

и российской моделей, в качестве реалистичных предложений по совершенствованию законодательства и практики можно обозначить несколько направлений.

1. Для Беларуси целесообразно рассмотреть возможность дальнейшей детализации составов, связанных с использованием подложных или видоизмененных регистрационных знаков и незаконных специальных сигналов, с учетом российской практики при одновременном сохранении компактности гл. 18 КоАП. Это позволит более точно квалифицировать попытки обхода автоматических систем фиксации и обеспечит соразмерные санкции при сравнительно небольшом увеличении издержек на правоприменение.

2. Для России представляется оправданным анализ белорусского опыта жесткого административного реагирования на систематическую езду без права управления, в т. ч. расширение возможностей применения лишения права заниматься деятельностью по управлению транспортными средствами и усиление профилактической составляющей. Включение элементов белорусской модели в российскую практику может способствовать сокращению числа «хронических» нарушителей и рационализации соотношения административной и уголовной ответственности.

3. Для обеих стран актуально развитие правовых и организационных механизмов, обеспечивающих прозрачность автоматизированных систем контроля: установление четких требований к верификации технических средств, открытость методик обработки данных, доступность процедур обжалования, использование цифровых сервисов для информирования участников дорожного движения и предоставления им возможности оперативного реагирования на полученные постановления.

4. В контексте модели «результат – издержки» необходима институционализация ведомственного мониторинга эффективности административной ответственности в дорожной сфере на основе ограниченного набора измеримых показателей: динамика повторности, устойчивость постановлений, доля реально исполненных штрафов, влияние на тяжесть последствий ДТП. Сравнительный анализ этих показателей в Беларуси

и России позволит не только уточнять собственные национальные стратегии, но и использовать потенциал взаимного обогащения правопорядков.

Таким образом, эффективность административной ответственности в сфере безопасности дорожного движения в Республике Беларусь и Российской Федерации

определяется не столько «высотой» санкций, сколько качеством правовой конструкции составов, уровнем автоматизации и прозрачности контроля, балансом между административными и уголовными мерами, а также способностью правоприменителя последовательно реализовывать избранную модель при разумных правовых, организационных и финансовых издержках.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. О состоянии преступности и правонарушений в Республике Беларусь / Официальный сайт Нац. стат. ком. – URL: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/2025/%D1%81rime-2024.pdf (дата обращения: 24.11.2025).

2. МВД представило статистику по ДТП в 2024 году // Autogoda.ru. – 18.07.2024. – URL: <https://autogoda.ru/pdd/mvd-predstavilo-statistiku-po-dtp-v-2024-godu/> (дата обращения: 24.11.2025).

3. Маюров, Н. П. Некоторые вопросы повышения эффективности мер административной ответственности в сфере обеспечения безопасности дорожного движения в Российской Федерации / Н. П. Маюров, С. А. Высоцкий, И. А. Новиков // Журнал правовых и экономических исследований. – 2022. – № 1. – С. 118–124.

4. Добриян, С. В. Административно-правовые меры воздействия за правонарушения против безопасности движения и эксплуатации транспорта в Республике Беларусь / С. В. Добриян // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : тез. докл. междунар. науч.-практ. конф., Минск, 28 янв. 2022 г. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: П. В. Гридюшко (отв. ред.) [и др.]. – Мн., 2022. – С. 58–59.

5. Василевич, Г. А. Административная ответственность за правонарушения против безопасности движения и эксплуатации транспорта / Г. А. Василевич, С. Г. Василевич. – Мн. : Амалфея, 2012. – 94 с.

6. Климович, Е. В. Правовое регулирование административной ответственности в условиях применения работающих в автоматическом режиме специальных технических средств для фиксации административных правонарушений по законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь / Е. В. Климович // Актуальные проблемы теории и практики применения административного, административно-деликтного и административно-деликтно-процессуального законодательства в правоохранительной деятельности : сб. ст. междунар. заоч. науч.-практ. конф., Могилев, 31 мая 2021 г. – Могилев : Могилев. ин-т МВД Респ. Беларусь, 2021. – С. 74–78.

7. Телятицкая, Т. В. Цифровые технологии как инструмент совершенствования процессов административного принуждения / Т. В. Телятицкая // Совершенствование механизма государственного управления в условиях цифровизации общества и государства : материалы междунар. круглого стола, Минск, 29 сент. 2023 г. – Мн. : Белорус. гос. ун-т, 2023. – С. 174–180.

8. Юсупов, Р. А. Проблемы эффективности применяемых санкций по делам об административных правонарушениях / Р. А. Юсупов, Н. Т. Разгельдеев // Право и правоохранительная деятельность в России, странах СНГ и ЕС: законодательство и социальная эффективность : материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Саратов, 27 апр. 2018 г. – Саратов : Саратов. источник, 2018. – С. 283–285.

9. Стариков, Ю. Н. Административное право как средство разрушения «синдрома бесправия» в современном правовом государстве / Ю. Н. Стариков // Журнал российского права. – 2005. – № 4 (100). – С. 29–45.

10. Сапун, В. А. Теория правовых средств и механизм реализации права : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Сапун Валентин Андреевич. – Н. Новгород, 2002. – 321 л.

11. Макарейко, Н. В. Административное принуждение: проблемы теории / Н. В. Макарейко // Борьба с преступностью: теория и практика : тез. докл. IV Междунар. науч.-практ. конф., Могилев, 25 марта 2016 г. : в 2 ч. – Могилев : Могилев. ин-т МВД Респ. Беларусь, 2016. – Ч. 2. – С. 64–67.

12. Высоцкий, С. А. Административно-правовые средства обеспечения законности контрольно-надзорной деятельности ГИБДД : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Высоцкий Сергей Алексеевич. – СПб., 2019. – 220 л.

13. Шевцов, С. Автомобиль является источником повышенной опасности, а в руках нетрезвого – оружием, которое калечит человеческие жизни / С. Шевцов. – URL: https://www.court.gov.by/ru/gomeljskij/oblastnoj/sud/press_sluzhba/soobscheniya/press_sluzhbi/e3e-6922ee15b4685.html (дата обращения: 26.11.2025).

14. Гарманов, В. М. Правовая оценка использования видео и звукозаписывающей аппаратуры при фиксировании действий сотрудников ДПС ГИБДД / В. М. Гарманов, С. И. Иванова // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. – 2014. – № 1 (2). – С. 71–78.

REFERENCES

1. O sostoyanii prestupnosti i pravonarushenii v Respublike Belarus' / Ofitsial'nyi sait Nats. stat. kom. – URL: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika-2025/%D1%81rime-2024.pdf (data obrashcheniya: 24.11.2025).

2. MVD predstavilo statistiku po DTP v 2024 godu // Autogoda.ru. – 18.07.2024. – URL: <https://autogoda.ru/pdd/mvd-predstavilo-statistiku-po-dtp-v-2024-godu/> (data obrashcheniya: 24.11.2025).

3. Mayurov, N. P. Nekotorye voprosy povysheniya effektivnosti mer administrativnoi otvetstvennosti v sfere obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v Rossiiskoi Federatsii / N. P. Mayurov, S. A. Vysotskii, I. A. Novikov // Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy. – 2022. – № 1. – S. 118–124.

4. Dobriyan, S. V. Administrativno-pravovye mery vozdeistviya za pravonarusheniya protiv bezopasnosti dvizheniya i ekspluatatsii transporta v Respublike Belarus' / S. V. Dobriyan // Problemy bor'by s prestupnost'yu i podgotovki kadrov dlya pravookhranitel'nykh organov : tez. dokl. mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Minsk, 28 yanv. 2022 g. / Akad. M-va vnutr. del Resp. Belarus' ; redkol.: P. V. Gridyushko (otv. red.) [i dr.]. – Mn., 2022. – S. 58–59.

5. Vasilevich, G. A. Administrativnaya otvetstvennost' za pravonarusheniya protiv bezopasnosti dvizheniya i ekspluatatsii transporta / G. A. Vasilevich, S. G. Vasilevich. – Mn. : Amalfeya, 2012. – 94 s.

6. Klimovich, Ye. V. Pravovoe regulirovanie administrativnoi otvetstvennosti v usloviyakh primeneniya rabotayushchikh v avtomaticheskome rezhime spetsial'nykh tekhnicheskikh sredstv dlya fiksatsii administrativnykh pravonarushenii po zakonodatel'stvu Rossiiskoi Federatsii i Respubliki Belarus' / Ye. V. Klimovich // Aktual'nye problemy teorii i praktiki primeneniya administrativnogo, administrativno-deliktного i administrativno-deliktно-protsessual'nogo zakonodatel'stva v parvookhranitel'noi deyatel'nosti : sb. st. mezhdunar. zaoch. nauch.-prakt. konf., Mogilev, 31 maya 2021 g. – Mogilev : Mogilev. in-t MVD Resp. Belarus', 2021. – S. 74–78.

7. Telyatitskaya, T. V. Tsifrovye tekhnologii kak instrument sovershenstvovaniya protsessov administrativnogo prinuzhdeniya / T. V. Telyatitskaya // Sovershenstvovanie mekhanizma gosudarstvennogo upravleniya v usloviyakh tsifrovizatsii obshchestva i gosudarstva : materialy mezhdunar. kruglogo stola, Minsk, 29 sent. 2023 g. – Mn. : Belorus. gos. un-t, 2023. – S. 174–180.

8. Yusupov, R. A. Problemy effektivnosti primenyaemykh sanktsii po delam ob administrativnykh pravonarusheniyakh / R. A. Yusupov, N. T. Razgel'deev // Pravo i pravookhranitel'naya deyatel'nost' v Rossii, stranakh SNG i ES: zakonodatel'stvo i sotsial'naya effektivnost' : materialy V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Saratov, 27 apr. 2018 g. – Saratov : Sarat. istochnik, 2018. – S. 283–285.

9. Starilov, Yu. N. Administrativnoe pravo kak sredstvo razrusheniya «sindroma bespraviiya» v sovremennom pravovom gosudarstve / Yu. N. Starilov // Zhurnal rossiiskogo prava. – 2005. – № 4 (100). – S. 29–45.

10. Sapun, V. A. Teoriya pravovykh sredstv i mekhanizm realizatsii prava : dis. ... d-ra yurid. nauk : 12.00.01 / Sapun Valentin Andreevich. – N. Novgorod, 2002. – 321 l.

11. Makareiko, N. V. Administrativnoe prinuzhdenie: problemy teorii / N. V. Makareiko // Bor'ba s prestupnost'yu: teoriya i praktika : tez. dokl. IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Mogilev, 25 marta 2016 g. : v 2 ch. – Mogilev : Mogilev. in-t MVD Resp. Belarus', 2016. – Ch. 2. – S. 64–67.

12. Vysotskii, S. A. Administrativno-pravovye sredstva obespecheniya zakonnosti kontrol'no-nadzornoj deyatel'nosti GIBDD : dis. ... kand. yurid. nauk : 12.00.14 / Vysotskii Sergei Alekseevich. – SPb., 2019. – 220 l.

13. Shevtsov, S. Avtomobil' yavlyaetsya istochnikom povyshennoi opasnosti, a v rukakh netrezvogo – oruzhiem, kotoroe kalechit chelovecheskie zhizni / S. Shevtsov. – URL: https://www.court.gov.by/ru/gomeljskij/oblastnoj/sud/press_sluzhba/soobscheniya/press_sluzhbi/e3e6922ee15b4685.html (data obrashcheniya: 26.11.2025).

14. Garmanov, V. M. Pravovaya otsenka ispol'zovaniya video i zvukozapisyvayushchei apparatury pri fiksirovanii deistvii sotrudnikov DPS GIBDD / V. M. Garmanov, S. I. Ivanova // Vestnik Tyumenskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov MVD Rossii. – 2014. – № 1 (2). – S. 71–78.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 02.12.2025

УДК 347.9

DOI 10.63874/2218-0281-2026-1-111-117

Елена Николаевна Ярмоц*канд. юрид. наук, доц., доц. каф. теории и истории государства и права
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина***Alena Yarmats***Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of Brest State A. S. Pushkin University
e-mail: yarmots84@bk.ru*

ФОРМЫ ОБЪЕКТИВАЦИИ КУЛЬТУРЫ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Предпринята попытка исследования феномена объективации культуры судебной деятельности в социально-правовом пространстве, а именно выделены конкретные формы данного состояния. Для этого в первую очередь были охарактеризованы категории «правовая реальность» и «объективация», в смысловую канву которых впоследствии «встроена» категория «культура судебной деятельности». В результате исследования выявлены две универсальные формы объективации культуры судебной деятельности в социально-правовом пространстве: материалистическая (предметная) и идеалистическая (духовная), – детализированные в этическом, эстетическом и символично-семиотическом аспектах судебной деятельности.

Ключевые слова: культура, судебная деятельность, объективация, социально-правовое пространство.

Forms of Objectification of Judicial Culture in the Social and Legal Space

An attempt has been made to study the phenomenon of objectification of the culture of judicial activity in the socio-legal space, namely, specific forms of this condition have been identified. For this purpose, first of all, the categories «legal reality» and «objectification» were characterized, in the semantic outline of which the category «culture of judicial activity» was subsequently «embedded». As a result of the research, two universal forms of objectification of the culture of judicial activity in the socio-legal space have been identified: materialistic (objective) and idealistic (spiritual), detailed in the ethical, aesthetic and symbolic-semiotic aspects of judicial activity.

Key words: culture, judicial activity, objectification, socio-legal space.

Введение

Культура судебной деятельности представляет собой динамично развивающуюся, живую материю, чувствительную к внешним факторам, в то же время системно встроенную в исторический контекст, социально-политическую и общественно-экономическую ситуацию той правовой реальности, в которой она существует. Государственно-правовая реальность в рамках методологии пространственного подхода предстает перед исследователем как особая форма организации государственно-правовых явлений. В социальном пространстве происходит онтологизация не только понятия места, но и времени. Любая жизнедеятельность человека (включая правовую деятельность) существует в пространственно-временных условиях.

Довольно точно общефилософский смысл категории «пространство» обозначил Г. Гегель: «Сущность... пространства есть движение, потому что оно всеобщее; понять его – значит высказать его сущность в форме понятия. Движение как понятие, как мысль высказывается в виде единства отрицательности и непрерывности; но ни непрерывность, ни точечность сами по себе нельзя полагать в качестве их сущности» [Цит. по: 1, с. 231].

Основная часть

Категория «правовая реальность», или «правовая действительность», была введена в научный оборот в рамках постклассического правоведения [2, с. 934]. В юридической науке понятие правовой реальности (правовой действительности) начало употребляться сравнительно недавно,

а именно со второй половины 80-х гг. XX в. [3, с. 95].

При помощи различных методологических приемов категорию «правовое пространство» изучали С. С. Алексеев [4], Г. А. Василевич [5], И. В. Волк [6], Л. М. Ганцева [7], Е. Г. Зинков [8], В. В. Марчук [3], А. В. Скоробогатов [2; 9], Т. Л. Тенилова [10] и др.

Л. М. Ганцева определяла правовое пространство сквозь призму социально-философского анализа как форму «социального пространства, в которой с помощью норм права устанавливается стабильность в обществе, правопорядок и законность» [7, с. 23].

А. В. Скоробогатов отмечает, что правовое пространство выступает формой бытия правовой реальности [9, с. 82], в которой реализуется положение объектов и субъектов правовой действительности и их взаимодействие (коммуникация) [11, с. 186].

С. С. Алексеев выделял несколько структурных элементов правовой действительности:

1) явления-регуляторы, лежащие в основе правового регулирования (правовые нормы, правоприменительная практика, толкование права);

2) явления правовой формы (нормативные и правоприменительные акты);

3) субъективный аспект правовой действительности (правовая культура, правосознание, правовая доктрина) [4, с. 14].

Такой широкий подход позволяет рассматривать культуру судебной деятельности в качестве элемента правовой реальности, поскольку культура судебной деятельности реализуется в правоприменительной деятельности суда, находит выражение в этических и процессуальных правовых нормах, является частью правовой культуры и правового сознания граждан.

Объективация (лат. *objectivus* – «предметный») – опредмечивание, превращение в объект; объективировать – сделать объектом [12]. Объективацию культуры судебной деятельности в социально-правовом пространстве, таким образом, в самом общем смысле можно рассматривать как выражение культуры судебной деятельности вовне. Формы такого выражения могут быть как предметными, так и не имеющими

материального выражения. Исходя из вышеизложенного и опираясь на основные методологические концепции философского понимания феномена «культура», формы объективации культуры судебной деятельности в социально-правовой действительности можно условно разделить на материалистичные (предметные) и идеалистичные (духовные).

Материалистичным формам присуще внешнее конкретное выражение в виде предметов, зданий, произведений искусства и архитектуры, что применительно к судебной деятельности объективируется в разнообразных эстетических элементах культуры судебной деятельности (судебной символике в предметной форме, судебной архитектуре, включая интерьер залов судебных заседаний).

Идеалистические формы, как правило, не имеют предметного выражения, однако оказывают важнейшее как непосредственное, так и опосредованное воздействие на внешние формы проявления культуры судебной деятельности. Идеалистический аспект культуры судебной деятельности проявляется, например, в этических нормах служебного и внеслужебного поведения судей и персонала суда в целом, в непредметной (идеалистической) судебной символике, неформальных символах судебной власти. При этом внешняя и внутренняя стороны судебной деятельности взаимообусловлены и могут рассматриваться как форма и содержание.

Следуя культурологической традиции, формы объективации культуры судебной деятельности можно обозначить в качестве культурных артефактов судебной деятельности. Артефакт (лат. *ars* ‘искусство, ремесло, наука’ и *factus* ‘искусно обработанный’) можно понимать как продукт творческой деятельности человека [13, с. 49, 217].

Следовательно, культурный артефакт представляет собой любой искусственно созданный объект, имеющий как определенные физические характеристики, так и знаковое, символическое содержание [14].

Социальное пространство судебной деятельности, таким образом, может существовать как в физическом, так и в «ментальном» подпространстве. Физическое судебное пространство, согласно П. Бурдьё,

образует судебная деятельность, осуществляемая в мире объективных материальных сущностей, и включает «территорию, на которую распространяется юрисдикция суда, и залы судебных заседаний, и расположение лицом к лицу сторон. То есть социальное пространство объективируется и реализуется в физическом» [15, с. 52–53].

В ментальном подпространстве отражается субъективное восприятие и отражение физического мира [16, р. 29] – образы, символы, смыслы, ценности правосудия, все то, что Л. И. Петражицкий называл «императивно-атрибутивными переживаниями» [17, с. 83–86]. З. В. Макарова отмечает, что содержание понятия «культура судебной деятельности» включает в себя правовую, нравственную, политическую, организационную и эстетическую культуру [18, с. 160].

Нравственный аспект судебной деятельности является вопросом, заслуживающим особого внимания. Нравственно-этические основы судебной деятельности могут быть обозначены как «система общепризнанных норм морали, а также предписаний нравственно-правового характера, регулирующих деятельность по осуществлению правосудия и определяющих специфику судебной и судейской этики» [19, с. 23].

Особенность судейской этики заключается в том, что, с одной стороны, содержание норм морали и нравственности как древнейших регуляторов общественных отношений, довольно консервативно и стабильно. С другой стороны, трансформационные процессы, происходящие в современном обществе на протяжении последних лет, обусловленные развитием электронной демократии, необходимостью обеспечения транспарентности судебной деятельности, внедрением в судебную деятельность информационно-коммуникационных технологий, распространением социальных сетей, оказывают сильнейшее влияние на правосудие и этические правила поведения судей. В современных реалиях, таким образом, исследовательский интерес к этическим вопросам судебной деятельности вполне обоснован.

Еще А. Ф. Кони указывал на необходимость перемещения внимания исследователей на установление нравственных начал судопроизводства [20, с. 27]. Действительно,

наиболее аутентично культура судебной деятельности проявляется в исконно этических категориях, таких как «справедливость», «честность», «беспристрастность», «независимость» и т. п. Само слово *юстиция* (от лат. *Justitia*, ae) обозначает: 1) «справедливость, правосудие; 2) право, совокупность законов; 3) благочестие, почтительность» [21, с. 433].

В уголовном судопроизводстве, возможно, в силу специфики объектов уголовно-правовой охраны, сферы морали и права переплетены наиболее тесно.

Если рассматривать религиозные нормы в качестве первоосновы формирования моральных норм, то можно презюмировать наличие единой морально-нравственной природы уголовно-правовых норм и религиозных догматов. Ценностно-содержательное ядро уголовного законодательства практически всех государств мира составляют заповеди, отраженные в соответствующих религиозных источниках: в Священном Писании христиан (Библии) (не убий, не кради, не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего и т. п., в Торе – основной священной книге иудеев, в Коране – священной книге мусульман, в Трипитаке – священной книге буддистов и др.

Попыткой современного подхода к изучению права и его отдельных институтов является заинтересованность обрядовой, знаково-символической природой правовых феноменов и их исследование с точки зрения культурологического подхода. По мнению В. Н. Бибило, при осуществлении правосудия по уголовным делам нормы культуры и этические нормы должны коррелировать с утвердившимися в судебном процессе правилами этикета, ритуалами, обычаями [22, с. 86], т. е. с внешней стороной судебной деятельности.

М. С. Каган, исследуя эволюционный путь философии культуры, отмечал, что расширение семиотического спектра культуры осуществлялось различными способами: «Во-первых, наряду с поющим голосом и звучанием телодвижений (шлепков, ударов в ладони, перестуку ног) сигнализационные и музыкальные функции были открыты в искусственных способах звукоизвлечения – вдувании воздуха в рог, тростниковую дудку, меха, ударах по деревянной доске, натянутой шкуре, полому сосуду,

в вибрационных манипуляциях со струнами» [23, с. 181].

Преломляя вышесказанное на сферу судебной деятельности, такие действия могут составлять обрядовую (процессуальную) сторону судебного процесса, судебную символику и т. п.

Во-вторых, «выразительный жест, фиксированный на плоскости скалы, на земле, на поверхности костяного бивня или на самом теле человека, рождал рисунок или пластическую объемную форму, приобретавшие определенное значение. Тем самым “отчуждение жеста”, который не поддается системе записи, изобретенной для слова и звука, родило два языка – изобразительно-фигуративный и орнаментально-архитектонический» [23, с. 181–182].

Применительно к судебной деятельности изобразительно-фигуративный язык может быть выражен через различные художественные изображения (картину, рисунок, судебный скетч) или скульптуру; орнаментально-архитектонический же язык – через судебную архитектуру, а также интерьер здания суда и залов судебных заседаний.

Правосудию свойственна торжественность совершаемых действий, что создает атмосферу ритуальности (обрядовости) совершаемого в зале суда. Такая торжественность имеет глубокий онтологический смысл.

По словам Г. Б. Власовой, «судебный ритуал схож с божественной литургией в храме. В ритуале нельзя провести различие между его внутренними и внешними составляющими – он и есть одно целое и по своему смыслу, и по своему значению» [24, с. 68].

Наряду с этико-правовой и обрядово-символической составляющими культуры судебной деятельности нельзя игнорировать т. н. «эстетический» пласт судебной деятельности. Взгляд на юриспруденцию с эстетических позиций дополняет и обогащает методологию юридической науки, «поскольку позволяет объяснить и понять право в его большей, чем сугубо юридической целостности, т. е. приблизиться к нему холистически» [25, с. 174]. Эстетический подход к праву, передающий и транслирующий информацию посредством образов, представляет собой альтернативу применения предметно-понятийного подхода. В ре-

зультате эстетического познания происходит не столько рациональное, сколько эмоционально-чувственное восприятие объектов и явлений.

Предметом изучения эстетики является искусство как таковое, как особый способ освоения действительности, как специфическая художественно-образная сфера человеческой деятельности [26, с. 36]. Развитие эстетического восприятия мира «начинается с осознания особого ценностного качества мира, человека и плодов его деятельности, которое фиксировалось в образах мифологического сознания, а затем получило понятийно-словесное обозначение во всех языках мира» [27, с. 33].

На взаимосвязь внешних условий осуществления правосудия и культуры судебной деятельности указывала И. И. Мартинович: «Значительную роль в обеспечении высокой культуры судебного процесса играет внешняя обстановка судебного заседания, что будет способствовать повышению авторитета суда и культуры в его работе, а следовательно, и усилению общественно-воспитательной эффективности судебной деятельности» [27, с. 229–230].

А. Л. Ликас отмечал, что культура судебной деятельности, помимо требования законности, включает в себя такие компоненты, как торжественность обстановки, убедительность мотивировки решения суда, воспитательное значение судебного процесса [28, с. 38].

Присутствие эстетики в области права дает основания утверждать, что право есть не только технология, но и культура: «Эстетическая проблематика значима для антропологической перспективы права, развертывания его гуманистических образцов, социально-правовой коммуникации» [27, с. 174]. А. Ф. Кони отмечал по этому поводу: «Можно также настойчиво желать, чтобы в выполнение форм обрядов, которыми сопровождается отправление правосудия, вносился вкус, чувство меры и такт, ибо суд есть не только судилище, но и школа. Здесь этические требования сливаются с эстетическими, оправдывая свою внутреннюю связь» [29, с. 56].

Заключение

Основываясь на широком философском понимании категории «культура»

и принимая во внимание особенности категории «правовая культура», можно выделить следующие аспекты объективации культуры судебной деятельности в социально-правовом пространстве:

1) этический аспект, включающий этические правила поведения судей и иных работников суда (на рабочем месте и вне помещения суда), и внеслужебную деятельность судей;

2) эстетический аспект, обозначающий внешние атрибуты судебной власти (судебная архитектура, судебный этикет и т. п.);

3) символично-семиотический аспект, исследующий культуру судебной деятельности сквозь призму знаково-символической системы как «знаково-дискурсивный механизм воспроизводства правовой реальности» и механизм «юридического означивания некоторых социальных явлений» [30, с. 113–114].

Культуру судебной деятельности, таким образом, можно понимать как межпоколенческий опыт осуществления судебной деятельности, выраженный в совокупности элементов этического, эстетического и символично-семиотического характера.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ленин, В. И. *Философские тетради* / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений : в 55 т. / В. И. Ленин. – М. : Изд-во полит. лит., 1973. – Т. 29. – С. 231.
2. Скоробогатов, А. В. *Правовая реальность как категория юридической науки* / А. В. Скоробогатов, А. В. Краснов // *Право и политика*. – 2016. – № 7 (199). – С. 934–940.
3. Марчук, В. В. *Квалификация преступления как компонент правовой реальности: философские подходы к ее познанию* / В. В. Марчук // *Весті Нацыянальнай Акадэміі навук Беларусі*. – 2014. – № 4. – С. 95–100.
4. Алексеев, С. С. *Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация* / С. С. Алексеев // *Советское государство и право*. – 1987. – № 6. – С. 12–17.
5. Василевич, Г. А. *Человек в правовом пространстве* / Г. А. Василевич // *Право.by*. – 2023. – № 6. – С. 5–10.
6. Волк, И. В. *Право, время и пространство: теоретический аспект* : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Волк Ирина Владимировна ; Рос. правовая акад. М-ва юстиции Рос. Федерации. – М., 2004. – 19 с.
7. Ганцева, Л. М. *Правовое пространство: социально-философский анализ* : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Ганцева Луиза Марсовна. – Уфа, 2001. – 191 л.
8. Зинков, Е. Г. *Термин «пространство» в теории права* / Е. Г. Зинков // *Общество и право*. by. – 2011. – № 4 (36). – С. 14–19.
9. Скоробогатов, А. В. *Правовое пространство: постклассическая интерпретации* / А. В. Скоробогатов, А. В. Краснов // *Российский журнал правовых исследований*. – 2016. – № 3 (8). – С. 81–88.
10. Тенилова, Т. Л. *Пространство и время в правовой жизни общества: соотношение категорий* / Т. Л. Тенилова // *Вестник Нижегородской академии МВД России*. – 2010. – № 2 (13). – С. 105–110.
11. Лонская, С. В. *Символизация российского судебного пространства в эпоху Петра Великого* / С. В. Лонская // *Юбилейные даты в официальной политике памяти России: правовое измерение* : сб. науч. ст. / под общ. ред. А. А. Дорской. – СПб. : Астерион, 2022. – С. 186–190.
12. *Объективация* // *Философский энциклопедический словарь*. – 2010. – URL: <https://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/philosophy/fc/slovar-206-1.htm#zag-1881> (дата обращения: 22.01.2026).
13. Петрученко, О. *Латинско-русский словарь* / О. Петрученко. – 10-е изд. – СПб. : Лань, 2001. – 704 с.
14. *Артефакт* // *Википедия* – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D1%80%D1%82%D0%B5%D1%84%D0%B0%D0%BA%D1%82> (дата обращения: 22.01.2026).
15. Бурдьё, П. *Социология социального пространства* / П. Бурдьё ; пер. с фр., отв. ред. пер. Н. А. Шматко. – М. : Ин-т эксперим. социологии ; СПб. : Алетейя, 2007. – 288 с.

16. Fauconnier, G. Mental spaces: roles and strategies / G. Fauconnier. – Cambridge : Mass, 1985. – 180 p.
17. Петражицкий, Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности : в 2 ч. / Л. И. Петражицкий. – СПб. : Тип. т-ва «Екатерингоф. Печат. Дело», 1909. – Т. 1. – 318 с.
18. Макарова, З. В. Культура судебного процесса / З. В. Макарова // Судебная власть и уголовный процесс. – 2017. – № 4. – С. 158–162.
19. Телегина, В. А. Правосудие как социально-правовая ценность (вопросы теории) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Телегина Валентина Александровна ; Владим. юрид. ин-т ФСИН России. – Саратов, 2006. – 26 с.
20. Кони, А. Ф. Статьи и заметки. Судебные речи / А. Ф. Кони // Избранные произведения / А. Ф. Кони. – М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1959. – Т. 1. – 628 с.
21. Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. – 9-е изд., стер. – М. : Рус. яз. : Медиа, 2005. – 843 с.
22. Бибило, В. Н. Судебная власть в уголовном судопроизводстве / В. Н. Бибило. – Мн. : Право и экономика, 2001. – 210 с.
23. Каган, М. С. Философия культуры / М. С. Каган. – СПб. : Петрополис, 1996. – 415 с.
24. Власова, Г. Б. Символы и ритуалы как культурные характеристики судебного процесса / Г. Б. Власова // Философия права. – 2007. – № 2. – С. 67–73.
25. Культуральные исследования права : моногр. / под общ. ред. И. Л. Честнова, Е. Н. Тонкова. – СПб. : Алетейя, 2018. – 466 с.
26. Каган, М. С. Эстетика как философская наука / М. С. Каган. – СПб. : Петрополис, 1997. – 544 с.
27. Мартинович, И. И. Избранные труды / И. И. Мартинович. – Мн. : Ред. журн. «Промышленно-торговое право», 2016. – 560 с.
28. Ликас, А. Л. Культура правосудия / А. Л. Линкас. – М. : Юрид. лит., 1990. – 176 с.
29. Кони, А. Ф. Собр. соч. : в 8 т. / А. Ф. Кони. – М. : Юрид. лит., 1967. – Т. 8. – 543 с.
30. Честнов, И. Л. Теория государства и права : учебник / И. Л. Честнов. – М. : ИНФРА-М, 2020. – 233 с.

REFERENCES

1. Lenin, V. I. Filosofskie tetrady / V. I. Lenin // Polnoe sobranie sochinenii : v 55 t. / V. I. Lenin. – М. : Izd-vo polit. lit., 1973. – Т. 29. – С. 231.
2. Skorobogatov, A. V. Pravovaya real'nost' kak kategoriya yuridicheskoi nauki / A. V. Skorobogatov, A. V. Krasnov // Pravo i politika. – 2016. – № 7 (199). – С. 934–940.
3. Marchuk, V. V. Kvalifikatsiya prestupleniya kak komponent pravovoi real'nosti: filosofskie podkhody k ee poznaniyu / V. V. Marchuk // Vestsi Natsyyanal'nai Akademii navuk Belarusi. – 2014. – № 4. – С. 95–100.
4. Alekseev, S. S. Pravovye sredstva: postanovka problemy, ponyatie, klassifikatsiya / S. S. Alekseev // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1987. – № 6. – С. 12–17.
5. Vasilevich, G. A. Chelovek v pravovom prostranstve / G. A. Vasilevich // Pravo.by. – 2023. – № 6. – С. 5–10.
6. Volk, I. V. Pravo, vremya i prostranstvo: teoreticheskii aspekt : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk : 12.00.01 / Volk Irina Vladimirovna ; Ros. pravovaya akad. M-va yustitsii Ros. Federatsii. – М., 2004. – 19 с.
7. Gantseva, L. M. Pravovoe prostranstvo: sotsial'no-filosofskii analiz : dis. ... kand. filos. nauk : 09.00.11 / Gantseva Luiza Marsovna. – Ufa, 2001. – 191 l.
8. Zinkov, E. G. Termin «prostranstvo» v teorii prava / E. G. Zinkov // Obshchestvo i pravo.by. – 2011. – № 4 (36). – С. 14–19.
9. Skorobogatov, A. V. Pravovoe prostranstvo: postklassicheskaya interpretatsii / A. V. Skorobogatov, A. V. Krasnov // Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy. – 2016. – № 3 (8). – С. 81–88.
10. Tenilova, T. L. Prostranstvo i vremya v pravovoi zhizni obshchestva: sootnoshenie kategorii / T. L. Tenilova // Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii. – 2010. – № 2 (13). – С. 105–110.

11. Lonskaya, S. V. Simvolizatsiya rossiiskogo sudebnogo prostranstva v epokhu Petra Velikogo / S. V. Lonskaya // Yubileinye daty v ofitsial'noi politike pamyati Rossii: pravovoe izmerenie : sb. nauch. st. / pod obshch. red. A. A. Dorskoi. – SPb. : Asterion, 2022. – S. 186–190.
12. Ob'ektivatsiya // Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'. – 2010. – URL: <https://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/philosophy/fc/slovar-206-1.htm#zag-1881> (data obrashcheniya: 22.01.2026).
13. Petruchenko, O. Latinsko-russkii slovar' / O. Petruchenko. – 10-e izd. – SPb. : Lan', 2001. – 704 s.
14. Artefakt // Vikipediya. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D1%80%D1%82%D0%B5%D1%84%D0%B0%D0%BA%D1%82> (data obrashcheniya: 22.01.2026).
15. Burd'e, P. Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva / P. Burd'e ; per. s fr., otv. red. per. N. A. Shmatko. – M. : In-t eksperim. sotsiologii ; SPb. : Aleteiya, 2007. – 288 s.
16. Fauconnier, G. Mental spaces: roles and strategies / G. Fauconnier. – Cambridge : Mass, 1985. – 180 p.
17. Petrazhitskii, L. I. Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriei nravstvennosti : v 2 ch. / L. I. Petrazhitskii. – SPb. : Tip. t-va «Ekateringof. Pechat. Delo», 1909. – T. 1. – 318 s.
18. Makarova, Z. V. Kul'tura sudebnogo protsessa / Z. V. Makarova // Sudebnaya vlast' i ugolovnyi protsess. – 2017. – № 4. – S. 158–162.
19. Telegina, V. A. Pravosudie kak sotsial'no-pravovaya tsennost' (voprosy teorii) : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk : 12.00.01 / Telegina Valentina Aleksandrovna ; Vladim. jurid. in-t FSIN Rossii. – Saratov, 2006. – 26 s.
20. Koni, A. F. Stat'i i zametki. Sudebnye rechi / A. F. Koni // Izbrannye proizvedeniya / A. F. Koni. – M. : Gos. izd-vo jurid. lit., 1959. – T. 1. – 628 s.
21. Dvoretzkii, I. Kh. Latinsko-russkii slovar' / I. Kh. Dvoretzkii. – 9-e izd., ster. – M. : Rus. yaz. : Media, 2005. – 843 s.
22. Bibilo, V. N. Sudebnaya vlast' v ugolovnom sudoproizvodstve / V. N. Bibilo. – Mn. : Pravo i ekonomika, 2001. – 210 s.
23. Kagan, M. S. Filosofiya kul'tury / M. S. Kagan. – SPb. : Petropolis, 1996. – 415 s.
24. Vlasova, G. B. Simvoly i ritualy kak kul'turnye kharakteristiki sudebnogo protsessa / G. B. Vlasova // Filosofiya prava. – 2007. – № 2. – S. 67–73.
25. Kul'tural'nye issledovaniya prava : monogr. / pod obshch. red. I. L. Chestnova, E. N. Tonkova. – SPb. : Aleteiya, 2018. – 466 s.
26. Kagan, M. S. Estetika kak filosofskaya nauka / M. S. Kagan. – SPb. : Petropolis, 1997. – 544 s.
27. Martinovich, I. I. Izbrannye trudy / I. I. Martinovich. – Mn. : Red. zhurn. «Promyshlennno-torgovoe pravo», 2016. – 560 s.
28. Likas, A. L. Kul'tura pravosudiya / A. L. Linkas. – M. : Yurid. lit., 1990. – 176 s.
29. Koni, A. F. Sobr. soch. : v 8 t. / A. F. Koni. – M. : Yurid. lit., 1967. – T. 8. – 543 s.
30. Chestnov, I. L. Teoriya gosudarstva i prava : uchebnyk / I. L. Chestnov. – M. : INFRA-M, 2020. – 233 s.

Наталья Николаевна Маслакова¹, Анастасия Сергеевна Бородей²

¹исследователь в области юрид. наук,

ст. преподаватель каф. гражданско-правовых дисциплин

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

²помощник адвоката Брестской областной коллегии адвокатов

Natalya Maslakova¹, Anastasia Borodey²

¹Researcher in the Field of Legal Sciences,

Senior Lecturer of the Department of Civil Law Disciplines

of Brest State A. S. Pushkin University

²Assistant Attorney of the Brest Regional Bar Association

e-mail: ¹maslakova_nat@mail.ru; ²borodejanastasia@gmail.com

САНАТОРНО-КУРОРТНОЕ ЛЕЧЕНИЕ И ОЗДОРОВЛЕНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Санаторно-курортное лечение и оздоровление являются компонентами системы здравоохранения, направленными на восстановление и улучшение здоровья населения с использованием природных лечебных ресурсов. В научной и учебной литературе санаторно-курортное лечение (оздоровление) преимущественно рассматриваются либо в качестве подвида (составляющей) медицинской помощи, либо в качестве самостоятельного вида социального обеспечения. В статье анализируется правовая регламентация элементов механизма реализации гражданами прав на санаторно-курортное лечение и оздоровление и на бесплатную медицинскую помощь. Формулируются выводы о самостоятельности указанных прав и о самостоятельности санаторно-курортного лечения (оздоровления) как вида социального обеспечения. Предлагаются отдельные изменения в действующее законодательство Республики Беларусь о здравоохранении, направленные на повышение эффективности правового регулирования в сфере здравоохранения.

Ключевые слова: санаторно-курортное лечение, оздоровление, бесплатная медицинская помощь, право социального обеспечения, пациент.

Sanatorium-Resort Treatment and Health Recovery in the Republic of Belarus and the Russian Federation: Selected Issues of Legal Regulation

Sanatorium treatment and rehabilitation are components of the healthcare system aimed at restoring and improving the health of the population using natural healing resources. In scientific and educational literature, sanatorium-resort treatment (rehabilitation) is primarily considered either as a subspecies (component) of medical care, or as an independent type of social security. The article analyzes the legal regulation of the elements of the mechanism for citizens to exercise their rights to sanatorium treatment and rehabilitation and to free medical care. Conclusions are formulated on the independence of these rights and on the independence of sanatorium-resort treatment (rehabilitation) as a type of social security. Separate amendments to the current legislation of the Republic of Belarus on healthcare are proposed, aimed at improving the effectiveness of legal regulation in the field of healthcare.

Key words: sanatorium-resort treatment, health recovery, free medical care, social security law, patient.

Введение

Использование природных факторов, расположенных на территориях Республики Беларусь и Российской Федерации, насчитывает не одно столетие.

Исторические сведения о целебных свойствах отдельных местностей и минеральных источников Беларуси появились на рубеже XVI–XVII вв. в монастырских и церковных книгах. С XIX в. в ряде курортных местностей начинается лечебное применение минеральных вод [1, с. 39–40].

Начало санаторно-курортной деятельности в Российской Федерации положил санаторий «Марциальные воды», который был создан в 1719 г. неподалеку от г. Петрозаводска [2, с. 57].

Сеть санаторно-курортных и оздоровительных организаций Беларуси включает 97 санаторно-курортных организаций на 27 тыс. 700 мест и 190 оздоровительных организаций на 33 тыс. 300 мест. В 2024 г. санаторно-курортное лечение и оздоровление

прошли более 1 млн 568 тыс. человек, включая иностранных граждан [3].

По состоянию на 2024 г. в Российской Федерации функционировало порядка 1708 санаториев, а численность потребителей санаторно-курортных услуг в том же году достигла 7,2 млн человек [4].

Право на охрану здоровья представляет собой одно из социально-значимых прав человека, которое закрепляется и в международных документах, и в актах национального права.

Это право воспринято в стст. 45 и 41 Конституции Республики Беларусь и Конституции Российской Федерации соответственно. Однако в положениях Основных Законов отсутствуют нормы, буквально закрепляющие право граждан на санаторно-курортное лечение и оздоровление.

Это порождает научные дискуссии на предмет соотношения между собой прав на охрану здоровья, на бесплатную медицинскую помощь и на санаторно-курортное лечение (оздоровление).

Например, М. О. Буянова полагает, что отношения по санаторно-курортному обслуживанию и лечению являются подгруппой отношений по медицинской помощи [5, с. 20].

А. В. Ануфриева утверждает, что санаторно-курортное лечение – это элемент системы социального обеспечения, входящий в качестве института (подсистемы) в медицинскую помощь как вид социального обеспечения [6, с. 12].

С. В. Агиевец пишет, что санаторно-курортное лечение и оздоровление и связанные с ними услуги являются самостоятельным видом медико-социального обслуживания; также он отмечает, что данные права являются составной частью права на охрану здоровья [7, с. 134]. В целях подтверждения гипотезы о самостоятельности санаторно-курортного лечения (оздоровления) в качестве вида социального обеспечения в статье подвергается анализу его правовая регламентация в Республике Беларусь и Российской Федерации, выявляются ее особенности.

Основная часть

Обратимся к нормативной терминологии и определим акты законодательства, действующие на общественные отношения, обусловленные избранной тематикой исследова-

ния. В Концепции санаторно-курортного лечения и оздоровления населения Республики Беларусь, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 4 ноября 2006 г. № 1478 (далее – Концепция), закреплены дефиниции следующих понятий: «санаторно-курортное лечение», «лечебно-оздоровительные услуги», «услуги по санаторно-курортному лечению», «оздоровление». В данном контексте лечение от оздоровления отличается тем, что право на санаторно-курортное лечение может быть реализовано при наличии медицинских показаний и отсутствии медицинских противопоказаний, в то время как право на оздоровление – при отсутствии медицинских показаний и противопоказаний к санаторно-курортному лечению или медицинских противопоказаний к оздоровлению.

Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» норм об оздоровлении не содержит и оперирует только понятием «санаторно-курортное лечение» (далее – Закон № 323-ФЗ). Данное понятие конкретизируется в Порядке организации санаторно-курортного лечения, утвержденном приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 7 апреля 2025 г. № 169н «Организации санаторно-курортного лечения» (далее – Приказ № 169н). Российский законодатель, как и белорусский, определяет, что санаторно-курортное лечение осуществляется при наличии медицинских показаний и отсутствии медицинских противопоказаний.

Укажем, что в научной литературе терминология Закона № 323-ФЗ подвергается критике. В. В. Регалин отмечает, что закрепленные Законом понятия «здоровье», «охрана здоровья граждан», «медицинская деятельность», «медицинская организация», «медицинская услуга», «профилактика», «диагностика», «лечение» явно недостаточны для определения особенностей санаторно-курортной деятельности [8, с. 2].

В Республике Беларусь разработан проект Кодекса о здравоохранении. Однако отношения санаторно-курортного лечения (оздоровления) не охватываются его положениями [9]. Ныне действующий Закон Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-ХІІ «О здравоохранении» (далее – Закон «О здравоохранении») также указанную область общественных отношений не

регулюе. При этом регламентация сферы санаторно-курортного лечения в нашем государстве осуществляется более чем 20 различными нормативными правовыми актами.

Значение системообразующего акта фактически приобрел Указ Президента Республики Беларусь от 28 августа 2006 г. № 542 «О санаторно-курортном лечении и оздоровлении населения» (далее – Указ № 542), определивший категории граждан, реализующие право на санаторно-курортное лечение и оздоровление с использованием средств республиканского бюджета или бюджета ФСЗН. Заметим, что правовое положение (статус) санаториев и оздоровительных организаций, к сожалению, не регламентировано на законодательном уровне. В постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 1 ноября 2006 г. № 1450 «О государственной аттестации санаторно-курортных и оздоровительных организаций» (далее – постановление № 1450) нашли закрепление только вопросы присвоения (подтверждения) статуса и категории санаторно-курортной (оздоровительной) организации. Отсутствие систематизированности законодательства порождает дублирование в нем терминов и норм. Например, понятие «услуги по санаторно-курортному лечению» определяется и в Концепции, и в постановлении № 1450; вопросы деятельности комиссии по оздоровлению и санаторно-курортному лечению населения регулируются и Указом № 542, и постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 26 августа 2002 г. № 1155 «О комиссии по оздоровлению и санаторно-курортному лечению населения».

В Российской Федерации также отсутствует акт, которым бы комплексно регулировались отношения санаторно-курортного лечения. Помимо Закона № 323-ФЗ и Приказа № 169н, вопросы такого лечения отдельных категорий граждан разрешаются на уровне постановлений Правительства Российской Федерации, а также приказов Министерств здравоохранения, юстиции, обороны, Федеральной Службы Безопасности Российской Федерации. Аналогично белорусскому законодательству правовое положение (статус) санаторно-курортных организаций на уровне отдельного нормативного правового акта не регулируется, однако некоторые его элементы все же закреплены в Федеральном законе от 23 февраля 1995 г.

№ 26-ФЗ «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах» (ст. 13-15). Т. Н. Михайлова и О. И. Коваль по этому поводу отмечают, что правовые акты, направленные на регулирование деятельности здравоохранения и отдельно санаторно-курортных организаций, не дают возможности корректно определить статус санаторно-курортных организаций, а также классифицировать здравницы России [10, с. 27].

Предпримем попытку соотношения отдельных элементов механизма реализации права граждан на санаторно-курортное лечение (оздоровление) и права на получение медицинской помощи. В законодательстве Республики Беларусь в качестве отдельных регламентировано право гражданина на санаторно-курортное лечение или оздоровление и право на получение медицинской помощи. Первое закреплено в Указе № 542, второе – в Законе «О здравоохранении». Механизм реализации прав на санаторно-курортное лечение и на бесплатную медицинскую помощь видится различным. Например, в силу п. 3 Указа № 542 право на санаторно-курортное лечение (оздоровление) реализуется на основании путевки (правоподтверждающего документа), в соответствующем порядке выделенной и выданной.

В то же время для получения отдельных бесплатных медицинских услуг по оказанию первичной, специализированной, высокотехнологичной и паллиативной, медико-социальной помощи только в некоторых случаях требуются специальные медицинские документы.

Различия в реализации прав на доступное медицинское обслуживание (в части предоставления бесплатной медицинской помощи) и права на санаторно-курортное лечение (оздоровление) будут также проявляться, например, по срокам и организациям. Пунктом 2 Указа № 145 закрепляется, что право на санаторно-курортное лечение или оздоровление реализуется в организациях (их структурных (обособленных) подразделениях), прошедших обязательную государственную аттестацию и включенных в перечень санаторно-курортных и оздоровительных организаций, устанавливаемый Советом Министров Республики Беларусь. При этом в Концепции конкретизируется, что санаторно-курортное лечение осуществляется

с применением природных лечебных факторов (лечебные грязи, минеральные воды, спелеолечение и благоприятные свойства климата и др.), что географически влияет на место расположения здравницы.

Постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 14 июня 2023 г. № 102 «О сроках санаторно-курортного лечения и оздоровления населения» устанавливает сроки лечения лиц старше 18 лет – не более 15 сут., а в санаторно-курортных организациях (отделениях) для детей с родителями – не более 18 сут.

Бесплатная медицинская помощь в соответствии со ст. 4 Закона «О здравоохранении» оказывается в государственных учреждениях здравоохранения, университетских клиниках. Сроки оказания такой помощи варьируются в зависимости от условий и формы ее оказания. К примеру, согласно постановлению Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 16 августа 2023 г. № 117 «О порядке оказания медицинской помощи» срок ожидания выполнения инструментальных и иных исследований при оказании медицинской помощи в амбулаторных условиях составляет не более 90 рабочих дней со дня их назначения, а при подозрении на онкологическое заболевание – не более 45 рабочих дней. Отметим, что исчисление законодателем в первом случае осуществляется в сутках, а во втором – в рабочих днях.

Коснемся вопросов применяемой терминологии. Согласно ст. 1 Закона «О здравоохранении» физическое лицо, обратившееся за медицинской помощью, именуется «пациентом». Для обозначения граждан, реализующих право на санаторно-курортное лечение (оздоровление), законодатель отказывается от употребления данного термина, предпочитая ему использование более общих понятий «граждане» и «лица». Интересный подход отражен и в Правилах пребывания в санаториях. Так, в Правилах пребывания в санатории «Белая Русь» лицо, проживающее по одному из видов путевок, именуется «отдыхающим» [11]. В аналогичных Правилах пребывания санатория «Белорусочка» используются понятия «отдыхающий», «гость», «пациент» и «лицо, получающее платные услуги» [12]. Полагаем, законодателю следует закрепить на нормативном уровне понятие, которым бы облекалась данная категория граждан. Для сравнения

отметим, что в российском Приказе № 169н законодатель также проявляет терминологическую неопределенность, используя как понятие «пациент», так и понятие «лицо, прошедшее санаторно-курортное лечение».

Санаторно-курортное лечение в соответствии с упомянутым приказом № 169н включает в себя медицинскую помощь, осуществляемую медицинскими организациями в профилактических, лечебных и реабилитационных целях на основе использования природных лечебных ресурсов, в т. ч. в условиях пребывания в лечебно-оздоровительных местностях и на курортах. Длительность санаторно-курортного лечения в санаторно-курортной организации составляет 18 дней, для детей-инвалидов – 21 день, а для инвалидов с заболеваниями и последствиями травм спинного и головного мозга – от 24 до 42 дней.

Российский законодатель предъявляет требование ко всем медицинским организациям независимо от их организационно-правовой формы, в которых осуществляется санаторно-курортное лечение, о наличии лицензии на медицинскую деятельность. Согласно же ст. 206 Закона Республики Беларусь от 14 октября 2022 г. №213-З «О лицензировании» при оказании медицинской помощи санаторно-курортным и оздоровительным организациям не требуется лицензия, однако они проходят государственную аттестацию, по результатам которой их относят к санаторно-курортным или оздоровительным. Свидетельство о государственной аттестации выдается Республиканским центром по оздоровлению и санаторно-курортному лечению населения. Заметим, что в Российской Федерации отсутствует подобное специализированное учреждение (государственный орган), реализующий и координирующий государственную политику в этой сфере. Данную функцию на федеральном уровне выполняет Министерство здравоохранения Российской Федерации.

Перейдем к структуре услуг по санаторно-курортному лечению и оздоровлению. Согласно Концепции данные услуги представляют собой комплекс мероприятий по восстановлению и улучшению здоровья населения с преимущественным использованием природных лечебных ресурсов, включающий медицинские услуги, диетическое питание, услуги по размещению и др. Пере-

чень видов медицинских услуг по видам заболеваний установлен постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 28 ноября 2023 г. № 180 (далее – постановление № 180). Согласно постановлению Совета Министров Республики Беларусь от 27 декабря 2023 г. № 945 «О мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 2 ноября 2023 г. № 343» путевка на санаторно-курортное лечение взрослого включает услуги по проживанию, питанию, лечению (включая осмотры врачами-специалистами, лечебную физкультуру, массаж, физиотерапию и другие виды медицинских услуг), организации досуга. Следовательно, медицинские услуги (медицинская помощь) являются только одним из компонентов санаторно-курортного лечения (оздоровления). Такой вывод побуждает нас переосмыслить ст. 4 Закона «О здравоохранении».

В упомянутой статье закреплено право граждан Республики Беларусь на доступное медицинское обслуживание, которое обеспечивается в т. ч. предоставлением бесплатной медицинской помощи за счет государственных средств на основании государственных минимальных социальных стандартов в области здравоохранения. Санаторно-курортное лечение и оздоровление также может осуществляться бесплатно (с использованием средств республиканского бюджета) для отдельных категорий граждан (например, для инвалидов I и II группы вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС, других радиационных аварий). Однако оказание медицинских услуг по профилю заболевания в санаториях не охватывается понятием «бесплатная медицинская помощь» по ряду аргументов.

Во-первых, как изложено выше, лечение представляет собой только один из компонентов путевки. Понятие «лечение» согласно Закону «О здравоохранении» – это только комплекс медицинских услуг, направленных на устранение заболевания у пациента. «Медицинская помощь», согласно тому же Закону, – более широкое понятие и наряду с лечением включает комплекс иных медицинских услуг, направленных на сохранение, укрепление и восстановление здоровья пациента, изменение и поддержание эстетического вида пациента, включая медицинскую профилактику, диагностику и др.

Во-вторых, в ст. 4 Закона «О здравоохранении» закреплено, что гражданам предоставляется бесплатная медицинская помощь на основании государственных минимальных социальных стандартов в области здравоохранения. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 марта 2016 г. № 259 «О государственных минимальных социальных стандартах в области здравоохранения» установлен Перечень основных бесплатных медицинских услуг по оказанию медицинской помощи гражданам Республики Беларусь государственными учреждениями здравоохранения, университетскими клиниками. В данном Перечне обозначена услуга установления медицинских показаний для санаторно-курортного лечения, которая оказывается до направления в санаторий. Иных положений относительно санаторно-курортного лечения и оздоровления упомянутый стандарт не содержит.

Заключение

1. Анализ законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации позволил выявить как общие подходы, так и различия в правовом регулировании санаторно-курортного лечения и оздоровления. Российский законодатель, определяя понятие «санаторно-курортное лечение», фактически признает его видом медицинской помощи. В Республике Беларусь право на бесплатную медицинскую помощь и право на санаторно-курортное лечение и оздоровление являются отдельными правами, обладающими собственными механизмами реализации, и в этой связи не могут быть отождествляемыми. Реализация прав различается по показаниям, срокам, организациям здравоохранения и требованиям, предъявляемым к таким организациям. В отношениях санаторно-курортного лечения (оздоровления) реализуется один из принципов права социального обеспечения – принцип адресности, в то время как право на бесплатную медицинскую помощь, предоставляемую гражданам за счет государственных средств и на основании государственных минимальных социальных стандартов, фактически является всеобщим. В этой связи мы разделяем точку зрения ученых, считающих, что санаторно-курортное лечение (оздоровление) – самостоятельный вид социального обеспечения.

2. В законодательстве Республики Беларусь и Российской Федерации, регулирующем санаторно-курортное лечение (оздоровление), наблюдается терминологическая неопределенность в части наименования управомоченного субъекта, направляемого на такое лечение (оздоровление). Применение термина «пациент» (согласно его понимание в соответствии со ст. 4 Закона «О здравоохранении») в данной сфере (в т. ч. в локальных актах оздоровительных организаций) видится нам не вполне соответствующим содержанию санаторно-курортного лечения (оздоровления). С позиции формально-юридического подхода граждане реализуют статус пациента на стадии отбора для целей направления на лечение в оздоровительных организациях, а также при получении непосредственно самой медицинской помощи в них. Более уместным усматриваем закрепление в законодательстве и использование понятия «оздоравливаемое лицо», которым могут именоваться как граждане, направленные на санаторно-курортное лечение, так и на оздоровление.

3. Состав белорусского и российского законодательства, регулирующего сферу санаторно-курортного лечения (оздоровления), является неоднородным и представлен актами различной юридической силы. При этом отдельные законы, которые бы комплексно

охватывали своими положениями отношения санаторно-курортного лечения (оздоровления), в Беларуси и России не приняты.

Значение системообразующего акта в Республике Беларусь воспринял Указ № 542, а в Российской Федерации – Закон № 323-ФЗ и Приказ № 169н. Полагаем, что в Республике Беларусь законодательство о санаторно-курортном лечении (оздоровлении) нуждается в систематизации в целях повышения эффективности правового регулирования и устранения дублирования норм Указа № 542, Концепции, постановления № 1480 и иных актов. Такая систематизация может быть осуществлена, например, на уровне Закона Республики Беларусь «О санаторно-курортном лечении и оздоровлении», в котором следует определить и правовое положение (статус) санаторно-курортных и оздоровительных организаций.

4. Руководствуясь тем, что санаторно-курортное лечение предполагает оказание гражданам соответствующих медицинских услуг (постановление № 180), усматриваем возможным дополнить систему способов обеспечения права граждан Республики Беларусь на доступное медицинское обслуживание, закрепленную в ст. 4 Закона «О здравоохранении», следующим способом: «оказание гражданам медицинских услуг, предусмотренных законодательством, при прохождении ими санаторно-курортного лечения».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Болбатовский, Г. Н. Санаторно-курортное лечение и оздоровление населения в Республике Беларусь / Г. Н. Болбатовский, Л. Г. Молочко // Международные обзоры: клиническая практика и здоровье. – 2017. – № 3. – С. 39–56.

2. Фесюн, А. Д. Нормативно-правовое регулирование санаторно-курортного лечения и медицинской реабилитации / А. Д. Фесюн, М. Ю. Яковлев // Вестник Медицинского института непрерывного образования. – 2022. – № 4. – С. 56–59.

3. Республиканское совещание об итогах работы системы санаторно-курортного лечения и оздоровления населения в 2024 году и задачах на 2025 год // Республиканский центр по оздоровлению и санаторно-курортному лечению населения. – URL: <https://rco.by/?news=855> (дата обращения: 01.11.2025).

4. Реестр курортного фонда России // Zdrav.Expert. – URL: https://zdrav.expert/index.php/-Статья: Санатории_в_России (дата обращения: 01.11.2025).

5. Право социального обеспечения. Общая часть : учебник / под общ. ред. М. О. Буяновой. – М. : КНОРУС, 2021. – 224 с.

6. Ануфриева, А. В. Правовое регулирование санаторно-курортного лечения в системе социального обеспечения Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / Ануфриева Анна Вячеславовна ; Урал. гос. юрид. ун-т. – Екатеринбург, 2016. – 30 с.

7. Агиевец, С. В. Медицинское право : учеб. пособие / С. В. Агиевец. – Гродно : ГрГУ, 2003. – 167 с.

8. Регалин, В. В. Санаторно-курортная услуга как комплексный вид гражданско-правовой деятельности, защиты жизни и здоровья граждан / В. В. Регалин // Теория и практика общественного развития. – 2017. – № 12. – С. 1–4.

9. Проект Кодекса о здравоохранении // Национальный центр законодательства и правовой информации Республики Беларусь. – URL: https://forumpravo.by/upload/pdf/2024-11-27_Minzdrav_proekt_kodeksa_o_zdravoohranenii.pdf (дата обращения: 01.11.2025).

10. Михайлова, Т. Н. Оценка статуса санаторно-курортных предприятий / Т. Н. Михайлова, О. И. Коваль // Economy and Business: Theory and Practice. – 2022. – Vol. 12–2, nr 94. – P. 26–29.

11. Правила пребывания для отдыхающих и гостей // Государственное предприятие «Санаторий “Белая Русь”». – URL: <https://www.belrus.by/bitrix/templates/belrus/files/Pravila-prebivaniya-v-sanatorii.pdf> (дата обращения: 01.11.2025).

12. Правила пребывания в санатории // Унитарное предприятие «Санаторий “Белорусочка”». – URL: <https://belorusochka.com/informacziya/pravila-prebyvaniya-v-sanatorii/> (дата обращения: 01.11.2025).

REFERENCES

1. Bolbatovskii, G. N. Sanatorno-kurortnoe lechenie i ozdorovlenie naseleniya v Respublike Belarus' / G. N. Bolbatovskii, L. G. Molochko // Mezhdunarodnye obzory: klinicheskaya praktika i zdorov'e. – 2017. – № 3. – S. 39–56.

2. Fesyun, A. D. Normativno-pravovoe regulirovanie sanatorno-kurortnogo lecheniya i meditsinskoj rehabilitatsii / A. D. Fesyun, M. Yu. Yakovlev // Vestnik Meditsinskogo instituta nepreryvnogo obrazovaniya. – 2022. – № 4. – S. 56–59.

3. Respublikanskoe soveshchanie ob itogakh raboty sistemy sanatorno-kurortnogo lecheniya i ozdorovleniya naseleniya v 2024 godu i zadachakh na 2025 god // Respublikanskii tsentr po ozdorovleniyu i sanatorno-kurortnomu lecheniyu naseleniya. – URL: <https://rco.by/?news=855> (data obrashcheniya: 01.11.2025).

4. Reestr kurortnogo fonda Rossii // Zdrav.Expert. – URL: https://zdrav.expert/index.php/-Статья:Санатории_в_России (data obrashcheniya: 01.11.2025).

5. Pravo sotsial'nogo obespecheniya. Obshchaya chast' : uchebnik / pod obshch. red. M. O. Buyanovoi. – M. : KNORUS, 2021. – 224 s.

6. Anufrieva, A. V. Pravovoe regulirovanie sanatorno-kurortnogo lecheniya v sisteme sotsial'nogo obespecheniya Rossijskoi Federatsii : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk : 12.00.05 / Anufrieva Anna Vyacheslavovna ; Ural. gos. yurid. un-t. – Ekaterinburg, 2016. – 30 s.

7. Agievets, S. V. Meditsinskoe pravo : ucheb. posobie / S. V. Agievets. – Grodno : GrGU, 2003. – 167 s.

8. Regalin, V. V. Sanatorno-kurortnaya usluga kak kompleksnyi vid grazhdansko-pravovoi deyatel'nosti, zashchity zhizni i zdorov'ya grazhdan / V. V. Regalin // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. – 2017. – № 12. – S. 1–4.

9. Proekt Kodeksa o zdravookhranении // Natsional'nyi tsentr zakonodatel'stva i pravovoi informatsii Respubliki Belarus'. – URL: https://forumpravo.by/upload/pdf/2024-11-27_Minzdrav_proekt_kodeksa_o_zdravoohranenii.pdf (data obrashcheniya: 01.11.2025).

10. Mikhailova, T. N. Otsenka statusa sanatorno-kurortnykh predpriyatii / T. N. Mikhailova, O. I. Koval' // Economy and Business: Theory and Practice. – 2022. – Vol. 12–2, nr 94. – P. 26–29.

11. Pravila prebyvaniya dlya otdykhayushchikh i gostei // Gosudarstvennoe predpriyatie «Sanatorii “Belaya Rus'”». – URL: <https://www.belrus.by/bitrix/templates/belrus/files/Pravila-prebivaniya-v-sanatorii.pdf> (data obrashcheniya: 01.11.2025).

12. Pravila prebyvaniya v sanatorii // Unitarnoe predpriyatie «Sanatorii “Belorusochka”». – URL: <https://belorusochka.com/informacziya/pravila-prebyvaniya-v-sanatorii/> (data obrashcheniya: 01.11.2025).

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 05.11.2025

УДК 342.951+355.404.6–355.404.7

DOI 10.63874/2218-0281-2026-1-125-132

Денис Владимирович Воробьёв
адъюнкт Института пограничной службы Республики Беларусь
Denis Varabiev
Adjunct of the Institute of Border Service of the Republic of Belarus
[e-mail: wdwded@mail.ru](mailto:wdwded@mail.ru)

СУЩНОСТЬ ПОНЯТИЯ «ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОБСТВЕННОЙ РАДИАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОРГАНОВ ПОГРАНИЧНОЙ СЛУЖБЫ» РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПОДХОДЫ

На основе анализа правовой базы и практики выполнения задач охраны границы при помощи логико-методологических приемов исследования представлены результаты исследования подхода при формировании понятия «обеспечение собственной радиационной безопасности органов пограничной службы». В материале путем выделения существенных характеристик и их толкования предложена дефиниция исследуемого понятия.

Ключевые слова: обеспечение собственной безопасности, органы пограничной службы, охрана, защита, источник ионизирующего излучения.

The Essence of the Concept of «Ensuring the Own Radiation Safety of the Border Service Agencies» of the Republic of Belarus: Theoretical and Legal Approaches

Based on the analysis of the legal framework, the practice of the performing border protection tasks, as well as methods of logical and methodological research, the results of study of the approach to forming the concept of «ensuring the border service's own radiation safety» is presented. In the material, by highlighting the essential characteristics and interpreting them, a definition of the concept under study is proposed.

Key words: ensuring your own safety, border service agencies, security, protection, source of ionizing radiation.

Введение

Постоянная готовность сил и средств органов системы обеспечения национальной безопасности любого государства должна поддерживаться в любых тяжелых условиях обстановки. К таким условиям относятся и радиологические чрезвычайные ситуации (далее – РЧС). РЧС могут возникать прямо и опосредованно при нарушении правил эксплуатации, а также разрушении защитных систем радиационных опасных объектов (далее – РОО). Применительно к органам пограничной службы Республики Беларусь (далее – ОПС) готовность к функционированию в условиях вредного радиационного воздействия (РЧС) должна рассматриваться как деятельность в обстановке, обусловленной

чрезвычайной ситуацией на Государственной границе Республики Беларусь (далее – Государственная граница).

Практика выполнения задач ОПС на территории Полесского государственного радиационного экологического заповедника (далее – ППРЭЗ) позволяет констатировать, что обеспечение собственной радиационной безопасности (далее – ОСРБ) имеет особое значение как на этапе заблаговременной подготовки, так и при непосредственном функционировании подразделений территориальных органов пограничной службы (далее – ТОПС) в условиях вредного радиационного воздействия на жизнь и здоровье сотрудников ОПС.

Важно отметить, что вопросы сущности и содержания понятия ОСРБ в качестве определяющего ведомственное направление обеспечения собственной безопасности (далее – ОСБ) для различных структур в специальной, научной литературе на монографическом уровне до настоящего времени прак-

Научный руководитель – Андрей Николаевич Буай, кандидат военных наук, доцент, профессор кафедры дисциплин обеспечения оперативно-служебной деятельности органов пограничной службы Республики Беларусь Института пограничной службы Республики Беларусь

тически не исследовались. Частным вопросам ОСРБ в Вооруженных силах, подразделениях Министерства внутренних дел и др. были посвящены труды А. П. Еремина и А. Д. Булвы [1, с. 108–122], В. А. Богоненко [2, с. 168–172] и др., зарубежных исследователей А. Л. Колегова [3, с. 271–272], А. В. Борисенко [4, с. 40–51] и др. Направление ОСРБ для ОПС в работах белорусских ученых ранее практически не затрагивалось.

Таким образом, представляется востребованным раскрыть сущность понятия ОСРБ ОПС и сформулировать его определение.

Основная часть

При изучении содержания любого понятия требуется прежде всего определить его объем [5, с. 207–209; 6, с. 2]. В качестве его выступает *обеспечение пограничной безопасности*. При сужении объема выделяется понятие *обеспечения собственной безопасности* (далее – *ОСБ*) *ОПС* в качестве «старшего» родового [7, с. 49–64] к исследуемому понятию – *ОСРБ ОПС*. Их содержание сводится к двум главным элементам: ведомственной принадлежности и целевой деятельности субъектов.

Главным направлением деятельности пограничного ведомства является обеспечение пограничной безопасности, при осуществлении которой согласно ст. 4 Конституции Республики Беларусь и ст. 16 Закона Республики Беларусь «Об органах пограничной службы Республики Беларусь» от 11 ноября 2008 г. № 454-З (далее – Закон «Об ОПС») должна обеспечиваться защита жизни и здоровья сотрудников и членов их семей от различных факторов опасности. К их числу относится и радиационное воздействие различной природы и характера.

Согласно источникам по направлению системы обеспечения национальной безопасности, «*обеспечение безопасности*» – это деятельность уполномоченных субъектов, направленная на предотвращение угроз в отношении сотрудников и членов их семей, материальных средств в интересах выполнения ведомственных задач от посягательств на жизнь здоровье и нанесения ущерба путем различного рода умышленных и иных действий или бездействия» [8, с. 414].

Совокупность результатов анализа и изучения требований к стандартизированному термину [6, с. 3–8], а также терминов, принятых в различных ведомствах (ОПС, Министерства обороны, органов внутренних дел и др.), позволяют утверждать, что их элементы, характеризующие сущность *обеспечения безопасности*, составляют **объекты, субъекты, меры, внешние воздействующие факторы и цели** такой деятельности. Общий логический подход по формулированию определений юридических терминов [5, с. 447–449; 9, с. 71–76] с вышеуказанными составляющими применим и к построению понятия ОСРБ ОПС.

1. **Объектами** ОСРБ ОПС являются две группы собственных (ведомственных) интересов:

1) сохранение жизни и здоровья лиц (сотрудников ОПС и членов их семей);

2) использование по назначению элементов из состава объектов пограничной инфраструктуры, т. е. поддержание их целостности, работоспособности и безопасности использования в условиях вредного радиационного воздействия.

Все сотрудники ОПС, а также члены их семей согласно ст. 16 Закона Республики Беларусь «Об ОПС» являются защищаемыми объектами ОСБ ОПС от различных угроз, сопутствующих служебной деятельности. К сотрудникам ОПС (ст. 21 Закона Республики Беларусь «Об ОПС») относятся военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, в качестве офицеров по призыву, а также срочную военную службу. К категории сотрудников ОПС следует также относить граждан Беларуси из числа гражданского персонала, назначенных на воинские должности офицеров и прапорщиков. В свою очередь, гражданский персонал ОПС – это лица из числа личного состава ОПС, заключившие трудовой договор о работе или о профессиональной служебной деятельности по определенным штатным должностям и специальностям в воинских частях ОПС в целях обеспечения выполнения ими возложенных задач.

Тем не менее обозначенная совокупность **объектов** неполная и должна быть расширена путем включения в число сотрудников ОПС лиц, совместно с ними проживающих, ведущих общее хозяйство. Такие лица, согласно требованиям ст. 1 Закона

Республики Беларусь «О государственной защите» от 13 декабря 1999 г. № 340-З, ст. 1.10 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-З и др., максимально емко выражаются через понятие «близкие». Таким образом, представляется целесообразным предложить изменения: в ст. 16 Закона «Об ОПС» «Обязанности органов пограничной службы» слова «военнослужащих и гражданского персонала органов пограничной службы и членов их семей» заменить на «сотрудников органов пограничной службы и их близких».

Кроме того, на основании результатов исследований в области обеспечения безопасности различных объектов таких белорусских ученых, как, например, В. А. Богоненко [2, с. 168–172], Д. В. Перевалов [10, с. 166–196] и др., а также результатов исследования практики выполнения задач ОПС при подготовке и реализации полномочий в зоне радиоактивного загрязнения можно заключить, что вышеуказанный перечень защищаемых интересов тесно связан с правами и обязанностями по возможности использования материальных средств (вооружение, транспорт, служебные животные, авиационные и иные специальные средства) и элементов пограничной инфраструктуры в условиях вредного радиоактивного воздействия. Поддержание объектов ОСРБ ОПС в безопасности, целостности, работоспособности – это составляющие способности подразделений к выполнению задач, т. е. необходимое условие функционирования ТОПС охраны Государственной границы в РЧС.

2. **Субъекты** ОСРБ ОПС. В контексте исследованных проблем обеспечения пограничной безопасности, положений локальных нормативных актов Госпогранкомитета (пп. 3–51 инструкции «О порядке организации служебной деятельности в ЗРЗ», утвержденной приказом Председателя Госпогранкомитета от 20 марта 2019 г. № 130) к **субъектам** ОСРБ ОПС следует причислять специально уполномоченных сотрудников ОПС. К ним относятся офицеры направления радиационной, химической и биологической защиты ТОПС, управления охраны Государственной границы, подразделений медицинской службы, специальных оперативных групп и иные. Важно отметить перспективу выполняемых задач указанными

субъектами в тесном взаимодействии с сотрудниками иных уполномоченных государственных органов по взаимной координации действий, поддержке силами и средствами, обучении и др.

3. Связующим звеном между объектами и субъектами ОСРБ ОПС служат **меры** по реализации перспективных задач. Анализ и изучение научно-практических материалов в области ОСБ в чрезвычайных условиях [11, с. 1–27; 12, с. 10–107], трудов таких ученых, как М. В. Назаркин [13, с. 133–150] и др., показали, что, несмотря на значительные успехи в решении задач по противодействию широкому спектру угроз, остаются востребованными вопросы разработки, реализации комплекса мер ведомственной ОСБ.

В соответствии с подходами вышеуказанных ученых, а также на основе результатов научных исследований, посвященных оценке РЧС [14, с. 50–72], представляется обоснованным считать, что меры ОСРБ ОПС целесообразно рассматривать как систему, разделяемую в зависимости от целеполагания (правовые, организационно-кадровые, организационно-практические меры и др.), уровня субъектов реагирования на радиационное воздействие (стратегического, оперативного и тактического уровня), периода реализации на практике (заблаговременные, непосредственные) и др.

С учетом результатов изучения вышеуказанных подходов, а также практики выполнения задач по направлению ОСРБ ОПС определено, что под мерами ОСРБ ОПС следует понимать комплекс организационных, правовых, технических мероприятий, направленных на охрану и защиту сотрудников пограничного ведомства и их близких, поддержание материальных средств и объектов пограничной инфраструктуры от факторов вредного радиационного воздействия, осуществляемый в процессе их профессиональной деятельности.

4. **Внешние воздействующие факторы**. Результаты изучения различных научно-практических материалов в области ОСБ ведомств в чрезвычайных условиях [11, с. 1–27; 12, с. 10–107] и др. позволили заключить, что к **внешним воздействующим факторам**, т. е. радиационным поражающим факторам, необходимо относить физические явления, возникающие вследст-

вие распространения ионизирующего излучения, способные привести к вредным последствиям для объектов ОСРБ ОПС, которые следует разделять по характеру причин на боевые и небоевые.

К факторам небоевого характера необходимо относить наличие:

1) участка охраны Государственной границы с повышенным уровнем радиационного загрязнения на украинском направлении (в пределах ППРЭЗ);

2) средств, использующихся в деятельности ТОПС в качестве калибровочных блоков, специальных средств измерения и обнаружения;

3) природных, бесхозных и выявляемых при выполнении задач по предотвращению незаконного трансграничного перемещения предметов через Государственную границу (п. 2 Инструкции о порядке организации радиационной, химической и биологической защиты в органах пограничной службы, утвержденной приказом Председателя Государственного пограничного комитета Республики Беларусь от 2 марта 2022 г. № 82).

В ходе изучения работы Д. С. Чикинева [15, с. 447–449] и анализа развития военно-политической обстановки в странах, граничащих с Республикой Беларусь, сделаны выводы о наличии наиболее значимых в настоящее время факторах боевого характера: последствия использования ядерного оружия и боевое воздействие на РОО.

Главной опасностью для жизни и здоровья сотрудников ОПС и их близких при разрушении РОО будут риски острого и хронического облучения [16, с. 225–229].

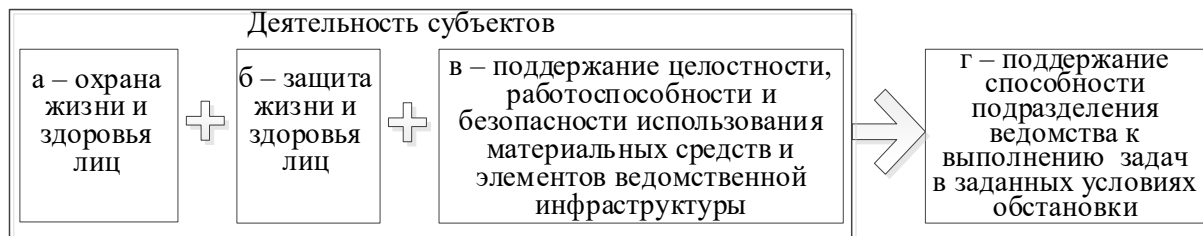

Рисунок – Схема формулирования цели ОСРБ ведомства

Для правильного выстраивания цели в отношении ОСРБ ОПС необходима адаптация составляющих элементов ОСРБ ведомства:

1) элемент «а». Под охраной жизни и здоровья лиц в контексте ОСРБ ОПС, а так-

Кроме того, изучение и анализ трудов зарубежных ученых Джозефа Л. Халпин, Мишеля Лария [17, с. 7–69; 18, с. 35–56] и др. позволили заключить, что осаждение продуктов при взрыве на РОО может привести к коррозии конструкций, разрушению диэлектриков, ослаблению устойчивости конструкций, отказу в работе систем сигнализации и др.

5. Под **целью** ОСРБ ОПС (равно и иного ведомства вне зависимости от его уровня) согласно международным нормам [19, с. 3–120] и требованиям законодательства, принятым в Республике Беларусь (стст. 2, 5, 15 Закона Республики Беларусь «О радиационной безопасности» от 18 июня 2019 г. № 198-З, ст. 20 Закона Республики Беларусь от 05.05.1998 № 141-З «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», санитарных правил и норм и др.), подходам к цели в юридической науке [20, с. 26–28; 21, с. 3–16] следует понимать перспективный результат деятельности уполномоченных субъектов по охране и защите жизни и здоровья всех лиц, контактирующих с источником ионизирующего излучения, а также сохранение целостности, работоспособности и безопасности использования материальных средств, необходимых для выполнения задач, направленных на поддержание способности к функционированию подразделения ведомства в условиях вредного радиационного воздействия (рисунок).

же результатов изучения толкований Большого юридического словаря под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских следует понимать постоянную (заблаговременную) подготовку уполномоченных сотрудников

ОПС (временной период отсутствия опасности) к возникновению РЧС, а именно мероприятия мониторинга и изучение данных обстановки на участке, прогнозы, обучение порядку пользования средствами контроля и защиты, проведение тренировок и др.;

2) элемент «б». Под защитой жизни и здоровья лиц согласно Юридической энциклопедии В. Г. Гавриленко, Н. И. Ядевич в отношении ОСРБ ОПС необходимо понимать реакцию на РЧС, т. е. реализацию мер реагирования на условия изменения радиационной обстановки. К мероприятиям защиты жизни и здоровья лиц необходимо относить оповещение подразделений, восстановление управления ими, работу нештатной оперативной группы и взаимодействие с подразделениями иных специальных органов, передислокацию сил и средств ТОПС в безопасный район, эвакуацию пострадавших, установление специального режима функционирования;

3) элемент «в». К мероприятиям обеспечения надежной эксплуатации материальных средств ОПС, элементов пограничной инфраструктуры в условиях вредного радиационного воздействия необходимо относить сохранение *целостности, работоспособности и безопасности* их использования.

В свою очередь, под *сохранением* целостности указанных средств понимается поддержание их физической структуры и конструкции таким образом, чтобы исключить возможность разрушения, деформации, вызванных радиационным воздействием или сопутствующими факторами (ударная волна, импульсное воздействие, пожары и др.).

Под *работоспособностью* описанных средств следует понимать гарантию по их функционированию при развитии РЧС. Мероприятия данного направления должны быть направлены на выполнение функций сотрудников ОПС по надлежащему обслуживанию материальных средств, объектов пограничной инфраструктуры, поддержанию их в технической исправности, соблюдению сроков регламентных работ и др.

Под *безопасностью* эксплуатации материальных средств ОПС и объектов пограничной инфраструктуры следует понимать минимизацию или исключение рисков причинения вреда жизни и здоровья использующим их сотрудникам ОПС (поддержание

приемлемых уровней радиоактивного загрязнения, соблюдение регламента специальной обработки и др.);

4) элемент «г». Поддержание готовности ведомства к функционированию в условиях вредного радиационного воздействия – это обеспечение возможности функционирования подразделений ведомства в заданных условиях. Составляющими такой готовности должны стать два этапа подготовки: этап постоянной (заблаговременной) подготовки сотрудников, материальных средств и объектов пограничной инфраструктуры в течение календарного года в отсутствие РЧС и этап подготовки к непосредственному функционированию ТОПС в указанных условиях (дискретный этап).

Деятельность уполномоченных субъектов по ОСРБ ОПС на этапе постоянной (заблаговременной) подготовки должна направляться на ежегодное совершенствование способности личного состава к выполнению задач охраны Государственной границы в условиях РЧС (анализ и оценка обстановки с учетом объектов опасности, целевая рекогносцировка местности, формирование замысла начальника ТОПС на функционирование ТОПС в условиях РЧС) и обеспечение безопасности сотрудников и их близких. Поддержание способности подразделения ведомства к выполнению задач в заданных условиях обстановки в отношении материальных средств ОПС включает надлежащее их содержание, учет наличия необходимых запасов расходных материалов, их освежение и др.

На этапе подготовки к непосредственному функционированию ТОПС в условиях развития РЧС субъектами ОСРБ ОПС в целях минимизации вредного воздействия или его устранения будут выполняться ранее спланированные мероприятия подготовительного этапа в отношении сотрудников, их близких и материальных средств ОПС. Кроме того, дополнительно необходимо проводить мероприятия по оповещению, организации работы нештатных групп, обеспечения функционирования специального режима в районе РЧС на приграничной территории, эвакуации лиц и имущества и иные.

Выделенные признаки раскрывают сущность понятия ОСРБ ОПС, под которым следует понимать систему правовых и орга-

низационных мер, включая кадровые и практические аспекты, реализуемых уполномоченными сотрудниками ОПС во взаимодействии с иными государственными органами в целях охраны и защиты жизни и здоровья сотрудников пограничного ведомства, их близких, а также сохранения целостности, работоспособности и безопасного использования материальных средств, элементов из состава объектов пограничной инфраструктуры, что обеспечит их готовность к охране Государственной границы в условиях вредного воздействия факторов радиационного характера.

Заклучение

1. Проведенное исследование подтверждает актуальность формирования понятия ОСРБ ОПС, которая обусловлена угрозами развития РЧС, главным образом боевого характера, и ведомственной спецификой подразделений ОПС в современных условиях.

2. На основании подходов к порядку определения сущности и содержания юридических понятий, а также результатов анализа законодательства, практики обеспечения безопасности в различных чрезвычайных условиях, выделены ключевые признаки: объекты, субъекты, меры, внешние воздействующие факторы, цель.

На основании выделенных признаков сформулировано определение термина

ОСРБ ОПС, под которым следует понимать систему правовых и организационных мер, включая кадровые и практические аспекты, реализуемых уполномоченными сотрудниками ОПС во взаимодействии с иными государственными органами в целях охраны и защиты жизни и здоровья сотрудников пограничного ведомства, их близких, а также сохранения целостности, работоспособности и безопасного использования материальных средств, элементов из состава объектов пограничной инфраструктуры, что обеспечит их готовность к охране Государственной границы в условиях вредного воздействия факторов радиационного характера.

3. Формализация предложенного термина ОСРБ ОПС и его определения в локальных правовых актах Госпогранкомитета позволит сформировать единообразные подходы к форме и содержанию деятельности ОПС, ее конечную цель по охране и защите сотрудников, их близких, поддержанию надлежащего функционирования материальных средств и элементов из состава объектов пограничной инфраструктуры при воздействии факторов вредного радиационного воздействия, а также разграничить его от схожих терминов, применяемых в иных субъектах системы обеспечения национальной безопасности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Еремин, А. П. Государственная система предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций : учеб. пособие / А. П. Еремин, А. Д. Булва. – Мн. : ИВЦ Минфина, 2011. – 256 с.
2. Богоненко, В. А. Правовое обеспечение безопасной эксплуатации объектов атомной энергетики (на примере Франции) / В. А. Богоненко // Вестник Полоцкого государственного университета. – 2009. – № 10. – С. 168–172.
3. Колегов, А. Л. О некоторых проблемах в организации деятельности органов внутренних дел при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций на промышленных объектах ТЭК / А. Л. Колегов, А. Г. Упоров // «Черные дыры» в Российском Законодательстве. – 2007. – № 2. – С. 271–272.
4. Борисенко, А. В. О реализации мер по обеспечению радиационной безопасности в пунктах пропуска Дальневосточного таможенного управления / А. В. Борисенко, Н. В. Берлова, Ю. В. Чубов // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. – 2024. – № 1 (106). – С. 40–51.
5. Бочаров, В. И. Введение в логику / В. И. Бочаров, В. И. Маркин. – М. : ИНФРА-М, 2010. – 560 с.
6. Правила разрабoткi, пoстрoеннiя, iзлoжeннiя i фoрмлeннiя тeрмiнoлoгiчeскiх стaндaртoв = Пpавiлy рaспрaцoўкi, пaбyдoвы, выклaдaннiя i aфaрмлeннiя тeрмiнaлaгiчeскiх стaндaртaў :

СТБ 1.13-2020. – Взамен ТКП 1.13-2014 ; введ. 06.05.2020. – Мн. : Госстандарт : Беларус. гос. ин-т стандартизации и сертификации, 2020. – II, 16 с.

7. Солодухин, О. А. Логика для юристов / О. А. Солодухин. – Ростов н/Д. : Феникс, 2003. – 384 с.

8. Правовая основа обеспечения национальной безопасности Российской Федерации : моногр. / Ю. И. Авдеев, С. В. Аленкин, В. В. Алешин [и др.] ; под ред. А. В. Опалева. – М. : Юниин-ДАНА, 2004. – 511 с.

9. Кененов, А. А. Логические основы законотворческого процесса // А. А. Кененов, Г. Т. Чернобель // Правоведение. – 1991. – № 6. – С. 71–76.

10. Перевалов, Д. В. Обеспечение безопасности критически важных объектов Республики Беларусь: теоретические и правовые проблемы : моногр. / Д. В. Перевалов. – Мн. : Ин-т погран. службы Респ. Беларусь, 2017. – 375 с.

11. Порядок определения необходимого количества сил и средств подразделений по чрезвычайным ситуациям для тушения пожаров : НПБ 64-2017 – Введ. 27.09.17. – Мн. : М-во по чрезвычайным ситуациям Респ. Беларусь, 2017. – 27 с.

12. Защита критической инфраструктуры – Концепция основных мер защиты : рекомендации для предприятий / Федеральное МВД ФРГ. Отдел РП 1. – Бонн, 2006. – 107 с.

13. Назаркин, М. В. Теоретически и прикладные проблемы обеспечения безопасности высокорисковых объектов : моногр. / М. В. Назаркин. – Мн. ; М. : Всерос. науч.-исслед. ин-т МВД России, 2009. – 260 с.

14. Совершенствование работы должностных лиц ТОПС в условиях возникновения ЧС на БелАЭС : отчет о НИР (заключ.) / Ин-т погран. службы Респ. Беларусь ; рук. Щербаков И. В. ; исполн.: Воробьев Д. В. [и др.]. – Мн., 2022. – 189 с. – № НД-0301-2023/ав.

15. Чикинев, Д. С. Перечень угроз радиационной, химической и биологической безопасности Вооруженных сил Российской Федерации / Д. С. Чикинев, Р. Г. Ежов // Пожарная безопасность: проблемы и перспективы. – 2019. – № 10, т. 1. – С. 447–449.

16. Alan J. Kuperman. Nuclear terrorism and global security : monograph / Alan J. Kuperman. – London : Routledge, 2013. – 256 p.

17. Nuclear weapons effects on army tactical systems / Joseph L Halpin [et al.] // Diamond laboratories. – Maryland, 1979. – Vol. 1. – P. 7–69. – URL: <https://apps.dtic.mil/sti/html/tr/ada069672> (date of access: 07.07.2025).

18. Laraia, M. Radioactive contamination and other environmental impacts of waste from nuclear and conventional power plants, medical and other industrial sources / M. Laraia // Researchgate. – 2015. – P. 35–56. – DOI: 10.1016/B978-178242-231-0/00002-8.

19. Criteria for use in preparedness and response for a nuclear or radiological emergency [IAEA Genegal safety guide]. – Vienna, № GSG-2, 2011. – 120 p.

20. Шулятьев, И. А. Понятие цели и значение целей в праве Евразийского экономического союза / И. А. Шулятьев // Вопросы экономики и права. – 2015. – № 88. – С. 26–28.

21. Экимов, А. И. Категория «цель» в советском праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.710 / Экимов Анисим Иванович ; Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. – Л., 1970. – 16 с.

REFERENCES

1. Eremin, A. P. Gosudarstvennaya sistema preduprezhdeniya i likvidatsii chrezvychainykh situatsii : ucheb. posobie / A. P. Eremin, A. D. Bulva. – Мн. : IVTs Minfina, 2011. – 256 s.

2. Bogonenko, V. A. Pravovoe obespechenie bezopasnoi ekspluatatsii ob'ektov atomnoi energetiki (na primere Frantsii) / V. A. Bogonenko // Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2009. – № 10. – S. 168–172.

3. Kolegov, A. L. O nekotorykh problemakh v organizatsii deyatelnosti organov vnutrennikh del pri likvidatsii posledstviu chrezvychainykh situatsii na promyshlennykh ob'ektakh TEK / A. L. Kolegov, A. G. Uporov // «Chernye dyry» v Rossiiskom Zakonodatel'stve. – 2007. – № 2. – S. 271–272.

4. Borisenko, A. V. O realizatsii mer po obespecheniyu radiatsionnoi bezopasnosti v punktakh propuska Dal'nevostochnogo tamozhennogo upravleniya / A. V. Borisenko, N. V. Berlova,

- Yu. V. Chubov // Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke. – 2024. – № 1 (106). – S. 40–51.
5. Bocharov, V. I. Vvedenie v logiku / V. I. Bocharov, V. I. Markin. – M. : INFRA-M, 2010. – 560 s.
6. Pravila razrabotki, postroeniya, izlozheniya i oformleniya terminologicheskikh standartov = Pravily raspratsouki, pabudovy, vykladannya i afarmlennya terminalagichnykh standartov : STB 1.13-2020. – Vzamen TKP 1.13-2014 ; vved. 06.05.2020. – Mn. : Gosstandart : Belorus. gos. in-t standarti-zatsii i sertifikatsii, 2020. – II, 16 s.
7. Solodukhin, O. A. Logika dlya yuristov / O. A. Solodukhin. – Rostov n/D. : Feniks, 2003. – 384 s.
8. Avdeev, Yu. I. Pravovaya osnova obespecheniya natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii : monogr. / Yu. I. Avdeev, S. V. Alenkin, V. V. Aleshin [i dr.] ; pod red. A. V. Opaleva. – M. : Yunini-DANA, 2004. – 511 s.
9. Kenenov, A. A. Logicheskie osnovy zakonotvorcheskogo protsessa // A. A. Kenenov, G. T. Chernobel' // Pravovedenie. – 1991. – № 6. – S. 71–76.
10. Perevalov, D. V. Obespechenie bezopasnosti kriticheskii vazhnykh ob'ektov Respubliki Belarus': teoreticheskie i pravovye problemy : monogr. / D. V. Perevalov. – Mn. : In-t pogram. sluzhby Resp. Belarus', 2017. – 375 s.
11. Poryadok opredeleniya neobkhodimogo kolichestva sil i sredstv podrazdelenii po chrezvy-chainym situatsiyam dlya tusheniya pozharov : NPB 64-2017 – Vved. 27.09.17. – Mn. : M-vo po chrez-vychainym situatsiyam Resp. Belarus', 2017. – 27 s.
12. Zashchita kriticheskoi infrastruktury – Kontsepsiya osnovnykh mer zashchity : rekomen-datsii dlya predpriyatii / Federal'noe MVD FRG. Otdel RII 1. – Bonn, 2006. – 107 c.
13. Nazarkin, M. V. Teoreticheski i prikladnye problemy obespecheniya bezopasnosti vysokoris-kovykh ob'ektov : monogr. / M. V. Nazarkin. – Mn. ; M. : Vseros. nauch.-issled. in-t MVD Rossii, 2009. – 260 s.
14. Sovershenstvovanie raboty dolzhnostnykh lits TOPS v usloviyakh vozniknoveniya ChS na BelaES : otchet o NIR (zaklyuch.) / In-t pogram. sluzhby Resp. Belarus' ; ruk. Shcherbakov I. V. ; ispoln.: Vorob'ev D. V. [i dr.]. – Mn., 2022. – 189 s. – № ND-0301-2023/av.
15. Chikinev, D. S. Perechen' ugroz radiatsionnoi, khimicheskoi i biologicheskoi bezopasnosti Vooruzhennykh sil Rossiiskoi Federatsii / D. S. Chikinev, R. G. Ezhov // Pozharnaya bezopasnost': problemy i perspektivy. – 2019. – № 10, t. 1. – S. 447–449.
16. Alan J. Kuperman. Nuclear terrorism and global security : monograph / Alan J. Kuperman. – London : Routledge, 2013. – 256 p.
17. Nuclear weapons effects on army tactical systems / Joseph L Halpin [et al.] // Diamond laboratories. – Maryland, 1979. – Vol. 1. – P. 7–69. – URL: <https://apps.dtic.mil/sti/html/tr/ada069672> (date of access: 07.07.2025).
18. Laraia, M. Radioactive contamination and other environmental impacts of waste from nuclear and conventional power plants, medical and other industrial sources / M. Laraia // Researchgate. – 2015. – P. 35–56. – DOI: 10.1016/B978-178242-231-0/00002-8.
19. Criteria for use in preparedness and response for a nuclear or radiological emergency [IAEA Genegal safety guide]. – Vienna, № GSG-2, 2011. – 120 p.
20. Shulyat'ev, I. A. Ponyatie tseli i znachenie tselei v prave Evraziiskogo ekonomicheskogo so-yuza / I. A. Shulyat'ev // Voprosy ekonomiki i prava. – 2015. – № 88. – S. 26–28.
21. Ekimov, A. I. Kategoriya «tsel'» v sovetskom prave : dis. ... kand. yurid. nauk : 12.710 / Ekimov Anisim Ivanovich ; Leningr. gos. un-t im. A. A. Zhdanova. – L., 1970. – 16 s.

Диана Сергеевна Береговцова

канд. юрид. наук, доц., доц. каф. теории и истории государства и права
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

Diana Beregovtsova

Candidate of Legal, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of Brest State A. S. Pushkin University
e-mail: beregovtsova.diana@yandex.by

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВ ПАЦИЕНТОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Рассматриваются особенности правового регулирования прав пациентов в Республике Беларусь. С этой целью исследуются Конституция и законодательство Беларуси о здравоохранении: Законы «О здравоохранении», «О трансплантации органов и тканей человека», «О психиатрической помощи», «О вспомогательных репродуктивных технологиях» и др. Исследуется понятие «права пациента», анализируются общие и специальные права пациента и их правовые основы. Наряду с исследованием современного состояния правового регулирования прав пациентов сделан вывод о перспективах развития законодательства Беларуси о правах пациента.

Ключевые слова: правовое регулирование, права пациента, общие права пациента, специальные права пациента, здравоохранение, трансплантация органов и тканей человека, вспомогательные репродуктивные технологии, психиатрическая помощь.

Legal Regulation of Patients' Rights in the Republic of Belarus: Current Status and Development Prospects

The features of the legal regulation of patients' rights in the Republic of Belarus are considered. For this purpose, the Constitution and legislation of Belarus on healthcare are being studied: the Laws «On Healthcare», «On transplantation of human organs and tissues», «On Psychiatric care», «On assisted reproductive Technologies», etc. The concept of «patient's rights» is investigated, the general and special rights of the patient and their legal bases are analyzed. Along with the study of the current state of legal regulation of patients' rights, a conclusion was made about the prospects for the development of Belarusian legislation on patient's rights.

Key words: legal regulation, patient rights, general patient rights, special patient rights, healthcare, human organ and tissue transplantation, assisted reproductive technologies, and psychiatric care.

Введение

Вопросы обеспечения прав пациентов всегда вызывают повышенный интерес со стороны общества, государства и отдельного индивида в связи с тем обстоятельством, что практически каждому человеку рано или поздно приходится по той или иной причине обращаться за медицинской помощью в организации здравоохранения, т. е. выступать в качестве пациента. Кроме того, право на здоровье играет весьма важную роль в системе прав и свобод человека и гражданина по той причине, что здоровье человека выступает важнейшей предпосылкой и фундаментальной основой реализации иных прав и свобод индивида, его социального благополучия.

Значимость права на здоровье подтверждается закреплением его в значимых

международных документах по правам человека, в том числе входящих в структуру т. н. Международного билля о правах человека, в частности во Всеобщей декларации прав человека 1948 г., Международном Пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.

В соответствии со ст. 12 данного Пакта, «государства признают право каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья. При этом меры, которые должны быть приняты государствами, участвующими в Пакте, включают создание условий, которые обеспечивали бы медицинскую помощь и медицинский уход в случае болезни» [1].

Основная часть

Правовое регулирование прав пациента в Республике Беларусь осуществляется Конституцией и принятыми в соответствии с ней актами законодательства. Так, в соответствии со ст. 45 Конституции Республики Беларусь гражданам Республики Беларусь гарантируется право на охрану здоровья, включая бесплатное лечение за счет государственных средств в порядке, установленном законом. Государство создает условия доступного для всех граждан медицинского обслуживания. Граждане заботятся о сохранении собственного здоровья [2]. Данные конституционные нормы развиваются в законах и подзаконных нормативных правовых актах, в том числе посвященных правам пациента, центральное место среди которых играет Закон Республики Беларусь «О здравоохранении», который, во-первых, определяет содержание понятия «пациент», а во-вторых, раскрывает в гл. 9 перечень прав и обязанностей пациента.

В соответствии со ст. 1 Закона «О здравоохранении» под пациентом следует понимать «физическое лицо, обратившееся за медицинской помощью, находящееся под медицинским наблюдением либо получающее медицинскую помощь и (или) в отношении которого проводится медицинская экспертиза» [3]. При этом, исходя из анализа данного определения, не имеет значения, здоров или болен индивид, обратившийся в организацию здравоохранения. В частности, к пациентам относятся лица, в отношении которых проводится медицинская экспертиза, доноры крови и ее компонентов.

Вместе с тем в Законе Республики Беларусь «О здравоохранении» не раскрывается понятие «права пациента», поэтому для его анализа обратимся к научной литературе и законодательству зарубежных стран. В то же время отметим, что даже в научной литературе данная категория не получила должного анализа и разработки.

Попытка легального определения категории «права пациента» была предпринята в России. Так, еще в 1996 г. в Российской Федерации был разработан проект закона «О правах и безопасности пациентов в сфере здравоохранения», который, однако, так и не был принят. В этом проекте закона было сформулировано довольно удачное, на наш

взгляд, определение прав пациентов, как «особых прав, производных от общих гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав человека и реализуемых при получении медицинской и лекарственной помощи и связанных с ней услуг или в связи с любым медицинским вмешательством» [4]. Действительно, права пациента представляют собой совокупность субъективных прав человека, которые производны от общих прав человека и реализуются именно и в связи с получением медицинской помощи. Как отмечают В. И. Порох, В. А. Катрунов и Е. В. Засыпкина, «права пациента как явление, термин и юридическая конструкция производны от прав человека постольку, поскольку пациент – личность» [5]. Подавляющее большинство определений, содержащихся в статьях по праву, так или иначе заимствуют дефиницию прав пациента, содержащуюся в упомянутом выше проекте закона.

Следует признать, что во многих зарубежных странах, таких, например, как Израиль, Литва, Польша и др., приняты специальные законы о правах пациента, однако само определение данной категории в них не содержится, т. к. эти законы нацелены преимущественно на регламентацию отдельных прав лица, обратившегося за получением медицинской помощи. Вместе с тем подход, продемонстрированный в проекте закона Российской Федерации, представляется нам предпочтительным, т. к. четкая дефиниция прав пациента позволяет в конечном итоге наиболее точно определить перечень субъективных прав и свобод, нуждающихся в законодательной регламентации с целью создания системы их всесторонних гарантий.

Таким образом, права пациента в субъективном смысле представляют собой систему субъективных прав человека, производных от общих прав человека, главной особенностью которых является то, что они реализуются в связи с получением индивидом медицинской помощи либо при проведении медицинского вмешательства или иного медицинского воздействия. Отметим, что права пациента также можно понимать и в объективном смысле как совокупность правовых норм, регламентирующих порядок и основные принципы получения индивидом медицинской помощи и/или проведения

в отношении него медицинского вмешательства или иного медицинского воздействия.

Как уже было отмечено выше, центральное место в системе нормативных правовых актов, регламентирующих права пациента, занимает Закон Республики Беларусь «О здравоохранении», а конкретно гл. 9 данного Закона. В ней перечислены общие права пациента, т. е. такие права, которые гарантированы всем пациентам без исключения при обращении их в медицинскую организацию за получением медицинской помощи вне зависимости от вида предоставляемой медицинской помощи, ее специфики, статуса пациента и т. д.

Отметим, что дифференциация прав человека на общие и специальные была предложена В. А. Галай, С. Г. Стеценко. К специальным правам данные авторы обособленно относят права, которые зависят от направления медицинской деятельности, особенностей болезни пациента, особенностей отдельных групп пациентов [Цит. по: 6].

Возвращаясь к общим правам пациента, закрепленным в Законе «О здравоохранении», следует отметить, что к ним белорусский законодатель относит такие права, как право на получение медицинской помощи и отказ от медицинской помощи и вмешательства, выбор лечащего врача и организации здравоохранения, право на участие в выборе методов оказания медицинской помощи, право на пребывание в организации здравоохранения в условиях, соответствующих санитарно-эпидемиологическим требованиям и позволяющих реализовать право на безопасность и защиту личного достоинства, уважительное и гуманное отношение со стороны работников здравоохранения, на информацию о состоянии своего здоровья, на облегчение боли и другие права (ст. 41 Закона «О здравоохранении»).

Относительно новым правом в системе прав пациента является право на отказ от внесения информации, составляющей врачебную тайну, в централизованную информационную систему здравоохранения. Представляется, что закрепление этого права в Законе Республики Беларусь «О здравоохранении» является весьма актуальным и своевременным, т. к. всегда существует гипотетическая вероятность определенных рисков для прав и свобод человека, включая угрозу конфиденциальности персональных

данных, возможность утечки персональной информации и т. д.

Порядок реализации некоторых общих прав пациента конкретизирован в отдельных статьях Закона «О здравоохранении». Например, в ст. 44 закреплен порядок дачи согласия на получение медицинской помощи, в ст. 45 – порядок отказа пациента от медицинской помощи, в том числе медицинского вмешательства, а в ст. 46 – порядок предоставления информации о состоянии здоровья пациента.

В законодательстве Беларуси отмечено, какая информация составляет предмет врачебной тайны, например, к ней относится даже сам факт обращения пациента за медицинской помощью. Вместе с тем в научной литературе по медицинскому праву уже довольно давно высказывается предложение о целесообразности использования термина «медицинская тайна» [7], а не «врачебная тайна», поскольку субъектами сохранения конфиденциальной информации, составляющей такую тайну, являются не только врачи, но и иные медицинские, а также фармацевтические работники, что прямо вытекает из ст. 51 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении»; более того, конфиденциальная информация может быть доступна и иным лицам в силу специфики их деятельности.

Как уже было отмечено выше, права пациента могут быть классифицированы на общие и специальные. К специальным правам пациентов относятся права, которые связаны с определенными направлениями медицинской деятельности и предоставлением определенных видов медицинской помощи. Такие права закреплены в специальных нормативных правовых актах и конкретизированы применительно к особенностям определенных видов медицинской деятельности. Так, например, в Законе Республики Беларусь «О трансплантации органов и тканей человека» [8], который регулирует общественные отношения, возникающие при трансплантации, закреплены права живого донора (в соответствии с Законом забор органов и тканей может быть также осуществлен у умерших доноров), содержатся положения об ограничении круга живых доноров, условиях забора органов у живого донора, также закреплены нормы о порядке

дачи реципиентом согласия на трансплантацию органов и тканей. Например, живому донору должна быть предоставлена полная и объективная информация о состоянии здоровья, а также о последствиях, которые могут для него наступить в связи с изъятием органа. После проведенной операции по забору органов и тканей, донор имеет право на получение компенсации расходов для восстановления его здоровья, а также на пособие по временной нетрудоспособности в размере 100 % заработка.

Отметим, что забор органов и тканей у живого донора, безусловно, способен оказать негативное влияние на состояние его здоровья, что обусловило необходимость закрепления дополнительных прав данной категории пациентов, а также дополнительных гарантий прав человека в области трансплантологии, в частности путем ограничения круга живых доноров путем исключения из них, например, несовершеннолетних, недееспособных, беременных женщин и т. д. Вместе с тем в законодательстве Республики Беларусь о трансплантации органов и тканей из круга живых доноров также исключены доноры, не являющиеся близкими родственниками, супругами, за исключением случаев забора костного мозга, гомопоэтических стволовых клеток, перекрестной трансплантации. Полагаем, что неродственные доноры не случайно исключены из круга живых доноров. Представляется, что это сделано в целях недопущения коммерциализации здравоохранения, предотвращения торговли органами и тканями. Более целесообразным видится развитие трансплантологической помощи в направлении увеличения количества трансплантаций органов и тканей от умерших доноров, что, кстати, и происходит сейчас в Республике Беларусь.

Общественные отношения в области донорства крови и ее компонентов регламентируются Законом «О донорстве крови и ее компонентов», закрепляющим нормы, посвященные правам донора, под которым в соответствии со ст. 1 этого Закона понимается «пациент, прошедший медицинский осмотр и сдающий кровь, ее компоненты» [8]. К правам донора крови и ее компонентов относятся такие права, как право на ознакомление с результатами медицинского осмотра, на получение полной и достоверной ин-

формации о состоянии здоровья, на освобождение от работы, на сохранение среднего заработка за день сдачи крови, на получение бесплатного питания в день донации, возмещение расходов, связанных с выполнением донорской функции либо на отказ от такого возмещения и т. д. Следует отметить, что действующая в настоящее время редакция Закона «О донорстве крови и ее компонентов» расширила перечень прав донора по сравнению с ранее действовавшей редакцией, а закреплённая законодателем система этих прав свидетельствует о его стремлении наиболее полно и всесторонне гарантировать реализацию права на охрану здоровья, а также о желании согласовать нормы различных нормативных правовых актов Республики Беларусь в области охраны здоровья населения, в том числе и в области закрепления как общих так и специальных прав пациента.

К специальным правам пациента, отличающимся особенностями правового регулирования, следует отнести также права пациентов при оказании им психиатрической помощи, которые конкретизированы в ст. 21 Закона «Об оказании психиатрической помощи» [10]. Так, при оказании данного вида помощи пациенты также имеют право на уважительное и гуманное отношение, на информацию о состоянии здоровья, применяемых методах оказания психиатрической помощи, получение информации о квалификации врача и др.

Отдельно в рамках данного Закона закреплёны права пациентов, находящихся в психиатрических стационарах. Такие права устанавливаются дополнительно к правам, закреплённым для индивидов при оказании им психиатрической помощи, и включают, в частности, право обращаться к заведующему отделением или руководителю организации здравоохранения по вопросам оказания психиатрической помощи, право выписывать газеты и журналы, иметь при себе религиозную литературу. Также такие пациенты имеют и некоторые иные права, которые, однако, могут быть ограничены заведующим отделением на основании рекомендации лечащего врача: например, вести переписку, пользоваться телефоном, иной компьютерной техникой, принимать посетителей и т. д.

В Законе «Об оказании психиатрической помощи» предусмотрены гарантии прав пациентов, находящихся в стационаре, в частности, закреплено, что психиатрическая помощь в стационарных условиях оказывается в наименее ограничительной для пациента форме, обеспечивающей его безопасность, а меры физической изоляции применяются только в случаях и в формах, когда невозможно иными методами предотвратить действия (бездействие) пациента. Кроме того, оказание помощи в психиатрическом стационаре возможно, как правило, в добровольном порядке на основании письменного согласия самого лица либо его законного представителя. В принудительном порядке такая помощь может оказываться на основании решения суда о госпитализации и лечении либо на основании заключения врачебно-консультационной комиссии государственной организации здравоохранения о необходимости проведения принудительно освидетельствования и санкции прокурора (заключения врача-специалиста о необходимости проведения такого освидетельствования).

Отметим, что пациенты, находящиеся в психиатрических стационарах, являются одной из наиболее уязвимых категорий пациентов, прежде всего в связи с особенностями состояния здоровья, которые зачастую препятствуют получению и пониманию информации о своих правах и способах их защиты, в связи с чем права данной категории лиц нуждаются в системе дополнительных законодательных и организационных гарантий.

В Законе Республики Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологиях» детализированы права пациентов при применении таких технологий. В соответствии со ст. 14 данного Закона пациенты имеют право на полную и достоверную информацию о состоянии репродуктивного здоровья, на получение информации о применяемых репродуктивных технологиях, их рисках, эффектах и возможных осложнениях, на использование донорских половых клеток, выбор суррогатной матери и иные права в соответствии с действующим законодательством Беларуси [11].

Как было отмечено выше, в соответствии с законодательством Республики Беларусь пациенты при применении вспомогательных репродуктивных технологий имеют

право на выбор суррогатной матери. Суррогатное материнство относится к категории достаточно спорных репродуктивных технологий, поэтому во многих странах оно законодательно запрещено либо разрешено лишь на безвозмездной основе. Действительно, возмездное суррогатное материнство зачастую финансово доступно лишь небольшому количеству пар (женщин), поэтому использование данной технологии на возмездной основе предполагает определенный уровень доходов, в связи с чем она остается фактически недоступной для подавляющего большинства бесплодных пар. Кроме того, остаются вопросы о биологической связи между суррогатной матерью (в документах ВОЗ и научной литературе используется также термин «гестационный курьер») и ребенком (даже при отсутствии генетической связи, возникающей в процессе беременности). Суррогатное материнство связано с возникновением и иных этико-правовых проблем, в связи с чем всегда будет привлекать к себе внимание и вызывать многочисленные споры. Тем не менее данная репродуктивная технология легализована в законодательстве Республики Беларусь как на возмездной, так и на безвозмездной основе.

Таким образом, правовое регулирование прав пациента в Республике Беларусь осуществляется комплексом рассмотренных выше нормативных правовых актов. Вместе с тем в ноябре 2024 г. по инициативе Министерства здравоохранения Республики Беларусь было проведено общественное обсуждение проекта Кодекса Республики Беларусь «О здравоохранении» [12] как акта, который систематизировал законодательство Беларуси в области охраны здоровья населения. Представляется, что использование кодифицированного нормативного правового акта довольно удобно для правоприменителей, пациентов, а также медицинских и фармацевтических работников. Проект кодекса содержит в систематизированном виде нормы рассмотренных в настоящей статье нормативных правовых актов. В гл. 11 проекта закреплены права и обязанности пациента, а непосредственно система его общих прав конкретизирована в ст. 79, в то время как специальные права закреплены в иных главах проекта, посвященных отдельным направлениям медицинской деятельности,

например, в гл. 16 «Применение вспомогательных репродуктивных технологий» содержатся права пациента при применении таких технологий.

Заключение

Считаем целесообразным сделать некоторые выводы теоретического и практического характера:

1. Правовое регулирование прав пациента в Республике Беларусь осуществляется Конституцией и принятыми в соответствии с ней актами законодательства, среди которых можно выделить базовый Закон «О здравоохранении», а также специальные Законы, регламентирующие отдельные виды специализированной медицинской помощи: Закон «О трансплантации органов и тканей человека», «О психиатрической помощи», «О вспомогательных репродуктивных технологиях» и др.

2. Дальнейшее совершенствование правового регулирования прав пациента возможно в двух направлениях: либо принятие закона «О правах пациента», либо (и к такому пути склоняется белорусский законодатель) принятие кодифицированного нор-

мативного правового акта – Кодекса Республики Беларусь «О здравоохранении» – с целью наиболее системного и качественного правового регулирования общественных отношений в области охраны здоровья населения.

3. Представляется целесообразным закрепить в законодательстве Республики Беларусь следующую дефиницию прав пациента и с этой целью внести изменения и дополнения в ст. 1 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении»: «*Права пациента – субъективные права человека, реализуемые им при обращении за медицинской помощью или ее получении, нахождении под медицинским наблюдением*». Полагаем, что целесообразно также внести соответствующие изменения в ст. 1 проекта Кодекса Республики Беларусь «О здравоохранении».

4. Считаем целесообразным использовать в законодательстве Республики Беларусь термин «медицинская тайна» вместо термина «врачебная тайна» в связи с тем, что субъектами сохранения такой тайны выступают не только врачи, но и иные медицинские работники, а также фармацевтические работники и иные лица, которым данная информация может быть доступна в силу специфики их деятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах : принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г. // ООН. – Конвенции и приглашения. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 3.02.2026).

2. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. // *ilex* : информ. правовая система. – URL: <https://ilex-private.ilex.by/view-document/BELAW/196666/#M100354> (дата обращения: 03.02.2026).

3. О здравоохранении : Закон Респ. Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-ХІІ : в ред. от 08 июля 2024 г. № 26-3 // *ilex* : информ. правовая система. – URL: <https://ilex-private.ilex.by/view-document/BELAW/219337/o%20здравеохранении?searchKey=acdq&docSwitcher-Key=ozkk&searchPosition=1#M101874> (дата обращения: 03.02.2026).

4. О правах и безопасности пациентов в сфере здравоохранения : проект Федер. закона № 96700403-2 (ред., внесенная в ГД ФС РФ : по состоянию на 19.03.1996) // *КонсультантПлюс*. Россия : справ. правовая система. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=54009#4M145AV5a2H260p6> (дата обращения: 03.02.2026).

5. Порох, В. И. Основы концепции обеспечения прав пациента / В. И. Порох, В. А. Катрунов, Е. В. Засыпкина // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. – 2014. – № 1 (27). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovy-kontseptsii-obespecheniya-prav-patsienta> (дата обращения: 03.02.2026).

6. Козаченко, Ю. А. Вопросы систематизации прав пациента / Ю. А. Козаченко // *Проблемы законности*. – 2014. – № 125. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-sistematizatsii-prav-patsienta> (дата обращения: 09.02.2026).

7. Цыпина, Е. Б. Понятие медицинской тайны в законодательстве и научной доктрине / Е. Б. Цыпина // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. – 2019. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-meditsinskoy-tayny-v-zakonodatelstve-i-nauchnoy-doktrine> (дата обращения: 03.02.2026).

8. О трансплантации органов и тканей человека : Закон Респ. Беларусь от 04 марта 1997 г. № 2435-XII : в ред. от 15 июля 2021 г. № 120-3 // *ilex* : информ. правовая система. – URL: <https://ilex-private.ilex.by/view-document/BELAW/195331/o%20трансплантации?searchKey=pf-h2&docSwitcherKey=brcm&searchPosition=1#M100001> (дата обращения: 05.02.2026).

9. О донорстве крови и ее компонентов : Закон Респ. Беларусь от 30 нояб. 2010 г. № 197-3 : в ред. от 14 окт. 2022 г. № 197-3 // *ilex* : информ. правовая система. – URL: <https://ilexprivate.ilex.by/view-document/BELAW/250948/o%20донорстве%20крови%20и%20ее%20компонентов?searchKey=d6xr&docSwitcherKey=ph8o&searchPosition=5#M100001> (дата обращения: 06.02.2026).

10. Об оказании психиатрической помощи : Закон Респ. Беларусь от 07 янв. 2012 г. № 349-3 : в ред. от 11 окт. 2024 г. № 36-3 // *ilex* : информ. правовая система. – URL: <https://ilex-private.ilex.by/view-document/BELAW/215817/o%20психиатрической%20помощи?searchKey=p544&docSwitcherKey=z3x0&searchPosition=1#M100232> (дата обращения: 05.02.2026).

11. О вспомогательных репродуктивных технологиях : Закон Респ. Беларусь от 07 янв. 2012 г. № 341-3 : в ред. от 28 дек. 2023 г. № 324-3 // *ilex* : информ. правовая система. – URL: <https://ilex-private.ilex.by/view-document/BELAW/213191/o%20вспомогательных%20репродуктивных%20технологиях?searchKey=glg0&docSwitcherKey=tb7e&searchPosition=1#M100128> (дата обращения: 05.02.2026).

12. О здравоохранении : проект кодекса // Правовой форум Беларуси. – URL: https://forumpravo.by/upload/pdf/2024-11-27_Minzdrav_proekt_kodeksa_o_zdravooхранenii.pdf (дата обращения: 06.02.2026).

REFERENCES

1. Mezhdunarodnyi pakt ob ekonomicheskikh, sotsial'nykh i kul'turnykh pravakh : prinyat rezolyutsiei 2200 A (XXI) General'noi Assamblei ot 16 dekabrya 1966 g. // OON. – Konventsii i soglasheniya. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обрaшчeния: 3.02.2026).

2. Konstitutsiya Respubliki Belarus' : s izm. i dop., prinyatymi na resp. referendumakh 24 noyab. 1996 g., 17 okt. 2004 g. i 27 fevr. 2022 g.) // *ilex* : inform. pravovaya sistema. – URL: <https://ilex-private.ilex.by/view-document/BELAW/196666/#M100354> (дата обрaшчeния: 03.02.2026).

3. O zdravookhranenii : Zakon Resp. Belarus' ot 18 iyunya 1993 g. № 2435-XII : v red. ot 08 iyulya 2024 g. № 26-Z // *ilex* : inform. pravovaya sistema. – URL: <https://ilex-private.ilex.by/view-document/BELAW/219337/o%20zdravookhranenii?searchKey=acdq&doc-Switcher-Key=ozkk&searchPosition=1#M101874> (дата обрaшчeния: 03.02.2026).

4. O pravakh i bezopasnosti patsientov v sfere zdravookhraneniya : proekt Feder. zakona № 96700403-2 (red., vnesennaya v GD FS RF : po sostoyaniyu na 19.03.1996) // Konsul'tantPlyus. Rossiya : sprav. pravovaya sistema. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=54009#4M145AV5a2H260p6> (дата обрaшчeния: 03.02.2026).

5. Porokh, V. I. Osnovy kontseptsii obespecheniya prav patsienta / V. I. Porokh, V. A. Katrunov, Ye. V. Zasypkina // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. – 2014. – № 1 (27). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovy-kontseptsii-obespecheniya-prav-patsienta> (дата обрaшчeния: 03.02.2026).

6. Kozachenko, Yu. A. Voprosy sistematizatsii prav patsienta / Yu. A. Kozachenko // Problemy zakonnosti. – 2014. – № 125. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-sistematizatsii-prav-patsienta> (дата обрaшчeния: 09.02.2026).

7. Tsypina, E. B. Ponyatie meditsinskoi tainy v zakonodatel'stve i nauchnoi doktrine / E. B. Tsypina // Vestnik YuUrGU. Seriya: Pravo. – 2019. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-meditsinskoy-tayny-v-zakonodatelstve-i-nauchnoy-doktrine> (дата обрaшчeния: 03.02.2026).

8. O transplantatsii organov i tkanei cheloveka : Zakon Resp. Belarus' ot 04 marta 1997 g. № 2435-XII : v red. ot 15 iyulya 2021 g. № 120-Z // ilex : inform. pravovaya sistema. – URL: <https://ilex-private.ilex.by/view-document/BELAW/195331/o%20transplantatsii?searchKey=pfh2&-docSwitcherKey=brcm&searchPosition=1#M100001> (data obrashcheniya: 05.02.2026).

9. O donorstve krovi i ee komponentov : Zakon Resp. Belarus' ot 30 noyab. 2010 g. № 197-Z : v red. ot 14 okt. 2022 g. № 197-Z // ilex : inform. pravovaya sistema. – URL: <https://ilexprivate.ilex.by/view-document/BELAW/250948/o%20donorstve%20krovi%20i%20ee%20komponentov?-searchKey=d6xr&docSwitcherKey=ph8o&searchPosition=5#M100001> (data obrashcheniya: 06.02.2026).

10. Ob okazanii psikhiatricheskoi pomoshchi : Zakon Resp. Belarus' ot 07 yanv. 2012 g. № 349-Z : v red. ot 11 okt. 2024 g. № 36-Z // ilex : inform. pravovaya sistema. – URL: <https://ilex-private.ilex.by/viewdocument/BELAW/215817/o%20psikhiatricheskoi%20pomoshchi?searchKey=p-544&docSwitcherKey=z3x0&searchPosition=1#M100232> (data obrashcheniya: 05.02.2026).

11. O vspomogatel'nykh reproductivnykh tekhnologiyakh : Zakon Resp. Belarus' ot 07 yanv. 2012 g. № 341-Z : v red. ot 28 dek. 2023 g. № 324-Z // ilex : inform. pravovaya sistema. – URL: <https://ilex-private.ilex.by/view-document/BELAW/213191/o%20vspomogatel'nykh%20reproductivnykh%20tekhnologiyakh?searchKey=glg0&docSwitcherKey=tb7e&searchPosition=1#M100128> (data obrashcheniya: 05.02.2026).

12. O zdavookhraneniі : proekt kodeksa // Pravovoi forum Belarusi. – URL: https://forum-pravo.by/upload/pdf/2024-11-27_Minzdrav_proekt_kodeksa_o_zdravookhraneniі.pdf (data obrashcheniya: 06.02.2026).

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 11.02.2026

УДК 347.6:341

DOI 10.63874/2218-0281-2026-1-141-147

Дмитрий Григорьевич Василевич

канд. юрид. наук,

доц. Университета Национальной академии наук Беларуси

Dmitry Vasilevich

Candidate of Legal Sciences,

Associate Professor of University of the National Academy of Sciences of Belarus

e-mail: Dmitry8157@gmail.com

СУРРОГАТНОЕ МАТЕРИНСТВО В НАЦИОНАЛЬНОМ И МЕЖДУНАРОДНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Анализируются теоретико-прикладные, национальные и международные подходы к правовому регулированию отношений по поводу суррогатного материнства. Право воспользоваться услугами суррогатной матери должно рассматриваться как способ реализации репродуктивных прав. В некоторых случаях возможно ограничение этого права. Важным аргументом в защиту суррогатного материнства является природное желание человека продолжать свой род. Суррогатное материнство в нашей республике и за рубежом становится обыденным средством одного из современных видов вспомогательных репродуктивных технологий, который позволяет преодолеть бесплодие и стать родителями лицам, которые не имели такой возможности в силу физиологических причин. Анализируется социально-культурный контекст взглядов и практической реализации права на суррогатное материнство.

Ключевые слова: суррогатное материнство, генетические родители, религия и суррогатное материнство, коммодификация суррогатного материнства.

Surrogacy in the National and International Dimension

The article analyzes theoretical and applied, national and international approaches to the legal regulation of surrogacy. The right to use a surrogate mother should be considered as a way to exercise reproductive rights. In some cases, this right may be restricted. An important argument in favor of surrogacy is the natural desire of humans to continue their lineage. Surrogate motherhood in our country and abroad is becoming a common means of one of the modern types of assisted reproductive technologies, which allows people who have not been able to become parents due to physiological reasons to overcome infertility and become parents. The article analyzes the socio-cultural context of views and the practical implementation of the right to surrogate motherhood.

Key words: surrogacy, genetic parents, religion and surrogacy, commodification of surrogacy.

Введение

Одним из важнейших конституционных прав человека является право иметь детей. Речь идет не только о частном (личном) интересе (праве на деторождение), но и государственном интересе, поскольку современные государства с учетом перспектив своего развития принимают комплекс мер, направленных на обеспечение своей демографической безопасности. Даже в формальном аспекте можно отметить, что наличие народа – это неотъемлемый признак государства. Государство с большей численностью населения, особенно если в его структуре преобладают дети и молодежь, имеет большие перспективы для развития.

Законодательство о суррогатном материнстве направлено на обеспечение возможности семьям иметь детей. Законодатель Республики Беларусь исходит из признания прогрессивности современной тенденции к

развитию брачно-семейных отношений, в т. ч. когда люди нуждаются в помощи суррогатного материнства. Такое правовое регулирование института суррогатного материнства отличается от установленного в Российской Федерации и других постсоветских республиках. В частности, в белорусском законодательстве в отличие от российского предусмотрена презумпция материнства и отцовства генетических родителей. Кроме того, реализация права на материнство не увязывается с реализацией права на отцовство, поскольку воспользоваться услугами суррогатного материнства вправе как незамужние женщины, так и женщины, состоящие в браке; главное условие при этом – медицинские показания.

К сожалению, семейные пары, лица, состоящие в брачных отношениях, не всегда могут по медицинским показаниям иметь детей. На наш взгляд, право воспользоваться

услугами суррогатной матери должно рассматриваться как способ реализации репродуктивных прав. Иное дело, что в некоторых случаях возможно ограничение этого права. Важным аргументом в защиту суррогатного материнства является природное желание человека продолжать свой род.

Основная часть

Суррогатное материнство в нашей республике и за рубежом становится, можно сказать, обыденным средством одного из современных видов вспомогательных репродуктивных технологий, который позволяет преодолеть бесплодие и стать родителями лицам, которые не имели такой возможности в силу физиологических причин [1, р. 24–29]. За рубежом вначале возникло традиционное, или частичное, суррогатное материнство, когда суррогатная мать вынашивала и затем передавала ребенка бесплодной паре. При этом ребенок был зачат с использованием генетического материала одного из его потенциальных родителей и донора – мужчины или женщины.

Справедливо отмечается, что такому методу преодоления бесплодия, как суррогатное материнство, присущи непростые и дискуссионные этические, психологические и социальные аспекты, которые необходимо учитывать при нормативном правовом регулировании [2]. Полезно было бы в Республике Беларусь провести исследование, как это делается за рубежом [3, р. 2196–2204], относительно выявления причин согласия женщин стать суррогатной матерью, как развивались отношения с «заказчиками», какие она испытывала трудности эмоционального характера после передачи ребенка генетическим родителям, нуждалась ли она в психологической помощи, что, на ее взгляд, необходимо изменить в законодательстве.

Специалисты-медики обращают внимание на психологические проблемы, возникающие у суррогатной матери при рождении ребенка, в связи с чем считают необходимым наличие у такой женщины хотя бы двух своих детей [4, с. 64–67]. Представляется, что данную позицию следует учитывать.

Исследователи, придерживающиеся мусульманской религии, выделяют три основных варианта:

а) матерью новорожденного является суррогатная мать;

б) биологическая мать;

в) обе они.

Поддерживаем вывод, что родство матери с новорожденным зависит от того, чьей яйцеклеткой создан плод [5, р. 337–348].

Нестандартно выглядит законодательство Великобритании. Там не только допускается использование суррогатного материнства однополыми парами (что, на наш взгляд, недопустимо в условиях Беларуси), но и необходимо в период от 6 недель до 6 месяцев после рождения ребенка подать заявление о выдаче родительского ордера [6, р. 358–362].

Законодательство о суррогатном материнстве направлено на обеспечение семьям возможности иметь детей. Законодатель Республики Беларусь исходит из признания прогрессивности современной тенденции к развитию брачно-семейных отношений, в т. ч. когда люди нуждаются в помощи суррогатного материнства. Такое правовое регулирование института суррогатного материнства сближается с установленным порядком в Российской Федерации и других постсоветских республиках, входящих в Содружество Независимых Государств.

Отмечается влияние системы социальных убеждений, включая культуру, религию, на отношение к суррогатному материнству; например, подчеркивается особая важность для мусульман сохранения исламской идентичности [7, р. 3230–3251; 8]. Конечно, большинство граждан ориентируется на традиционное рождение детей.

М. Е. Хмарская считает, что в договоре суррогатного материнства должны быть закреплены следующие положения: «компенсация расходов на медицинское обслуживание; компенсация потерь в заработке; место проживания суррогатной матери в период беременности; медицинское учреждение, где будет происходить искусственное оплодотворение; последствия рождения неполноценного ребенка; обязанность суррогатной матери соблюдать все предписания врача, направленные на рождение здорового ребенка; обязанность суррогатной матери передать ребенка после рождения генетическим родителям; обязанность генетических родителей принять ребенка; санкции за невыполнение условий договора» [9]. По ее мнению, гарантией надлежащего исполнения взятых обязательств могут быть

штраф и полная компенсация недобросовестной стороной понесенных по ее вине расходов, возмещение морального вреда; материальное возмещение должно быть существенным. Если «заказчики» откажутся от ребенка, то на них должны возлагаться расходы, связанные с его содержанием. Она рассматривает также вариант, когда суррогатная мать является анонимной (что выглядит необычно). В таком случае заключается договор между суррогатной матерью и медицинским учреждением, где будут проводиться искусственное оплодотворение и дальнейшее наблюдение за протеканием беременности, а также договор между этим медицинским учреждением и супругами-заказчиками [9]. Однако обоснованность такого варианта сомнительна.

Г. В. Богданова полагает, что «к рассматриваемым отношениям неприменимы нормы гражданского права по причине особого личного характера отношений между супругами-заказчиками и суррогатной матерью; это особое по своему содержанию обязательство, которое принимает на себя суррогатная мать в плане вынашивания, рождения и передачи ребенка супругам; специфика прав и обязанностей сторон в дальнейшем, когда суррогатная мать пожелает стать мамой и откажется передать ребенка заказчиком, оставив его себе, а супруги-заказчики не вправе воздействовать на нее или тем более привлечь ее к ответственности за неисполнение обязательства и др.» [10]. Необходимо учитывать также наличие возникающих конституционно-правовых отношений.

Условия договора могут быть грубо нарушены суррогатной матерью во время ее беременности, что может нанести вред здоровью вынашиваемого ребенка либо повлечь дополнительные расходы.

Т. Е. Борисова считает, что суррогатная мать обязана незамедлительно сообщать супругам-заказчикам о возникновении у нее дополнительных расходов с ее стороны, угрозах нормальному протеканию беременности, здоровью будущего ребенка. Если этого не сделано, то тогда она не имеет права на требования к супругам-заказчикам о возмещении понесенных ею в связи с этим расходов [11]. Полагаем, что решение данного вопроса зависит от конкретной ситуации и причин, по которым не были вовремя поставлены в известность супруги-заказчики.

Представляется обоснованным закрепление возможности не только женщин, но и мужчин воспользоваться суррогатным материнством. О запрете использования суррогатного материнства в коммерческих целях указывается в Брюссельской декларации 1985 г. Всемирной медицинской ассоциации. Комитет Совета Европы по биологической этике и искусственным методам деторождения принял ряд рекомендаций относительно суррогатного материнства. Признано, что при определенных обстоятельствах использование медицинских технологий для суррогатного материнства может быть допущено на уровне национального законодательства. Однако суррогатная мать не должна получать никакой материальной выгоды.

Несколько в ином плане, но также весьма интересно и важно для практики выглядит постановление Конституционного Суда РФ от 2 марта 2023 г. № 7-П по делу о проверке конституционности п. 2 ст. 17 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М. В. Григорьевой. Суд признал допустимым взыскание компенсации за страдания по причине утраты возможности иметь семейные связи по причине гибели отца.

Суды РФ рассматривали жалобы заявительницы, поданные в интересах своего ребенка, который лишился возможности общения с отцом. Суд первой инстанции удовлетворил жалобы, а апелляционной инстанцией решение суда было отменено. В иске было отказано. Конституционный Суд, отметил, что правоспособность возникает в момент рождения, однако Конституционный Суд указал, что факт причинения страданий должен предполагаться [12]. Такую позицию Конституционного Суда подверг критике Э. М. Эрделевский, считающий, что причинить страдания можно только когда уже имеются права; кроме того, он подчеркнул, что такой подход может быть распространен на случаи гибели иных родственников [13, с. 8–9]. Однако с его позицией нельзя согласиться по причине нарушения права ребенка на общение с отцом, отцовскую заботу.

Полагаем, что законодательство и правоприменительная практика в Беларуси должны развиваться в этом направлении. Однако возникает проблема с возвратом

уплаченных алиментов на содержание ребенка. Указанная позиция ЕСПЧ может быть увязана также с правом взрослого ребенка выяснять, кто был суррогатной матерью.

Звучит критика и в связи с коммерциализацией биологических функций человека [14, р. 1345–1373]. Однако, на наш взгляд, компенсация физических и душевных затрат суррогатной матери должна быть адекватной. Обращается внимание на существующие диспропорции в доходах населения на европейском, азиатском и африканском континентах, США, что актуализирует вопрос о справедливости при осуществлении транснационального суррогатного материнства [15, р. 75–93]. Касаясь, например, факта превращения Индии в один из центров суррогатного туризма, в литературе справедливо подчеркивается необходимость обеспечения справедливого возмещения физических и моральных затрат женщинам, оказывающих такие услуги [16, р. 329–343].

В публичном пространстве часто рекомендуется взамен рождения детей посредством использования суррогатного материнства родителям, прибегающим к его помощи, брать на воспитание детей, оказавшихся сиротами. При несомненном преимуществе такого подхода нет веских оснований и для того, чтобы лишать возможности родить ребенка, используя соответствующие медицинские технологии, и заключить указанный выше договор. Кроме того, в последнем случае более надежно исследуется генетика будущего ребенка. Опыт усыновления (удочерения) гражданами западных стран показывает, что часто они берут на воспитание детей с особенностями психофизического развития и благодаря заботе, достижениям медицины в дальнейшем дети добиваются таких же успехов, как и полностью здоровые дети. Обратим внимание также на то, что генетика может использоваться вопреки интересам человека. В частности, указывалось, что ее достижения в США использовались для трудовой сегрегации [17, с. 19–33].

В литературе предлагается выделить договор суррогатного материнства в самостоятельный тип договора об оказании услуг. Одни авторы указывают, что в таких условиях женщина выступает в качестве своего рода инкубатора; предметом такого договора является процесс вынашивания и

рождения ребенка, а не сам ребенок; суррогатная мать в данном случае оказывает услугу [18].

Другие авторы считают, что договор суррогатного материнства является смешанным договором, сочетающим в себе элементы поименованных в объективном праве и элементы непоименованных договоров (т. е. в договоре содержатся условия о купле-продаже, оказании услуг и др.) [19].

В научной литературе высказано мнение, что в целях предотвращения кровосмешения в семейном законодательстве необходимо указать на недопустимость привлечения в качестве доноров близких родственников как жены, так и мужа в зависимости от ситуации [20, с. 17]. Полагаем, что данный вопрос оптимально решен в ст. 9 Закона Республики Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологиях»: донор по отношению к пациенту может быть анонимным и не анонимным. Не анонимным донором может быть только родственник пациента (в отношении пациентки – ее родственник женского пола, в отношении пациента – его родственник мужского пола).

В то же время ЕСПЧ подтвердил право на судебное оспаривание юридической презумпции отцовства [21]. Наряду с правом ребенка, зачатого в результате ЭКО или рожденного от суррогатной матери, знать своего родителя, обратим внимание на рассмотренное ЕСПЧ дело, в котором заявителем ставился вопрос о праве общаться с ребенком, рожденным вне брачных отношений: мужчина имел отношения с замужней женщиной, в результате которых она родила от него ребенка. Эта женщина и ее юридический муж, хотя и допускали его биологическое отцовство, возражали против юридического удостоверения его отцовства и допуска его к общению с ребенком. Суды Германии отказали заявителю в признании его права доступа к ребенку, посчитав, что его нельзя рассматривать в качестве лица, имеющего с ребенком социальные и семейные связи. ЕСПЧ, рассматривая заявление предполагаемого биологического отца, обратил внимание на необходимость исходить в своих оценках из наилучших интересов ребенка. Он отметил, что семейная связь с ребенком не была сформирована по причине нежелания состоящей в юридическом браке супружеской пары. Была дана оценка тому

факту, что биологический отец сопровождал женщину на медицинское обследование в период беременности, признавал свое отцовство. При решении данного вопроса ЕСПЧ указал на необходимость уравнивания интересов всех участников, обращая внимание на обеспечения наилучшего интереса ребенка. Поэтому было признано, что национальные суды не отразили в своих решениях обстоятельства, оправдывающие вмешательство в права данного лица. ЕСПЧ признал, что требования ст. 8 Конвенции были нарушены [22]. Полагаем, что такая позиция ЕСПЧ отвечает интересам ребенка, что не исключает его право по достижении совершеннолетия получить информацию о своем биологическом отце.

Заключение

Легализация суррогатного материнства отвечает современным прогрессивным тенденциям развития законодательства. Однако суррогатное материнство не может в полной мере решить демографическую проблему. Следует заботиться о здоровье молодого поколения, вступающего во взрослую жизнь, чтобы молодые люди могли иметь детей. Важной задачей является повышение уровня просветительской работы с будущими супругами перед заключением брака, в т. ч. о совместимости молодых людей, их возможности иметь детей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Pesce, C. Donor Egg, Surrogacy, and Adoption for Breast Cancer Survivors / C. Pesce // *Current Breast Cancer Rep.* – 2023. – Vol. 15, nr 1. – P. 24–29.
2. Development and validation of the attitude towards Surrogacy Scale in a polish sample / K. Lutkiewicz [et al.] // *BMC Pregnancy a. Childbirth.* – 2023. – Vol. 23, nr 1. – URL: <https://bmcpregnancychildbirth.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12884-023-05751-x> (дата обращения: 04.01.2026).
3. Surrogacy: the experiences of surrogate mothers / V. Jadvá [et al.] // *Human Reproduction.* – 2003. – Vol. 18, nr 10. – P. 2196–2204.
4. Айвар, Л. К. Проблемы, возникающие при использовании вспомогательных репродуктивных технологий / Л. К. Айвар // *Современное право.* – 2006. – № 9. – С. 64–67.
5. Tavakkoli, S. N. The status of ‘mother’ in gestational surrogacy: the Shi‘i jurisprudential perspective / S. N. Tavakkoli // *Asian Bioethics Rev.* – 2022. – Vol. 14, nr 4. – P. 337–348.
6. Olaye-Felix, B. Surrogacy and the law in the UK / B. Olaye-Felix, D. E. Allen, N. H. Metcalfe // *Postgraduate Med. J.* – 2023. – Vol. 99, nr 1170. – P. 358–362.
7. Attitudes of different religions toward surrogacy: analysis of 11 countries’ situation using machine learning approach and artificial neural networks / M. Yildiz [et al.] // *J. of Religion a. Health.* – 2023. – Vol. 62, nr 5. – P. 3230–3251.
8. Struggles for reproductive justice in the era of anti-genderism and religious fundamentalism / ed.: R. Selberg, M. Kolankiewicz, D. Mulinari. – Cham : Palgrave Macmillan, 2023. – 263 p.
9. Хмарская, М. Е. Правовое регулирование суррогатного материнства / М. Е. Хмарская // *Актуальные проблемы частного права : всерос. науч. интернет-конф., 4–29 марта 2013 г.* – URL: <http://conf.omua.ru/content/pravovoe-regulirovanie-surrogatnogo-materinstva> (дата обращения: 04.01.2026).
10. Богданова, Н. А. Категория статуса в конституционном праве / Н. А. Богданова // *Вестник МГУ. Серия Право.* – 1998. – № 3. – С. 3–20.
11. Борисова, Т. Е. Ответственность по договору суррогатного материнства / Т. Е. Борисова // *Законность.* – 2010. – № 11. – С. 47–50.
12. По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 17 гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М. В. Григорьевой : постановление Конституционного Суда РФ от 2 марта 2023 г. № 7-П // *КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс».* – М., 2026.
13. Эрделевский, А. М. О компенсации за причинение страданий / А. М. Эрделевский // *Хозяйство и право.* – 2024. – № 2. – С. 3–16.

14. Shapiro, J. For a feminist considering surrogacy, is compensation really the key question? / J. Shapiro // *Washington Law Rev.* – 2014. – Vol. 89. – P. 1345–1373.
15. Fayemi, A. K. Global justice in the context of transnational surrogacy: an African bioethical perspective / A. K. Fayemi, A. E. Chimakonam // *Theoretical Medicine a. Bioethics.* – 2022. – Vol. 43, nr 2-3. – P. 75–93.
16. Panitch, V. Global surrogacy: exploitation to empowerment / V. Panitch // *J. of Global Ethics.* – 2013. – Vol. 9, nr 3. – P. 329–343.
17. Тоффлер, Э. Шок будущего / Э. Тоффлер. – М. : АСТ, 2002. – 256 с.
18. Самарин, В. И. Правовое регулирование суррогатного материнства в Республике Беларусь : по состоянию на 14.03.2011 г. / В. И. Самарин, А. А. Пухов // *КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь.* – Мн., 2026.
19. Рузиев, Р. Вопросы классификации смешанного договора / Р. Рузиев // *Вестник Высшего Хозяйственного Суда Республики Узбекистан.* – 2015. – № 4. – URL: <https://fheruz.wordpress.com/journalarticles/ja0008> (дата обращения: 16.01.2026).
20. Богданова, Г. В. Проблемы правового регулирования личных и имущественных отношений между родителями и детьми : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 12.00.03 / Богданова Галина Васильевна ; Саратов. экон. акад. – Саратов, 2009. – 34 с.
21. Мицци (Mizzi) против Мальты (жалоба № 26111/02) : Информация о постановлении Европейского Суда по правам человека от 12.01.2006 // *КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс».* – М., 2026 (дата обращения: 11.01.2026).
22. Шнейдер (SCHNEIDER) против Германии (Жалоба № 17080/07) : постановление ЕСПЧ от 15.09.2011 // *КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс».* – М., 2026 (дата обращения: 11.01.2026).

REFERENCES

1. Pesce, C. Donor Egg, Surrogacy, and Adoption for Breast Cancer Survivors / C. Pesce // *Current Breast Cancer Rep.* – 2023. – Vol. 15, nr 1. – P. 24–29.
2. Development and validation of the attitude towards Surrogacy Scale in a polish sample / K. Lutkiewicz [et al.] // *BMC Pregnancy a. Childbirth.* – 2023. – Vol. 23, nr 1. – URL: <https://bmcpregnancychildbirth.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12884-023-05751-x> (data obrashcheniya: 04.01.2026).
3. Surrogacy: the experiences of surrogate mothers / V. Jadv [et al.] // *Human Reproduction.* – 2003. – Vol. 18, nr 10. – P. 2196–2204.
4. Aivar, L. K. Problemy, vznikayushchie pri ispol'zovanii vspomogatel'nykh reproductivnykh tekhnologii / L. K. Aivar // *Sovremennoe pravo.* – 2006. – № 9. – S. 64–67.
5. Tavakkoli, S. N. The status of 'mother' in gestational surrogacy: the Shi'i jurisprudential perspective / S. N. Tavakkoli // *Asian Bioethics Rev.* – 2022. – Vol. 14, nr 4. – P. 337–348.
6. Olaye-Felix, B. Surrogacy and the law in the UK / B. Olaye-Felix, D. E. Allen, N. H. Metcalfe // *Postgraduate Med. J.* – 2023. – Vol. 99, nr 1170. – P. 358–362.
7. Attitudes of different religions toward surrogacy: analysis of 11 countries' situation using machine learning approach and artificial neural networks / M. Yildiz [et al.] // *J. of Religion a. Health.* – 2023. – Vol. 62, nr 5. – P. 3230–3251.
8. Struggles for reproductive justice in the era of anti-genderism and religious fundamentalism / ed.: R. Selberg, M. Kolankiewicz, D. Mulinari. – Cham : Palgrave Macmillan, 2023. – 263 p.
9. Khmarskaya, M. Ye. Pravovoe regulirovanie surrogatnogo materinstva / M. Ye. Khmarskaya // *Aktual'nye problemy chastnogo prava : vseros. nauch. internet-konf., 4–29 marta 2013 g.* – URL: <http://conf.omua.ru/content/pravovoe-regulirovanie-surrogatnogo-materinstva> (data obrashcheniya: 04.01.2026).
10. Bogdanova, N. A. Kategoriya statusa v konstitutsionnom prave / N. A. Bogdanova // *Vestnik MGU. Seriya Pravo.* – 1998. – № 3. – S. 3–20.
11. Borisova, T. Ye. Otvetstvennost' po dogovoru surrogatnogo materinstva / T. Ye. Borisova // *Zakonnost'.* – 2010. – № 11. – S. 47–50.

12. Po delu o proverke konstitutsionnosti punkta 2 stat'i 17 grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii v svyazi s zhaloboi grazhdanki M. V. Grigor'evoi : postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 2 marta 2023 g. № 7-P // Konsul'tantPlyus. Rossiya / ZAO «Konsul'tant Plyus». – M., 2026.
13. Erdelevskii, A. M. O kompensatsii za prichinenie stradanii / A. M. Erdelevskii // Khozyaistvo i pravo. – 2024. – № 2. – S. 3–16.
14. Shapiro, J. For a feminist considering surrogacy, is compensation really the key question? / J. Shapiro // Washington Law Rev. – 2014. – Vol. 89. – P. 1345–1373.
15. Fayemi, A. K. Global justice in the context of transnational surrogacy: an African bioethical perspective / A. K. Fayemi, A. E. Chimakonam // Theoretical Medicine a. Bioethics. – 2022. – Vol. 43, nr 2–3. – P. 75–93.
16. Panitch, V. Global surrogacy: exploitation to empowerment / V. Panitch // J. of Global Ethics. – 2013. – Vol. 9, nr 3. – P. 329–343.
17. Toffler, E. Shok budushchego / E. Toffler. – M. : AST, 2002. – 256 s.
18. Samarin, V. I. Pravovoe regulirovanie surrogatnogo materinstva v Respublike Belarus' : po sostoyaniyu na 14.03.2011 g. / V. I. Samarin, A. A. Pukhov // Konsul'tantPlyus. Belarus' / OOO «YurSpektr», Nats. tsentr pravovoi inform. Resp. Belarus'. – Mn., 2026.
19. Ruziev, R. Voprosy klassifikatsii smeshannogo dogovora / R. Ruziev // Vestnik Vysshogo Khozyaistvennogo Suda Respubliki Uzbekistan. – 2015. – № 4. – URL: <https://fheruz.wordpress.com/journalarticles/ja0008> (data obrashcheniya: 16.01.2026).
20. Bogdanova, G. V. Problemy pravovogo regulirovaniya lichnykh i imushchestvennykh otnoshenii mezhdru roditelyami i det'mi : avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk : 12.00.03 / Bogdanova Galina Vasil'evna ; Sarat. ekon. akad. – Saratov, 2009. – 34 s.
21. Mitsti (Mizzi) protiv Mal'ty (zhaloba № 26111/02) : Informatsiya o postanovlenii Yevropeiskogo Suda po pravam chloveka ot 12.01.2006 // Konsul'tantPlyus. Rossiya / ZAO «Konsul'tantPlyus». – M., 2026 (data obrashcheniya: 11.01.2026).
22. Shneider (SCHNEIDER) protiv Germanii (Zhaloba № 17080/07) : postanovlenie ESPCh ot 15.09.2011 // Konsul'tantPlyus. Rossiya / ZAO «Konsul'tantPlyus». – M., 2026 (data obrashcheniya: 11.01.2026).

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 11.03.2026

УДК 343

DOI 10.63874/2218-0281-2026-1-148-154

Елена Викторовна Романюк*магистр юрид. наук, ст. преподаватель каф. теории и истории государства и права
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина***Elena Romanyuk***Master of Laws, Senior Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law
of Brest State A. S. Pushkin University**e-mail: lee_@mail.ru*

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРОПАГАНДУ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Рассматривается влияние пропаганды наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов в массовой культуре (музыке, кино) на рост рисков вовлечения молодежи в наркопотребление. Исследуются международно-правовые нормы Республики Беларусь и опыт Российской Федерации. Сделан вывод о необходимости принятия в Республике Беларусь закона, предполагающего введение административной ответственности за пропаганду наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, а также комплексного подхода, сочетающего запретительные меры с просвещением и профилактикой.

***Ключевые слова:** административная ответственность, уголовная ответственность, пропаганда наркотических средств.*

Legal Liability for Propaganda of Narcotic Drugs, Psychotropic Substances, and Their Analogues in the Republic of Belarus

This article examines the impact of propaganda of narcotic drugs, psychotropic substances, and their analogues in popular culture (music, cinema) on the increased risk of youth involvement in drug use. International legal norms the Republic of Belarus and the experience of the Russian Federation are examined. It is concluded that it is necessary to adopt a law in the Republic of Belarus that provides for the introduction of administrative responsibility for the promotion of narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues, as well as an integrated approach combining prohibitive measures with education and prevention.

***Key words:** administrative liability, criminal liability, propaganda of narcotic drugs.*

Введение

В современном медиапространстве публикуемый контент оказывает влияние на формирование ценностных ориентаций, особенно среди молодежи. В музыкальной индустрии, прежде всего в жанре рэп, в последние десятилетия часто встречаются упоминания наркотических средств и психотропных веществ, которые нередко подаются в романтизированном или обыденном ключе. Данная тенденция наблюдается как в зарубежной, так и в русскоязычной культуре, где отдельные исполнители фактически популяризируют потребление запрещенных веществ.

Исследование посвящено общественным отношениям, складывающимся в сфере противодействия распространению информации о наркотических средствах и психотропных веществах в массмедиа.

Предметом исследования являются нормы международного права, законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации, регулирующие ответственность за пропаганду наркотиков; также будут изучены формы влияния такого контента на сознание молодежи.

Цель исследования заключается в обосновании необходимости введения юридической ответственности за пропаганду наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов в Республике Беларусь с учетом анализа зарубежного опыта и выработке предложений по совершенствованию законодательства и профилактических мер.

Основная часть

Многие современные певцы в своем творчестве упоминают наркотические и психотропные вещества, особенно часто – российские рэп-исполнители. Сюжеты песен зачастую полностью посвящены отдыху,

связанному с потреблением запрещенных веществ; тексты формируют представление о мнимой «крутости» употребления таких веществ.

В одном популярном американском сериале про старшеклассников запрещенные вещества – одна из главных тем. Причем употребление наркотиков героями фильма демонстрируется как нечто обыденное или даже позитивное. В связи с этим возникает необходимость рассмотреть вопрос, влияет ли демонстрация и пропаганда запрещенных веществ в массмедиа на увеличение вероятности употребления запрещенных веществ среди зрителей или слушателей. Пропаганду можно наблюдать как в зарубежной культуре, так и на русскоязычном культурном пространстве. В настоящее время потребителями наркотиков являются социально адаптированные и достаточно благополучные подростки, молодые люди из семей с высоким материальным уровнем жизни и социальным статусом. Это означает, что причины наркомании лежат не только в экономической плоскости. На вовлечение в наркопотребление влияют особенности переходного периода от детства к взрослости, характеризующиеся, например, большим количеством свободного времени, специфическими формами проведения досуга, неустойчивым ценностным полем.

В настоящее время в Республике Беларусь не предусмотрена юридическая ответственность за пропаганду наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов. Однако пропаганда этих веществ является не менее опасным деянием, сопутствующим незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов.

Конвенция о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, принятая ООН в Вене 20 декабря 1988 г., закрепляла положения о том, что страны-участницы должны принять меры, направленные на то, чтобы «признать уголовными преступлениями согласно своему законодательству следующие действия, когда они совершаются преднамеренно, в частности, публичное подстрекательство или побуждение других любыми средствами к совершению любого из правонарушений, признанных таковыми в соответствии с на-

стоящей статьей, или к незаконному использованию наркотических средств или психотропных веществ» (ст. 3 ч. 1 п. с, пп. iii) [1].

Конвенция не детализирует формы пропаганды, но обязывает страны принимать меры против использования информационных технологий (включая Интернет) для распространения наркотиков.

Административная ответственность за потребление наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в общественном месте либо появление в общественном месте в состоянии, вызванном потреблением без назначения врача-специалиста наркотических средств или психотропных веществ либо потреблением их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность, предусмотрена ст. 19.3 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП Республики Беларусь) [1].

Уголовная ответственность предусмотрена за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов (ст. 328 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь), их незаконное перемещение через таможенную границу Евразийского экономического союза и (или) Государственную границу Республики Беларусь (ст. 328¹ УК Республики Беларусь); потребление наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в общественном месте либо появление в общественном месте или нахождение на работе в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ, совершенные в течение года после наложения административного взыскания за такие же нарушения (ст. 328² УК Республики Беларусь), а также за склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 331 УК Республики Беларусь) [3].

Рассмотрим опыт Российской Федерации как государства с наиболее близкой Беларуси правовой системой. Административная ответственность за пропаганду наркотиков в России существует уже давно, но в августе 2024 г. законодательство в этой обла-

сти было значительно ужесточено: в Российской Федерации были приняты законы, устанавливающие административную и уголовную ответственность за пропаганду незаконного оборота и потребления наркотиков. Согласно новой редакции ст. 6.13 КоАП РФ (распространение информации о наркотических средствах, психотропных веществах и об их прекурсорах, о растениях, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, а также об аналогах наркотических средств и психотропных веществ с нарушением установленных законодательством Российской Федерации требований), распространение произведений литературы и искусства, содержащих информацию о наркотических средствах и психотропных веществах с нарушением требований о маркировке указанных произведений, влечет для граждан предупреждение или наложение административного штрафа. На должностных лиц, лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, на юридических лиц накладывается административный штраф с конфискацией продукции, явившейся предметом административного правонарушения [4, ст. 6.13].

Также наложением штрафа, конфискацией и административным приостановлением деятельности будут наказываться пропаганда наркотических средств и психотропных веществ, также пропаганда в информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет) [4].

Федеральным законом от 8 августа 2024 г. № 226-ФЗ Уголовный кодекс Российской Федерации был дополнен ст. 230.3 (пропаганда наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры), предусматривающей уже уголовную ответственность за пропаганду наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров, в информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет), совершенную лицом после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние два раза в течение одного года либо имеющим судимость за совершение преступления по этой же статье [5, ст. 230.3].

При этом под пропагандой понимается распространение информации и материалов о:

1) способах, методах разработки, производства, изготовления, переработки, хранения, перевозки, пересылки, сбыта, приобретения, использования, потребления, ввоза, вывоза наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров, местах их приобретения;

2) способах, методах приобретения, хранения, перевозки, пересылки, культивирования наркосодержащих растений, местах их приобретения;

3) *допустимости, привлекательности либо необходимости незаконного потребления наркотических средств или психотропных веществ, потребления их аналогов;*

4) каких-либо преимуществах незаконного использования отдельных наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, наркосодержащих растений;

5) использовании в медицинских целях подавляющих волю человека либо отрицательно влияющих на его психическое или физическое здоровье наркотических средств, психотропных веществ, наркосодержащих растений;

6) совершении иных незаконных действий с наркотическими средствами, психотропными веществами, их аналогами и прекурсорами, наркосодержащими растениями *путем их оправдания или представления как общепринятых норм поведения* [6].

Эти изменения в УК РФ, КоАП РФ и Федеральный закон «О наркотических средствах и психотропных веществах» вступили в силу с 1 сентября 2025 г. Можно сказать, что данные нормы работают, т. к. исполнители стали корректировать свои тексты, удалять контент, пропагандирующий наркотики. Многие музыкальные треки были удалены с платформ, исполнители стали заblоривать или заменять упоминание наркотиков. В целом многие музыканты стали придерживаться других, более положительных сценических образов. Безусловно, для анализа всех существующих произведений искусства потребуется много времени, однако сейчас с использованием искусственного интеллекта, это будет сделать намного

проще. Так, в феврале 2026 г. были возбуждены административные дела о пропаганде наркотических веществ против рэперов Г. и Ф.

Далее рассмотрим, каким образом пропаганда наркотических средств в фильмах, песнях и других медиа может влиять на сознание людей, особенно на самые уязвимые группы, такие как несовершеннолетние.

1. Романтизация и нормализация.

Если наркотики демонстрируются как часть образа жизни привилегированной группы (например, очень богатых людей, творческой тусовки, популярных ребят в учебном заведении), то у зрителей может сложиться ложное впечатление, что их употребление безопасно и даже престижно.

2. Эффект подражания.

Люди, особенно молодые, склонны копировать поведение кумиров (музыкантов, актеров, блогеров).

3. Снижение уровня критического восприятия.

Постоянное упоминание наркотиков в позитивном ключе притупляет опасения, создает иллюзию безопасности и может подтолкнуть к экспериментам с запрещенными веществами. Тем более, что в фильмах и песнях редко показывают реальные последствия (зависимость, проблемы со здоровьем, вовлечение в преступную среду, судимость), создавая иллюзию контроля.

Медиаконтент не всегда напрямую заставляет людей принимать наркотики, но формирует восприятие, снижает страх и косвенно может склонить их к опасному поведению. Пропаганда наркотиков может подталкивать людей к употреблению, увеличивая риски зависимостей. Распространение «культуры» наркопотребления косвенно поддерживает наркоторговлю и связанную с ней преступность, поэтому важно критически оценивать такой контент и обсуждать его реальные последствия.

Юридическая ответственность за пропаганду наркотиков в Республике Беларусь необходима, т. к. это помогает снизить их популяризацию и минимизировать негативное влияние на общество, особенно на молодежь. Однако стоит рассмотреть некоторые спорные моменты. Важно четко определить, где находится грань между пропагандой и художественным изображением, ведь не всякое упоминание наркотиков в кино или

музыке является пропагандой. Важен контекст: осуждается ли их употребление или романтизируется и идеализируется? В кино наркотики могут служить как для критики (например, в фильме «Реквием по мечте»). Запрет не должен распространяться на классические произведения (например, книги Конан Дойла или Булгакова и фильмы на их основе), а также на случаи, где наркотики являются оправданной жанром частью художественного замысла. Допускается распространение информации о наркотиках в научных, медицинских или правоохранных целях, если оно не поощряет их потребления.

Юридическая ответственность за пропаганду наркотиков оправдана, но ее применение должно быть взвешенным, чтобы не нарушать свободу творчества и не вызывать обратного эффекта. Важно сочетать запреты с профилактикой и просвещением. Для эффективного противодействия пропаганде наркотиков необходим комплексный подход, включающий законодательные, профилактические и образовательные меры. Считаем целесообразным закрепить определение понятия пропаганды, чтобы оно охватывало не только прямую рекламу, но и скрытую популяризацию (например, через сленг, мемы, намеки, аллегории). Также необходимо усилить контроль за соцсетями и медиа: обязать платформы оперативно удалять контент, пропагандирующий наркотики, ввести ответственность для владельцев ресурсов за распространение такого контента, запретить финансирование проектов (фильмов, клипов, блогов), романтизирующих наркотики.

Стоит рассмотреть вопрос о введении в школах и вузах программ по медиаграмотности, разъясняющих манипулятивные техники пропаганды. Необходимо создавать альтернативный качественный контент: поддерживать музыкантов, блогеров и кинематографистов, продвигающих здоровый образ жизни. Стоит освещать реальные истории бывших зависимых в соцсетях и СМИ (без сенсационности, с акцентом на последствия).

В Республике Беларусь также планируют ввести административную ответственность за пропаганду наркотиков. Это предусмотрено проектом закона «Об изменении законов по вопросам пропаганды наркотических средств, психотропных веществ, их

аналогов», который 17 февраля 2026 г. был внесен в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь. Головной комиссией по проекту закона определена Постоянная комиссия Палаты представителей по национальной безопасности [7].

Закон предлагает дополнить КоАП Республики Беларусь ст. 17.7 следующего содержания:

«Статья 17.7. Пропаганда наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов.

Пропаганда наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов влечет наложение штрафа в размере до двадцати базовых величин с конфискацией предмета административного правонарушения или без конфискации, или общественные работы с конфискацией предмета административного правонарушения или без конфискации, или административный арест с конфискацией предмета административного правонарушения или без конфискации.

Примечание. Термин “пропаганда наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов”, применяемый в настоящей статье, имеет значение, определенное законодательством о наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах» [7].

Кроме того, предполагается корректировка законов «О средствах массовой информации» и «Аб выдавецкай справе» для обеспечения единства терминологии в плане определения пропаганды наркотических средств, психотропных веществ, аналогов.

Неоднозначным является вопрос, что именно признавать пропагандой наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов. На наш взгляд, под пропагандой следует признавать *умышленное распространение в любой форме информации о наркотических средствах, психотропных веществах, их аналогах с целью вызвать у индивидуально-неопределенного круга лиц желание незаконно потребить эти вещества либо совершить преступление, связанное с незаконным оборотом запрещенных веществ.*

М. В. Анисифорова, кандидат юридических наук, исследовавшая проблему привлечения к ответственности за пропаганду наркотиков, обращает внимание, что работа

по изучению популярного среди несовершеннолетних творческого контента должна проводиться на постоянной основе. Также она видит проблему в отсутствии точного законодательного определения наркопропаганды, в отождествлении понятий «пропаганда» и «незаконная реклама», хотя они имеют разные правовые основы регулирования и неидентичную юридическую суть [8].

Юристы А. С. Логинова и Л. А. Лушина также считают, что один из проблемных аспектов данной темы обусловлен отсутствием четкого нормативного закрепления понятия «пропаганда наркотических средств, психотропных веществ, что влияет на эффективность процесса доказывания исследуемой категории дел» [9].

Следует согласиться с этими специалистами и признать, что грамотная формулировка и нормативное закрепление понятия «пропаганда» будет способствовать конкретизации предмета доказывания и единообразию правоприменительной практики по данным делам.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ позволяет утверждать, что демонстрация и пропаганда наркотических средств в массовой культуре, особенно в музыкальном творчестве и кинематографе, оказывает существенное влияние на рост рисков вовлечения в наркопотребление среди молодежи. Романтизация запрещенных веществ, эффект подражания кумирам и формирование иллюзии безопасности создают благоприятную почву для экспериментов с наркотиками среди несовершеннолетних.

Международное сообщество давно признало опасность пропаганды наркотиков: Конвенция ООН 1988 г. прямо обязывает государства криминализировать публичное подстрекательство к их потреблению. Опыт Российской Федерации, где с 2025 г. введена административная и уголовная ответственность за такую пропаганду, показывает практическую эффективность запретительных мер: музыканты корректируют тексты, а противоправный контент удаляется с платформ.

В Республике Беларусь в настоящее время отсутствует юридическая ответственность за пропаганду наркотических средств,

психотропных веществ, их аналогов, что создает правовой пробел в сфере противодействия их романтизации. Внесенный в феврале 2026 г. в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь законопроект, дополняющий КоАП Республики Беларусь ст. 17.7, является своевременной и необходимой мерой, направленной на защиту общества, прежде всего молодежи, от деструктивного контента.

Однако при введении ответственности важно четко определить границы между пропагандой, демонстрацией и художественным изображением, чтобы запреты не распространялись на классические произведения, научные или медицинские материалы,

а также контексты, осуждающие наркопотребление.

Считаем, что только запретительными мерами проблему не решить: необходим комплексный подход, включающий усиление контроля за интернет-контентом, внедрение программ медиаграмотности в образовательных учреждениях и создание альтернативного качественного контента, продвигающего здоровый образ жизни. Только сочетание законодательной базы, мер профилактики и широкого общественного диалога способно снизить масштабы вовлечения молодежи в потребление и распространение наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (заключена в г. Вене 20.12.1988). – URL: https://www.unodc.org/pdf/convention_1988_ru.pdf (дата обращения: 19.02.2026).

2. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : 6 янв. 2021 г. № 91-3 : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-3 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 01.03.2026).

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г. № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-3 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 01.03.2026).

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ : принят Гос. Думой 20 дек. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 26 дек. 2001 г. : в ред. от 20 фев. 2026 г. // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 01.03.2026).

5. Уголовный кодекс Российской Федерации : от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. от 20 фев. 2026 г. // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 01.03.2026).

6. Прокуратура Республики Карелия : [сайт]. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_10/activity/legal-education/explain?item=99953759 (дата обращения: 19.02.2026).

7. Об изменении законов по вопросам пропаганды наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов : проект Закона Респ. Беларусь, внесен Советом Министров Респ. Беларусь // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/-document/?guid=3941&p0=2026009001> (дата обращения: 29.02.2026).

8. Анисифорова, М. В. Общие тенденции развития административной ответственности в области противодействия пропаганде наркотиков / М. В. Анисифорова // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» : [сайт]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschie-tendentsii-razvitiya-administrativnoy-otvetstvennosti-v-oblasti-protivodeystviya-propagande-narkotikov> (дата обращения: 07.02.2026).

9. Логинова, А. С. Проблемы квалификации и привлечения к административной ответственности за пропаганду наркотических средств, психотропных веществ в сети Интернет / А. С. Логинова, Л. А. Лушина // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» : [сайт]. – <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kvalifikatsii-i-privlecheniya-k-administrativnoy-otvetstvennosti-za-propagandu-narkoticheskikh-sredstv-psihotropnyh> (дата обращения: 07.02.2026).

REFERENCES

1. Konventsiya Organizatsii Ob'edinennykh Natsii o bor'be protiv nezakonnogo oborota narkoticheskikh sredstv i psikhotropnykh veshchestv (zaklyuchena v g. Vene 20.12.1988). – URL: https://www.unodc.org/pdf/convention_1988_ru.pdf (data obrashcheniya: 19.02.2026).
2. Kodeks Respubliki Belarus' ob administrativnykh pravonarusheniyakh : 6 yanv. 2021 g. № 91-Z : prinyat Palatoi predstavitelei 18 dek. 2020 g. : odobr. Sovetom Resp. 18 dek. 2020 g. : v red. Zakona Resp. Belarus' ot 20 okt. 2025 g. № 101-Z // ETALON : inform.-poiskovaya sistema (data obrashcheniya: 01.03.2026).
3. Ugolovnyi kodeks Respubliki Belarus' : 9 iyulya 1999 g. № 275-Z : prinyat Palatoi predstavitelei 2 iyunya 1999 g. : odobr. Sovetom Resp. 24 iyunya 1999 g. : v red. Zakona Resp. Belarus' ot 20 okt. 2025 g. № 101-Z // ETALON : inform.-poiskovaya sistema (data obrashcheniya: 01.03.2026).
4. Kodeks Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh : ot 30 dek. 2001 g. № 195-FZ : prinyat Gos. Dumoi 20 dek. 2001 g. : odobr. Sovetom Federatsii 26 dek. 2001 g. : v red. ot 20 fev. 2026 g. // Konsul'tantPlyus. Rossiya : sprav. pravovaya sistema (data obrashcheniya: 01.03.2026).
5. Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii : ot 13 iyunya 1996 g. № 63-FZ : prinyat Gos. Dumoi 24 maya 1996 g. : odobr. Sovetom Federatsii 5 iyunya 1996 g. : v red. ot 20 fev. 2026 g. // Konsul'tantPlyus. Rossiya : sprav. pravovaya sistema (data obrashcheniya: 01.03.2026).
6. Prokuratura Respubliki Kareliya : [sait]. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_10/activity/legal-education/explain?item=99953759 (data obrashcheniya: 19.02.2026).
7. Ob izmenenii zakonov po voprosam propagandy narkoticheskikh sredstv, psikhotropnykh veshchestv, ikh analogov : proekt Zakona Resp. Belarus', vnesen Sovetom Ministrov Resp. Belarus' // Natsional'nyi pravovoi Internet-portal Respubliki Belarus'. – URL: <https://pravo.by/document/?-guid=3941&p0=2026009001> (data obrashcheniya: 29.02.2026).
8. Anisiforova, M. V. Obshchie tendentsii razvitiya administrativnoj otvetstvennosti v oblasti protivodeystviya propagande narkotikov / M. V. Anisiforova // Nauchnaya elektronnyaya biblioteka «KiberLeninka» : [sait]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschie-tendentsii-razvitiya-administrativnoy-otvetstvennosti-v-oblasti-protivodeystviya-propagande-narkotikov> (data obrashcheniya: 07.02.2026).
9. Loginova, A. S. Problemy kvalifikatsii i privlecheniya k administrativnoj otvetstvennosti za propagandu narkoticheskikh sredstv, psikhotropnykh veshchestv v seti Internet / A. S. Loginova, L. A. Lushina // Nauchnaya elektronnyaya biblioteka «KiberLeninka» : [sait]. – <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kvalifikatsii-i-privlecheniya-k-administrativnoj-otvetstvennosti-za-propagandu-narkoticheskikh-sredstv-psikhotropnykh> (data obrashcheniya: 07.02.2026).

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 02.03.2026

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Матэрыялы прадстаўляюцца на беларускай, рускай ці англійскай мове ў адным экзэмпляры аб'ёмам да 0,5 друкаванага аркуша (да 20 000 знакаў (без уліку метададзеных)), у электронным варыянце – у фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc, *.docx ці *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармату А4 (21×29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадковы інтэрвал – адзінарны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, якія ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Усе малюнкi і фотаздымкі павінны быць толькі ў чорна-белым выкананні. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Пажадана пазбягаць скарачэнняў слоў, акрамя агульнапрынятых. Спіс літаратуры павінен быць аформлены паводле Узораў афармлення бібліяграфічнага апісання ў спісе крыніц, якія прыводзяцца ў дысертацыі і аўтарэфераце, зацверджаных загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 25.06.2014 № 159 (у рэдакцыі загада ад 13.10.2025 № 206). Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылак падаюцца ў квадратных дужках ([1–4], [1; 3], [1, с. 32], [2, с. 52–54], [3, л. 5], [4, л. 6 об.]). Не дапускаецца выкарыстанне канцавых зносака.

Матэрыял уключае наступныя элементы па парадку:

- індэкс УДК;
- імя, імя па бацьку, прозвішча аўтара/аўтараў (аўтараў не больш за 5) на мове артыкула;
- звесткі пра аўтара/аўтараў (навуковая ступень, званне, пасада, месца працы/вучобы) на мове артыкула;
- імя, імя па бацьку, прозвішча аўтара/аўтараў на англійскай мове;
- звесткі пра аўтара/аўтараў на англійскай мове;
- e-mail аўтара/аўтараў;
- назва артыкула на мове артыкула;
- анатацыя ў аб'ёме 100–150 слоў і ключавыя словы на мове артыкула (курсіў, кегль – 10 pt.);
- назва артыкула на англійскай мове;
- анатацыя і ключавыя словы на англійскай мове.

Звесткі аб навуковым кіраўніку (для аспірантаў і саіскальнікаў) указваюцца на першай старонцы ўнізе.

Асноўны тэкст структуравана ў адпаведнасці з патрабаваннямі Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў:

- Уводзіны (пастаноўка мэты і задач даследавання).
- Асноўная частка (матэрыялы і метады даследавання; вынікі і іх абмеркаванне).
- Заключэнне (фармулююцца асноўныя вынікі даследавання, указваецца іх навізна, магчымасці выкарыстання).
- Спіс выкарыстанай літаратуры; спіс літаратуры павінен уключаць не больш за 20–22 крыніцы і абавязкова ўтрымліваць публікацыі, у тым ліку замежныя, па тэме даследавання за апошнія 10 гадоў.

➤ References – спіс выкарыстанай літаратуры, які прадубліраваны лацінскім алфавітам (колькасць крыніц, прыведзеных у спісе і ў References, павінна супадаць).

Да рукапісу артыкула абавязкова дадаюцца:

- выпіска з пратакола пасяджэння кафедры, навуковай лабараторыі ці ўстановы адукацыі, дзе працуе (вучыцца) аўтар, завераная пячаткаю, з рэкамендацыяй артыкула да друку;
- рэцэнзія знешняга ў адносінах да аўтара профільнага спецыяліста з вучонай ступенню, завераная пячаткаю;
- экспертнае заключэнне (для аспірантаў і дактарантаў);
- вынікі праверкі тэксту на прадмет арыгінальнасці пры дапамозе інструмента «Антыплагіят».

Усе артыкулы абавязкова праходзяць «сляпое» рэцэнзаванне. Рукапісы, аформленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегія не разглядае і не вяртае. Аўтары нясуць адказнасць за змест прадстаўленага матэрыялу.

Рукапіс артыкула і дакументы дасылаць на адрас: 224016, г. Брэст, бульвар Касманаўтаў, 21, рэдакцыя часопіса «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта», электронны варыянт артыкула накіроўваць на e-mail: vesnik@brsu.by.

Карэктары *А. А. Іванюк, Л. М. Калілец*

Камп'ютарнае макетаванне *А. В. Кізул*

Падпісана ў друк 11.05.2026. Фармат 60×84/8. Папера афсетная. Гарнітура Таймс. Рызаграфія.

Ум. друк. арк. 18,14. Ул.-выд. арк. 13,64. Тыраж 50 экз. Заказ № 131.

Выдавец і паліграфічнае выкананне: УА «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы, распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/55 ад 14.10.2013.

ЛП № 02330/454 ад 30.12.2013.

224016, г. Брэст, вул. Міцкевіча, 28.